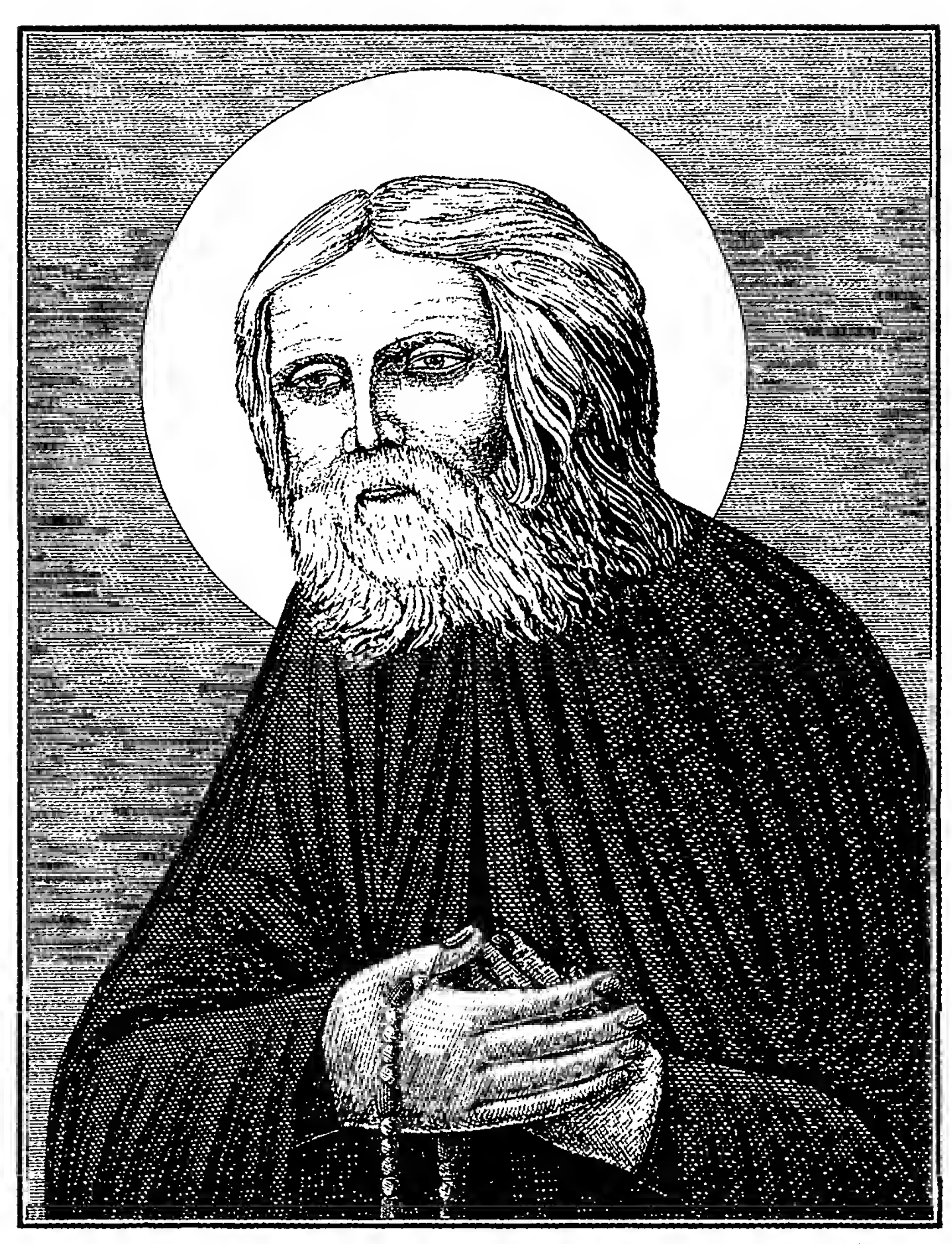
СОКРОВЕННЫЙ СТАРЕЦ СЕРАФИМ

**Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 11-101-0012**

Первое издание этой книги было осуществлено
издательством «Правило веры» по благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II
в 2007 году

ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

СОКРОВЕННЫЙ СТАРЕЦ

СЕРАФИМ

САРОВСКИЙ

Житие. Поучения.
Беседа о стяжании Благодати

Москва 2011

Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви ИС 11-101-0012

УДК 281.9 ББК 86.372 С 59 ISBN 978-5-94759-125-5

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Преподобный Серафим сокрылся от мира в уединенной Саровской пустыни. Склонный к созерцанию и богомыслию, он много лет провел в затворе, предаваясь молитве. Благодать Духа Божия обильно излилась через него, и не оскудевал поток народа, желающего услышать его совет и ощутить молитвенную поддержку. Ярким видимым плодом трудов Святого является просиявшая Серафимо-Дивеевская обитель.

Наш Сборник о преподобном Серафиме Саровском открывает малоизвестное жизнеописание Старца, написанное близким ему по духу чадом и изданное в 1844 г. В нем предстают бережно сохраненные в памяти почитателей духовные дарования Преподобного. Дар слова Старца был столь утешительный, что посещавшие его признавались, что эти «беседы снимали с глаз как бы некую завесу, озаряли ум светом духовного просвещения», «по чистоте духа он имел чудный дар прозорливости».

Продолжают Сборник «Духовные наставления» и «Поучение о молитве». В них видно, сколь усердно и вдумчиво изучал Преподобный творения Святых Отцов. Все свои слова и рассуждения он основывал на слове Божием и подтверждал текстами из Священного Писания и Святых Отцов, переведенными к тому времени Паисием Величковским. Объяснения старцем Серафимом тончайших движений духовной жизни помогают нам выполнять его завет — «умно проходить путь Божий».

Завершает Сборник «Беседа с Мотовиловым о цели христианской жизни» — завет Преподобного: «стяжите Дух Святый Божий».

СКАЗАНИЕ
О ЖИЗНИ
И ПОДВИГАХ

Изображение Старца Серафима
въ его пустынно жительствѣ.

Ежели когда-либо, то именно в наше время должно со всею возможною заботливостию собирать, сохранять и передавать во всеобщее сведение и малейшие черты благочестивой жизни таковых служителей Иисус-Христовых, каковы были современники наши Марк, Серапион, Георгий Машурин и Серафим — подвижники, известные, можно сказать, всей благочестивой России; чудные под-

---

Печатается по изданию: «Сказания о жизни и подвигах старца Серафима, иеромонаха Саровской пустыни и затворника, извлеченные из записок ученика его», 1844.

виги и деяния их передаются из уст в уста многочисленными очевидцами, слышателями, учениками и всеми, которых при жизни они назидали, просвещали, утешали, врачевали чудным своим словом, делом, примером и молитвой. Теперь, когда еще живы и рассеяны по всей России все эти свидетели, теперь-то и обнародовать, поверять и пополнять все сказания, подобные тем, которые здесь предлагаются вере и усердию наших соотчичей, о старце Серафиме, одним из близких учеников его. Ежели мы с такою заботливостию собираем малейшие рассказы, часто суетные, о полководцах, вельможах, писателях, поэтах и вообще о людях, почему-либо, часто и не по достоинству, сделавшихся известными, то тем бесконечно более должны мы дорожить каждым известием о таких вождях ко благочестию, о таких вельможах Господних, которых вся жизнь была посвящена молитвам о спасении ближних и царства Русского. Много и весьма много таких поучительных примеров бо-

гоугодного и назидательного жития остаются в неизвестности, по нерадению очевидцев-современников, а с их кончиною и вовсе забываются; оттого-то иные, не зная всего этого, часто приходят к несправедливой мысли, будто ныне на святой Руси ничего нет доброго и святого, и чрез то, легкомысленно презирая свои непознанные сокровища, всем сердцем прилепляются к чуждым ничтожным знаменитостям, коих слава часто созидается на легкомысленных разглашениях небывалых или недостойных, но изукрашенных подвигов; тогда как у нас вся Россия, можно сказать, свидетель жизни таких людей, каков старец Серафим.

Доблестный подвижник благочестия, иеромонах *Серафим* родился в Курске в 1759 году 19 июня. Отец его был курский купец *Исидор Мошкин*, мать *Агафия*. При святом крещении дано ему имя *Прохор*. Он был трех лет, когда лишился отца своего, который по благочестивому усердию устраивал и украшал

святые храмы Господни и приступил к сооружению в Курске каменного храма во имя великого в России чудотворца преподобного Сергия Радонежского; но при конце жизни оставил окончательное устроение сего здания на попечение жены своей. Впоследствии оно и было довершено уже под ее надзором.

Однажды, во время строения сего храма, Агафия пошла на самый верх здания, взяв и сына своего, бывшего тогда семи лет. Когда они взошли на здание, малютка Прохор отлучился от матери и по неосторожности упал с высоты здания на землю. Агафия стремительно побежала вниз, в страхе ожидая найти сына уже бездыханным; но, к удивлению ее, Прохор стоял на земле, совершенно невредим. Благочестивая мать усмотрела в этом особенное действие Промысла Божия, сохранившего сына ее, и со слезами благодарила Бога.

Отрок Прохор был отдан в научение грамоте, чтению и письму. Он был прилежен и проявлял остроту ума. Когда

ему было около десяти лет, с ним случилась болезнь, от которой он исцелился чудесно. В сонном видении явилась ему Богоматерь, обещала посетить его и исцелить от болезни. Это исполнилось. Известно, что в курском Знаменском монастыре находится чудотворная икона Божией Матери, именуемая Курская. Несколько раз в году бывает с сею иконою крестный ход по всему городу. Случилось, что с иконою шли по той улице, где был дом родителей Прохора, а время было ненастное, дождь шел ливнем; для скорейшего обхода понесли икону через двор Мошкиных на другую улицу. Мать Прохора, видя это, тотчас вспомнила, что было ему обещано в сонном видении; вынесла больного сына и приложила его к святой чудотворной иконе, которую и перенесли через него, и он в то же время чудесно получил совершенное исцеление.

После столь явного чуда в отроке Прохоре возгорелось пламенное усердие к Богу, Спасителю нашему, Иисусу Христу и Пречистой Его Матери.

Воспламеняясь более и более благочестивою ревностию, Прохор решился оставить дом, имение, мать, брата, родину и посвятить себя жизни иноческой. На 18-м году от рождения он получил увольнение от Курского градского общества для поступления в жизнь иноческую и, прощаясь с родиною, пал к стопам родительницы, прося благословения. Добрая мать, видя сына, жаждущего посвятить себя Богу, с теплыми слезами молилась о нем, подвела его к святым иконам, приложилась с ним к лику Спасителя и Божией Матери и, поручая своего сына Их покрову, благословила Прохора медным литым распятием, которое он принял как дар Божий, возложил на себя и носил на себе во всю жизнь до кончины.

Прежде избрания для себя какого-либо монастыря он пошел в Киев для поклонения святым мощам угодников Божиих. Достигнув цели странствования,— войдя в святую Печерскую Лавру и в церковь, «небеси подобную»,—

он пал со слезами на землю и благодарил Господа и Пречистую Его Матерь; с усердною молитвою припадал он и к ракам святых Антония, Феодосия и прочих угодников Божиих, там почивающих, прося, да наставят его на путь спасения и покажут место, удобное на пребывание, полезное для провождения иноческой жизни. Обходя и отцов, там живущих, Прохор просил советов их к богоугодному житию; расположившись говеть в Киеве и приобщиться святых Божественных Христовых Таин, он от тамошнего отца духовного узнал, что есть затворник, весьма богоугодной жизни, имеющий дар прозорливости, по имени Досифей, который жил в то время в Китаевской обители, недалеко от святой Лавры Печерской, куда Прохор немедленно и поспешил. Вскоре достиг он монастыря и, допущенный к блаженному затворнику, припал к ногам его, целовал стопы блаженного старца, открыл ему свое пламенное желание к иноческому житию, прося благословения. Про-

зорливый старец, проразумев в нем благодать Божию, ублажил его намерение, благословил его и, указав для его местопребывания Саровскую пустыню, сказал ему: «Гряди, чадо Божие, и пребудь там! место сие тебе будет во спасение; с помощию Господа путь скончаешь и земное странствие, только старайся стяжать непрестанную память о Боге, непрестанным призыванием Имени Божия, так: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешнаго!* — В этом да будет все твое внимание и обучение; ходя и сидя, делая и в церкви стоя, везде, на всяком месте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах, и в сердце твоем! С ним найдешь покой, приобретешь чистоту духовную и телесную, и вселится в тебя Дух Святой, источник всяких благ, и управит жизнь твою во святыне, во всяком благочестии и чистоте. Там, — продолжал блаженный затворник, — есть настоятель богоугодной жизни, имя ему Пахомий; он последователь жизни преподобных Отец

наших, Антония и Феодосия»*. Такою беседою отрок Прохор утешился выше всякого слова; небесным восторгом горела душа отрока; тут он непрестанно воспевал в душе своей: *что Ти, Господи, воздам о всех, яже воздал еси ми?* (см.: Пс. 115, 3). Приняв благословение от блаженного старца Досифея, возвратился он в святую Лавру, прося помощи святых угодников к предначатию иноческого жития, питая дух святынею и назидая себя примером богоугодной жизни блаженного затворника. Он оставил святую Лавру, возложив все упование на человеколюбивую, спасительную волю Божию и на покровительство Божией Матери. Управляемый и хранимый в пути Божественным Промыслом, он благополучно достиг богоспасаемой Саровской пустыни и радостно вступил во врата ее, как в обитель, перстом Божиим ему

* Сказывают, что сей блаженный затворник Досифей была в образе мужеском девица, именем Дария, дочь благородных родителей; она трудилась в затворе тридцать лет; а всего в иноческом житии провела 43 года и скончалась 1775 года на 55-м году от рождения.

указанную. Там он принят был с любовию святым старцем, строителем* Пахомием, и определен в число послушников. 20 ноября 1778 года, накануне Введения во храм Божией Матери, он поручен был старцу, иеромонаху Иосифу, в научение отеческому пути; по вступлении в обитель проходил он разные послушания: будильщика, просфорника и келейно занимался столярною работою; по обычаю иноков сей обители резал кипарисные кресты; при построении же в то время больничной церкви из усердия устроил он престол, своими руками, из кипариса. Все послушания проходил с великою ревностию и на церковное пение приходил прежде всех; и с Прохором пребывали милость Божия, умиление, сокрушение сердца, слезные токи, чаяние помилования, теплейшее моление, омерзение ко всем прелестям мира; при всяком богослужении проливал он источники слез; но бодр и мужествен являлся во всякое другое время.

---

* Строителем называли настоятеля обители.— *Ред.*

Во время чтения поучений никто не видал его сидящим; молчание его было самоуглубленное; глаза всегда обращал долу; зрение его было — внутрь себя; чувство вездеприсутствия Божия возносило дух горе́; молитва Иисусова во устах его возбуждала духовную молитву и в сердце его. При таком добром утверждении на истинном пути спасения возродилась в нем ревность к пустынной жизни, он часто уходил в лес; там, в уединенном месте, была сокровенная куща, где проводил он часы, исполняя правило Великого Пахомия. К таким упражнениям приступил он еще с самого начала, соблюдая всегда строжайший пост: один раз в день вкушал пищу, а в среду и пяток пребывал без пищи; в часы свободные, до службы и после службы, занимался чтением Евангелия, Апостола, Псалтири, Четьи-Минеи и других книг Святых Отцов; всегда читал стоя и пред образами, в молитвенном настроении, что называл бдением; и, только преклоняяся ко сну, оставлял

занятие свое; праздности всегда избегал. В то время в Саровской обители было великое число подвизавшихся братий; любовь Божия, всех одушевлявшая, блистала на самых лицах, и не было места вражде и зависти во всем скромном братстве, там спасавшемся.

В 1780 году, будучи послушником, Прохор занемог. Тогда за ним в особенности наблюдал наставник его, отец-казначей, иеромонах Иосиф; когда же Прохор пришел в крайнее изнеможение, так что опасались за жизнь его, то строитель обители, иеромонах Пахомий, предлагал ему врачей для пользования или советовал, чтобы позволил себе отворить кровь; но Прохор отвечал ему: я предал себя истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу, и Пречистой Его Матери, преблагословенной Деве Марии. Казначей же, духовный ему отец, иеромонах Иосиф, по любви к нему и по просьбе его, предложил строителю, что больной желает приобщиться Святых Божественных Таин и что сам он

желает отслужить о здравии Прохора всенощное бдение и литургию, чудотворному Образу Божией Матери, Живоносному Источнику, и приобщить болящего на литургии; на что строитель согласился. По отслужении иеромонахом всенощной и литургии Прохора приобщили Тела и Крови Господней, принесенных ему в келлию после литургии, и в таком положении оставили. Вскоре после сего он по своей вере получил исцеление: в видении посетила его Божия Матерь и возложила на главу его руки; он выздоровел.

1786 года августа 13 дня, по указу Святейшего Синода, Прохор пострижен в монашество строителем, иеромонахом Пахомием, и дано ему имя: *Серафим*. Приняв новое имя ангельское, он отвратил очи свои, *еже не видети суеты* (Пс. 118, 37), и, изменяясь изменением Божественным, направил путь внутренним вниманием и умным боговидением к Вечному Солнцу правды, Христу Богу, Имя Коего было непрестанно в сердце

и устах его. С горячею верою начал он подвизаться в приближении любовию к Господу и опытным образом узнал, что любовь укрепляет сердце и возвышает дух наш к Богу и Бог нисходит к нам, как и Сам Спаситель сказал: *любяй Мя, возлюблен будет Отцем Моим, и Аз возлюблю его и явлюся ему Сам* (Ин. 14, 21).

1787 года в декабре отец Серафим посвящен в иеродиакона преосвященным Виктором, епископом Владимирским и Муромским; приняв сей сан, он усугубил ревность и усердие к Господу Богу и к Святой Церкви, так, что в продолжение пяти лет и девяти месяцев находился во вседневном служении литургии, по чреде — у поздней; служил и ранние в разных приделах; *всякой день* приобщался Святых Таин, укрепляясь святынею, напрягая все свои силы к дальнейшим подвигам, полагая на всякий день начало благое с Псалмопевцем-царем; и, прилагая труды к трудам, старался подражать древним Святым Отцам: Пахо-

мию Великому, Стефану Новому, Илариону Великому и прочим. Праздничные и воскресные ночи проводил все во бдении, стоя неподвижно, в непрестанном славословии Божием, до самой литургии, стараясь всевозможно превозмогать усталость. Господь же, видя раба Своего, вдавшего себя на таковые труды, *любви Его ради*, излиял на него благодать Божественную, даровал ему силу и крепость, так что он не чувствовал трудности и забывал себя до такого состояния, в теле или кроме тела, что в некоторые дни не помнил о пище и питии и не спал. Но до такого утешительного состояния надлежало дойти многими трудами! Сколько тут было слез, сколько частых коленопреклонений; а всего более во время служения при литургиях, *аки на небеси стояти мнелся*; и причащение Святых Таин соделывало его блаженнейшим, *паче слова*, так, что некогда молился он и говорил со святым Ефремом: *Господи, удержи струи благодати Твоея, да почию мало.* О сем же

блаженнейшем состоянии Дух Святой вещал устами пророка Исаии: *надеющиеся на Господа обновят крепость, окрылатеют, яко орли, потекут и не утрудятся* (Ис. 40, 31).

По такой великой и неизреченной благодати Божией Серафим удостоился и дивных видений Божественных; говорил, что при службах церковных, как-то во время полунощницы, утрени, обедни, вечерни и правил, видал святых ангелов, сослужащих и с братиею поющих, в подобии юношей, молниезрачных, в одеждах белых и златотканых; гласы их ничему уподобить нельзя. От таковых видений изменялся он Божественным изменением, объятый Божественною любовию; «*и бысть сердце мое, яко воск тая от неизреченныя радости*,— продолжал Старец.— Не могу сказать тебе, что я был, в теле или кроме тела, не вем; Бог весть; но только упомнить мог, что я выхожу из церкви, да еще помнил, что я входил в нее».

«Еще не умолчу нечто преславнейшее, радость моя,— говорил Старец в восторге духа,— поведаю тебе дивное Божественное мне, убогому, посещение и преславное видение, но только дай слово, что ты от меня слышанное никому не поведаешь».— Я, многогрешный, поклонился Старцу и сказал, что обещаюсь умолчать, и помыслил: по смерти его открою; он же, провидев мое помышление, еще подтвердил: и ты с тем умри, и никому не поведай*. Сие меня, окаянного, поразило; я поклонился Святому Старцу; тут у меня невольно исторглись слезы, но Старец поднял меня от земли и, своею рукою отирая слезы мои, говорил: «Теперь время не скорби, но радости; блаженной памяти отцы наши, строитель Пахомий и казначей Иосиф, мужи святые, меня, убогого, любили, как свои души, и ничего ими от меня не потаено, и о том, что им было

* По-видимому, это сделалось известным после смерти того, который писал сии записки о жизни старца Серафима.

для своей души, и для меня полезно, пеклися. По такой их ко мне великой любви, везде я бывал с ними.

Когда батюшка Пахомий служил, то без меня, убогого Серафима, никогда не совершал ни одной службы. Случилось мне служить с ними в святой Великой четверток. Началась Божественная литургия, в два часа пополудни, обыкновенно вечернею; после малого выхода и паримий возгласил я, убогий, у святого престола: *Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!* — и вышел в царские двери, навел на предстоящих людей орарем и сказал: *и во веки веков.* — Тут озарил меня свет, как луч солнечный. Обратив глаза на сияние, увидел я Господа Бога нашего Иисуса Христа, видением Сына Человеческого во славе и неизреченным светом сияющего, паче солнца, и окруженного Небесными Силами, ангелами, архангелами, херувимами и серафимами, как бы роем пчельным, от западных церковных врат идущего на воздухе. Приблизился Господь

и, став против амвона и воздвигши Свои пречистые руки, благословил служащих и предстоящих; посем вступил в местный Образ Свой святой, что близ царских врат, и преобразился, окружаемый ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом во всю церковь. Я же,— продолжал Старец,— земля и пепел, удостоился встретить на воздухе Господа Иисуса Христа и благословиться от Него; сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости любви к Господу».

От сего Божественного видения отец Серафим изменился видом; все могли заметить и понять, что с ним Господне посещение, ибо он тут не мог с места сойти, ни проговорить. Подошли два иеродиакона, взяли его под руки и, введя в алтарь, оставили в углу. Стоя часа три, он лицом часто изменялся; лицо было бело, как снег, потом являлся румянец, переливался; но долго не мог он проговорить, исполнясь утешения Божией благодати. Когда же успокоился, поведал сие своим по Боге отцам, Пахомию

и Иосифу,— и более никому,— которые слагали сие в сердце своем, Серафима же предостерегали от высокого о себе мнения, но более утверждали в смиренномудрии и самоукорении.

1793 года сентября 2-го числа он посвящен в иеромонаха преосвященным Феофилом, епископом Тамбовским. По получении сугубой благодати Духа Святаго он воспевал с святым Давидом: *готово сердце мое, Боже, готово сердце мое: воспою и пою во славе моей, пою Богу моему, дондеже есмь* (см.: Пс. 107, 2) — и стал подвизаться с большею любовию, в которой полагал восхождение к Господу в сердце своем; и, жаждущий Бога, *как елень на источники водныя*, говорил: *возжада душа моя к Богу крепкому, живому: Господи, когда прииду и явлюся лицу Твоему?* (см.: Пс. 41, 3). По своей великой ревности к Господу, он в сане иеромонаха священнодействовал три года, служа всякий день; а всего нес это звание восемь лет и девять месяцев; в течение сего времени, от непрес-

танного пребывания в церкви и келейного бдения, впал он в болезнь: ноги его опухли, и сделались раны; при такой немощи он стал не способен для священнодействия; а как от самого вступления в монастырь желание его было посвятить себя совершенно пустыннической жизни, то по склонности к уединению и по любви к совершенному безмолвию он начал просить настоятеля, иеромонаха Пахомия, чтоб тот благословил его на жизнь отшельническую в подражание древним пустынножителям. Получив от настоятеля благословение, он удалился в пустынную келлию, 1794 года, осенью. С несказанною ревностию и радостию водворился он в уединенное житие, по святому Василию Великому, с которым, в восхищении духа, говорил: «О уединенное житие! дом небесного учения и божественного разумения училище, в нем же Бог есть вся, чему учимся! Пустыня — рай сладости, где и благоуханные цветы любви то пламенеют огненным цветом, то блистают снеговидною чисто-

тою, с ними же мир и тишина; живя в низменных, пребывают недвижимы от ветра; тамо фимиам совершенного умерщвления, не только плоти, но, что славнее, и самой воли, и кадило всегдашней молитвы непрестанно вскипает огнем любви божественной, сладко сгорая; там различные цветы добродетели, блистая различными украшениями, процветают благодатию неувядаемой красоты.— О пустыня! услаждение душ святых, рай неисчерпаемой сладости, ты пещь, в ней же силу горящего пламени отроцы святые устужают молитвою, и горением веры угашают окрест себя ярящееся пламя, в котором и стрелы и оковы горят, но окованные не сгорают; только узы греха разрешаются, и к пению божественных хвалений душа возводится, вопия: расширил еси уста моя! Тебе пожру жертву хвалы».

Пустынная келлия, в которой жил Серафим, была деревянная; в ней печка, сенцы, крылечко, кругом заборец и внутрь его огородик и гряды, на которых

Старец садил картофель, свеклу и лук; кругом частый сосновый лес, от монастыря на восход зимнего солнца, в расстоянии шести верст на берегу реки Саровки.

Провождая время в молитвах, он совершал правило Великого Пахомия: пел полунощницу, утреню, часы, вечерню и повечерие, каноны и акафисты. Прочие его духовные упражнения состояли в чтении Священного Писания, Евангелия и Посланий Апостольских, Ветхого Завета, книг Добротолюбия, Иоанна Лествичника, Исаака Сирина, Ефрема Сирина, Четьи-Миней и Прологов.

И вне келлии имел он духовные упражнения: уходил в дебри леса, где скрывался и исполнял правило Великого Пахомия. Некоторые, самые уединенные места в лесу у него, в духовном смысле, назывались: *святый град Иерусалим*, заключая в округе своем наименование Святых мест, где Господь наш Иисус Христос по плоти *родился, пострадал и воскрес*. На все те места

Серафим ходил в приличные тому часы и, в ощущении присутствия Самого Господа, погружался в созерцание любви Божией: *тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал* (Ин. 3, 16); *како нам не дарует с Ним вся* (см.: Рим. 8, 32). Отсюда отец Серафим исходил в место, как бы в град Назарет, где архангел Гавриил благовестил Святейшей Деве Марии воплощение Сына Божия, Духа Святаго нашествием и осенением силы Вышнего. В честь сего Божественного Таинства он пел акафист, исполнял правило Великого Пахомия и сходил в Вифлеемский вертеп, зря умом в яслях Младенца, пеленами повита; тут, в ужасе пред Смирившимся нас ради, с волхвами пел ангельское пение: *Слава в вышних Богу, на земли мир, в человецех благоволение*. Таковым упражнением и умосозерцанием он подвизался для исцеления немощи воли и нечистоты чувства. Старец Серафим говорил: *если ум наущает взыйти на Крест, исцеления чувства не имея, то гнев Божий прихо-*

дит на него; ибо начал вещь выше меры своей, не исцелив наперед свое чувство. Из Святого Писания видим, что крещавшиеся от Иоанна исповедовали грехи свои; так и приходящий работать Богу да исповедает прежде свои согрешения. Одеяние Иоанна было от влас велблужд* и прочее, то сказуется пост и злострадание, очищающее человека, и тогда да подвижется взыйти на Крест. Прежде распятия, Господь сказал: *шедша возвестите Иоанну, яко слепии прозирают, хромии ходят, прокаженнии очищаются* (Мф. 11, 4; Лк. 7, 22). Сие знаменует, что имеющий любовь к миру — *слеп* есть и, когда отвержется мира и обратится к вечности, тогда начинает видеть; непостоянный в доброй воле — *хром*; утверждаясь в постоянстве — начинает ходить. *Глухие*, нерадящие о заповедях Божиих, по омрачению ума и окаменению сердца, когда оглохнут молвам мира, исцелевают. *Прокаженнии очищаются*: всяк прокажен, имея зависть, ненависть,

* Верблюжьего волоса.— *Ред.*

клевету, осуждение, если сие оставит и исправит любовь в сердце своем,— очистится. Часто ходил Старец в подгорие, чрез реку, близ его текущую, на малый островок, как бы *на он пол*[*] *потока Кедрска, идеже бе вертоград* (Ин. 18, 1), куда входил Господь и ученицы Его; там очами ума Серафим зрел Иисуса Христа, на землю поклоншася и глаголюща: *Отче мой, аще возможно есть, да мимоидет чаша сия* (Мф. 26, 39).

Так и нам, продолжал Старец, если захочет ум, *взыйти на Крест*, требуется многого моления и слез, труда и подвига, потребно смиряться на всяк час пред Богом, прося помощи от благодати Его, да сохранит и сотворит непобедимыми.— Ибо скорбь велия в час *распятия*. Егда же изыде Иисус на молитву, поят Петра, Иакова и Иоанна,— поимем и мы *веру Православную, упование крепкое и любовь совершенную*, да сих ради облобызаем Вышнюю Благодать и Премудрость, и возможем взыйти на Крест; якоже рече Апостол: *дабы ра-*

---

* *Он пол* — другая сторона, другой берег.— *Ред.*

зумети нам силу воскресения Его и приобщения страстем Его, яко сообразным быти смерти Его, да достигнем в оное воскресение мертвых (см.: Флп. 3, 10—11). Чтобы быть со Владыкою нашим, сладчайшим Иисусом Христом. Сия вся в наставление наше и в образ себе приимем, подтверждал отец Серафим, и сим богомыслием и умосозерцанием возвышался и преуспевал; да приимем и *желчь*, которую вкусил нас ради Христос! — то есть презрим всякое, сладостное чувствам желание и вкушение; оплевание же, бесчестия и скорби, приходящие нам от духов злобы поднебесных, ради Его да терпим со благодарением.

Терновый венец да будет нам,— укорение и осуждение себя и от иных укорение и досаждение, терпеливо сносимое, без всякого смущения. *Трость*, ею же главу пресвятую били, и мы да тщимся иметь на главах своих, то есть смиренномудрие, чем попирается всякая гордыня и вражие сети. При мысли же

о *разделении ризы* Господа нашего Иисуса Христа полезно и нам, прежде распятия миру, совершенно совлещись от всякого попечения и стяжания мира сего, без смущения; все сие полезно сотворить прежде — всякому хотящему взыйти на Крест. *Иже в шестый час* распятия Иисус Христос образ нам есть ко укреплению нашему, против всякого уныния и малодушия, и дабы *умрети греху*. *Иже в девятый час* возва гласом велиим Христос, глаголя: «*Илú, илú, лимá савахфанú*!» — это показывает нам, по страстях и терпении, дабы в скорбях и печалях, пока совершенно не погаснут, не продерзать в чем-либо, но в смиренномудрии вопиять к Богу. Предание же Господом духа, по захождении солнца, научает нас — что если свободится ум наш от призраков мирского смущения, то это знак, что *умер человек сей греху*, тогда и завеса раздирается свыше, по освобождении ума и дух к Богу восходит. Что камения распались и гробы отверзлись, являет нам — что, если ум

наш умертвится миру сему, всякая тяжесть и слепота, лежащая на душе, тогда рассыпаются. А что обвили Иисуса в плащаницу чистую, с ароматы, являет освящение — повитый нетлением — упокоится вовеки. Положение *во гробе нове, в немже никтоже положен бе* (см.: Ин. 20, 41), являет — что, если ум наш от всех сих свободится, субботствовати будет *в новом веке, новая помышляя, нетленная.* Также *воскресе Господь во славе* и взыде на небеса, и седе одесную Бога Отца в вышних. Предавая нам образ сей, святой апостол Павел глаголет: *аще убо воскреснуте со Христом, вышних ищите, идеже есть Христос о десную Бога седя*; сего ради *горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. 3, 1—2). Сильно бо Имя Святое Его немощь нашу заступить от всех враг наших, и по смирению нашему покрыть грехи наши, и обрести нам Его со всеми святыми.

В *шестый* час дня Старец ходил на место уединенное, в духовном смысле у него именуемое *Голгофа*; на сем месте

он исполнял правило Великого Пахомия, а по исполнении погружался в богомыслие и очами веры как бы зрел пред собою Господа Спасителя нашего, ко кресту четырьми гвоздьми люто пригвожденного, и стоящую при кресте Иисусове Матерь Его, Пресвятую Деву Марию, с прочими ее сестрами, и ученика возлюбленного — Иоанна; внимал душою, как сладчайший Иисус, видев Матерь Свою и ученика, его же любляше, глагола Матери Своей: *жено, се Сын Твой*; с сим Божественным Своим словом, всю Свою Божественную любовь к роду человеческому из Своего сердца излил в сердце Матери Своей, Пресвятой Деве Марии; и глагола ученику: *се Мати твоя*, и с этим же Своим Божественным словом, тою же Своею любовию Матерь Свою, Пречистую Деву Марию, усвоил Материю как возлюбленному Иоанну, так и всему роду христианскому.

На сем месте отшельники, схимонах Марко и иеродиакон Александр, иногда

находили Серафима в исступлении и, помедлив близ него около часа времени, отходили, не получая тогда от него никакого привета, но пользуясь его примером. Сии пустынножители бывали у него: Марко два раза в месяц, Александр один раз в месяц; Старец с ними разговаривал о непрестанной внутренней молитве и силе ее.

Отцу Александру Старец открыл нечто чудесное: он всегда исполнял правило Пахомия Великого в полунощи, потом пел полунощницу, и, пока молился, в то время Божиим соизволением сходились к его келлии многие звери: медведи, волки, лисицы, зайцы и всякие, какие были в лесу Саровском, даже и ползающие, и мыши, ящерицы, и пресмыкающиеся, змеи, ужи; все они по роду своему рыкали, пищали. По исполнении же правила Старец выходил к ним с хлебом в корзине, кормил всех зверей и даже гадов пресмыкающихся. Пораженный сим событием, Александр спросил Старца: как у него доставало хлеба на такое

множество животных? Старец отвечал ему, что, когда он брал из корзинки, в ней ничего не умалялось, и сколько брал, наполнялось снова; когда же все насытятся, тогда уходят обратно в свои места.

При духовных занятиях Старец подвизался и телесными трудами до злострадания, по словам святого апостола Павла: *сладце похвалюся в немощех моих* (см.: 2 Кор. 12, 9), (яже до изнеможения плоти подъях). И паки *спосшествующе молим, не вотще благодать Божию прияти вам. Глаголет бо: во время приятно послушах тебе и в день спасения помогох ти... Во всем представляюще себе якоже Божия слуги, в терпении мнозе, в скорбех, в бедах, в теснотах, в ранах, в темницах, в нестроении, в трудех, во бдении, в пощении, во очищении, в разуме, в долготерпении, в благости, в Дусе Святе, в любви нелицемерне, в словеси истины, в силе Божией, оружии правды, десными и шуими, славою и безчестием, гаждением и благохвалением* (2 Кор. 6, 1—2, 4—7).

Кто может поведать все труды и подвиги отца Серафима, сообразные слову Апостольскому? Единому Сердцеведцу Богу ведомо, каких браней не подъял он от невидимых врагов! Впоследствии сам он воспоминал: *несть наша брань к крови и плоти, но брань к началом и властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12).

По смирению своему Старец всякому благому делу полагал в основание слово Божие, и учение святых Апостол, и пример древних святых; в подражание им он наложил на себя вериги (цепи железные) на оба плеча; у сих цепей привешены были кресты железные, один напереди — в двадцать фунтов, другой назади — в восемь фунтов, и еще железный пояс; сию тягость носил он во все дни жития своего в пустыне; прочие труды его телесные были: возделывание гряд, саждение картофеля, свеклы; летом в жаркие дни ходил он на низкие места, брал мох; таким образом, войдя в болото,

нагой, препоясав чресла свои, он медленно собирал мох, где множество мух, комаров как облаком покрывали и уязвляли подвижника, отчего кровь текла из него и запекалась от солнечного жара, лицо и все тело опухали и синели от уязвления больших мух. Набранный мох он носил на гряды и делал это не однажды, а много раз в году. Зимою он трудился над рубкою дров и терпел мороз; одежды его всегда были одинаковы: надев рубашку, носил дотоле, пока не истлеет и спадет с него; в бане никогда не мылся с тех пор, как вышел из монастыря; балахон его был из посконного холста; в морозы, когда выходил из келлии, накладывал на грудь чулок или ветхую тряпку; на ноги надевал бахилы кожаные и лапти, на руки кожаные рукавицы.

Так подвизался он ради Господа и приобретения любви Божией.

«Совершенная любовь к Богу,— учил он,— соединяет любящих с Богом, и

между собою взаимно; ум, стяжавший духовную любовь, ничего несогласного с любовию не мыслит».

«Уединение, молитва, любовь и воздержание суть четыре — составная колесница, возносящая дух на небо».

«Истощай тело свое постом и бдением — отразишь мучительный помысл сладострастия».

«Как дело Божие править миром, так дело души — управлять телом».

«Похоть потребляется страданием и скорбию, или произвольною, или насылаемою Промыслом».

«Какою мерою меришь своему телу, тою же обратно возмерит тебе Бог праведное воздаяние ожидаемых благ».

«Бог — обещатель будущих благ; веруя Ему, подвижник желает будущего как бы уже настоящего».

«Если ум совершенно забывает здешнее, более и более старается знать будущее — то знак, что он живет во благих ожидаемых».

«Хорошо бесстрастие, ибо Сам Бог дарует сие состояние, уже и здесь утверждая в нем боголюбивую душу».

Тогда как отец Серафим, пребывая в трудах, занимался возделыванием гряд и приготовлением дров для топления келлии, болезнь его в ногах несколько миновалась.

В сие время духовное начальство назначило возвести его в сан архимандрита; но он, по смирению своему, просил убедительно бывшего тогда строителя Исаию всячески отклонить это от него, а настоятель и братия равно вменяли себе в великую потерю лишиться такого подвижника, молитвенника и примерного наставника, почему и избран вместо него иеромонах, который был упрошен настоятелем с братиею, равно и отцом Серафимом, и, из послушания изъявив согласие, принял должность архимандритскую. Старец же успокоился, оставшись жить в пустыне, такою он был объят любовию к ней. Приведем здесь еще

несколько мыслей и правил сего пустынножителя.

«Не будь нерадив в деятельной жизни, и просветится ум твой! — Бог говорит: *сокровища невидимая, сокровенная отверзу тебе*» (см.: Ис. 45, 3).

«Уединение и молитва суть великие средства, ведущие к добродетели; они, очищая ум, делают его прозорливым».

«Всякое злострадание, при смирении, усладится попечением о душе; кто не хочет нести произвольных трудов покаяния, того Промысл подвергает невольным трудам».

«Подвижничество требует терпения и великодушия, ибо долговременным трудолюбием отгоняется сластолюбие».

«Кто переносит с молитвою удары невольных искушений, тот делается смиренным, благонадежным и опытным».

«Терпение есть трудолюбие души, а трудолюбие состоит и в добровольных трудах, и в перенесении невольных искушений. Ум, получивший некоторую

часть бесстрастия, иногда бывает непоколебим, но без дел будет неопытен».

«Кому дана вера, от того требуется воздержание, которое, укоренясь, рождает терпение — навык многотрудный. Знаком терпения служит любовь к трудам; опираясь на них, ум надеется получить обетования будущих благ».

«Обетование будущих благ прилепляет ум к ожидаемому, и, пребывая в них, он забывает и отвергает настоящее».

Так и старец Серафим, вкусив сладость любви к воздержанию, просил у настоятеля благословения питаться одним овощем, им насажденным у келлии своей, и питался шесть лет одним картофелем и три года одной свеклой, питием же его была вода. Он имел обычай всегда приходить в обитель на первую неделю святого Великого поста; во всю оную седмицу до субботы он ничего не вкушал, да и пищи приносить не приказывал. Некоторые из послушников обители хотели было с ним вместе жить в пустыни, но, не могши понести тягости

пустынной жизни и великих трудов Старца, возвратились в обитель.

С окончанием девятилетнего его подвига последовала кончина строителя Исаии; к нему старец Серафим питал великое уважение и любовь, ибо он воспринимал его при пострижении во святой ангельский образ и был его духовным отцом. По смерти его в 1804 году, отец Серафим был умоляем от братии саровской быть ему строителем Саровской обители, но подвижник добродетелей, ревнитель пустыннической жизни, подражатель в безмолвии святому Илии и Предтече Господню никакими умолениями не мог убедиться к принятию настоятельства, и должность сию принял казначей, тогда бывший иеромонах Нифонт. Лишение духовного отца, строителя Исаии, было для Серафима великою потерею; он предал себя совершенному безмолвию: ни с кем не говорил более трех лет и пребывал в вящем подвиге, возымев ревность стоять на камне в подражание преподобному Симеону

Столпнику. Камней, на коих он стоял, было два: один находился в келлии, который по кончине его положен, по словесному его завещанию, на его могиле, а до смерти лежал на месте, назначенном для могилы; другой находился на половинном расстоянии от обители к его келлии, в чаще соснового леса, тут не было ни ограды, ни покрова. Образ стояния Старца был следующий: на одном камне стоял он с утра до вечера, сходя с него только для принятия пищи, какую приносил ему усердствовавший к нему брат из монастыря. По закате солнца переходил из келлии на другой камень и стоял с вечера до рассвета, во всю ночь; творя молитву, исполнял правило Великого Пахомия и, с воздетыми горе́ руками, взывая к Господу Богу мытаревым гласом: *Боже, милостив буди мне грешному*, или: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго.*

В таком подвиге он находился тысячу дней и тысячу ночей беспрерывно и претерпевал зимою, весною и осенью мороз,

мокроту и обмерзание одежд; летом был уязвляем от мух и комаров, и всегда всякая воздушная перемена на него действовала естественно; все сие подвижник добродетелей терпел мужественно; пища его была в сии тысячу дней и ночей *трава снить*, опаренная и заквашенная, а питие — вода, и то в определенные дни; а понедельник, среду и пяток проводил без пищи; от стояния получил он в ногах болезнь, которая продолжалась до самой его кончины. В таком подвиге отец Серафим претерпел много нападений и страхований от духов злобы, но ничем враги не могли отлучить мысли его от Бога.

Подвиг сей проходил он тайно, так что в продолжение его стояния никто не мог знать о том; впоследствии же времени он открыл это сам некоторым из братий; один брат, быв поражен удивлением к такому подвигу, заметил Старцу, что это превосходит силы человеческие. Старец указал на пример Симеона Столпника: «Сей подвижник благочес-

тия 47 лет стоял на столпе, а мои труды такой ли подвиг?» — Тогда брат сказал Старцу, что для такого подвига недостало бы сил человеческих. На сие Старец отвечал: «Так и я внутренно подкреплялся и утешался тем небесным даром, который снисходит свыше, от Отца светов, — и, помолчав, присовокупил: — Когда умиление есть, то с нами Бог; как дождь, излившись на землю, произрастениям приличное подает качество: сладким сладость, крепким крепость, так и благодать, в сердца верных непреложно сходящая, дарует приличествующие добродетелям действия: алчущему *Христа ради* бывает пища, жаждущему — сладчайшее питие, зябнущему — одежда, труждающемуся — покой, молящемуся — *извествование* и плачущему — утешение».

Старец Серафим в продолжение пустынного своего жития с приходящими к нему из монастыря братиями для посещения весьма редко беседовал и, желая сохранить безмолвие, удалялся от при-

ходящих или, ничего не говоря, падал ниц на землю и не вставал до тех пор, пока его не оставляли с любезным для него молчанием. Исконный враг человеческий диавол, не терпя видеть столь доблестных подвигов, готовил Старцу разные искушения, как выше сказано, особенно в ночное время, в часы молитвы, такое делал нападение, что поднимал Старца на воздух и ударял об пол так сильно, что если бы не помощь Божия подкрепляла, то от сих ударов и кости могли бы сокрушиться. Почему впоследствии, когда требовали его совета для провождения жизни пустынной, отец Серафим говаривал, что в монастыре живущие борются с противными силами, как бы *с голубями*, а в пустыне — как *со львами и леопардами*. Но сколько ни старался диавол воспрепятствовать подвижнику в его течении, удалить его от жизни уединенной, однако все усилия остались тщетны; не могши сам собою причинить Старцу никакого вреда, употребил орудием злых людей. 1804 года,

сентября 12-го, при строителе Нифонте, пришли к Старцу три человека из соседних крестьян; он был в это время в лесу, рубил дрова; они приступили к нему и требовали от него денег, говоря, что к нему ходят мирские люди и носят деньги. Он им отвечал: ни от кого ничего не беру. Но они, не поверя его отзыву, положили вынудить требуемое насильственным образом. Один на него кинулся сзади и, ухватя за плечи, хотел уронить, но сам упал, отчего злодеи несколько оробели, но отец Серафим, видя грядущее нань*, не стал сопротивляться, а, положив топор, приложил руки свои к персям и сказал кротко: «Что вам надобно, делайте!»

Один из них, взяв его топор, ударил Старца обухом в правый бок так крепко, что от сего удара Старец упал на землю и обеспамятел. Сии воплощенные демоны били страдальца кто чем мог: один обухом, другой поленом, третий пинал ногами; одним ударом поверженного на

* На него.— *Ред.*

землю многими всего сокрушили, как бы звероловную добычу; а как думали, что он уже мертв, связали ему руки, и, сцепив за ноги веревкой, преклонили березу, привязали, и — повис страдалец кверху ногами. Так оставя его, окаянные пошли в его пустынную келлию, думали найти имение, разломали печку и пол, рыли, искали золота у того, который не имел ничего, кроме образа и рубища на себе, даже и хлеба не имел, но немного картофеля. Засим напал ужас на убийц, и они от страха бежали; страдалец же, вися на дереве, неведомо какими судьбами отрешился, упал на землю и чрез несколько часов пришел в чувство, благодаря Господа, что Его ради сподобился пострадать, а за убийц молился, чтобы не было им во грех. На другой день пришли к нему для посещения два брата; увидев его всего в крови и изувеченного, возвратились в монастырь и сказали строителю, который поспешно послал принести его. И принесен был страждущий на ковре в монастырскую келлию,

окровавленный; волосы были смяты и слиплись с сором, уста запеклись кровию и несколько зубов выбито. Увидев его в таком жалком положении, строитель и братия ужаснулись и спрашивали: что с ним было? Он объявил им все с ним случившееся. После сих ран, до выздоровления своего, он оставался в монастыре около пяти месяцев и получил исцеление милосердием Царицы Небесной. Вскоре открыты были и крестьяне, его избившие; но он, простя их, упросил настоятеля, чтобы за это никакого с них взыскания не делали, в противном случае желал, чтоб и его из обители выслали. По принесении в монастырь лежал он восемь суток, не мог принимать ни пищи, ни пития и не имел сна от великой боли; всякий час ожидали его смерти; между тем настоятель, видя, что он прожил шесть суток, на седьмой день послал за докторами в город Арзамас. Доктора собрались и удивились, как Старец мог остаться жив: голова его была проломлена, ребра перешиблены,

грудь оттоптана — словом, весь умерщвлен! Сказали настоятелю, что нужно кровь отворить; настоятель усомнился, видя, что кровь и так из него истекла смертельными ранами; а как доктора почли это за необходимое, то настоятель решился предложить о том больному. Доктора уже пришли в келлию, смотрят, дожидаются настоятеля. Докторов было трое и подлекарей трое; они желали скорее подать врачебное пособие: пустить кровь, обмыть больного, к ранам приложить пластыри, а где употребить спирт, и так рассуждали между собою. Больной видел внимание их. Потом говорят: «Настоятель идет!» И в это мгновение на отца Серафима нашел тонкий сон; он увидел дивное явление: с правой стороны его подходит к нему Матерь Божия, Владычица наша Пресвятая Богородица, во славе, в царской порфире; Ей последуют святые апостолы Петр и Иоанн Богослов; а как приблизилась Богоматерь к одру его, остановясь, правою Своею рукою перстом показала на

отца Серафима, а лицо обратив на врачей, рекла им: *что вы трудитесь?* И снова обратила Свое лицо на Старца и рекла: *сей от рода Моего!* В сию же минуту вошел в келлию строитель, начал говорить и предлагать помощь докторов; но отец Серафим, тогда пробудясь, сказал строителю, что не желает помощи от человек, но просил оставить его Богу и Божией Матери — истинным Врачам душ и телес. Отец строитель, видя его веру и мужество, более не утруждал его просьбами, оставили Старца в покое; он же от дивного посещения Божиею Материею и святыми Апостолами и еще вняв словам, реченным к нему Пречистою Богоматериею: *сей от рода Моего,* — исполнился такой радости, какой язык изречь не может, и продолжалась сия радость часа четыре. После того, мало-помалу успокоясь, он почувствовал в себе силу, крепость и большое облегчение болезни, так что, встав с смертного одра, начал ходить по келлии и в девятый день к вечеру укрепился пищею:

вкусил хлеба и капусты белой кислой, и с того дня снова предал себя Господу Богу и Пречистой Его Матери, на духовные подвиги, в постыждение врага рода человеческого.

Одежды, смоченные его кровью, засохли на нем и отчасти пристали к ранам; волосы на голове и бороде с сором и кровию слиплись; все это так и осталось; волосы вскоре спали с головы, некоторые и из бороды, ветхие одежды также отстали от больных мест. После сего, проведя около пяти месяцев в монастыре, отец Серафим просил настоятеля отпустить его в прежнюю пустынную келлию. Настоятель, по совету братии, уговаривал его остаться навсегда в монастыре, опасаясь несчастных случаев; но Старец отвечал, что не страшится подобных нападений и решился претерпевать все оскорбления, какие бы ни случились, подражая терпению страдальцев за истину. Настоятель, видя его твердость и неустрашимость духа, уступил его желанию, и Старец, получа со-

гласие своего отца, устремился воздеть руки свои к благодарению Пречистой Матери Божией за возвращение свое, по милосердию Ее, в пустынную келлию, в которой он пребывал до того двадцать лет неисходно и после сего пробыл еще около трех лет, подвизаясь на посрамление врага. Наконец уже, по убеждению строителя Нифонта, снова оставил пустынную свою келлию и переселился в монастырь, 1809 года, мая 9-го дня. Настоятель и братия были утешены его пришествием, пользуясь примером его благочестивой жизни. По возвращении из пустыни в монастырь Старец затворился в келлии, по-прежнему предал себя безмолвию, так что в течение восьми лет почти никого не принимал из посторонних посетителей и не требовал для себя нужных принадлежностей; в его келлии не было огня, кроме лампады; одежда его была всегда одинакова; редкие могли его видеть и из братии; он сидел подобно мертвецу; нужная пища приносима была чрез одного брата и

поставлялась в его сенцы; пищею были: белая рубленая капуста, толокно и вода, что приносили ему и до самой кончины. Он упросил сделать себе дубовый гроб и поставил его в сенях своей келлии; часто молился у него, всегда готовился к исходу от здешней жизни к вечной. Случалось, кто-нибудь из братии заставал его в келлии на молитве, в чтении Евангелия или Псалтири и, желая воспользоваться его наставлением, предлагал ему разные вопросы; но Старец оставался при своем занятии, и приходивший к нему не получал ответа; таково было его безмолвие и углубление в самого себя. Он постоянно исполнял молебное правило следующим образом: в навечерии каждого дня читал вечерню с канонами Спасителю и Богоматери и после сего до полуночи призывал непрестанно имя Божией Матери так: *Владычица моя Пресвятая Богородица, спаси мя грешнаго*! — в полночь совершал правило Великого Пахомия, потом пел полунощницу, утреню и часы; а в показанное время, по благосло-

вению настоятеля, приобщался Святых Таин, приносимых к нему в воскресные и праздничные дни от ранней литургии; приобщение сие он поставлял для себя столь необходимым и спасительным долгом, что ни в один праздник и воскресный день не пропускал сподобиться небесной пищи и пития, да и другим советовал не пропускать ни одного годового праздника без очищения совести исповедию и омытия грехов своих кровию Господа нашего Иисуса Христа.

Число усердствовавших видеть затворника Серафима и для сего посещавших Саровскую пустынь так увеличилось, и многие, подходя к его келлии, так неотступно просили его молитв и благословения, что Господь, видя веру любящих благочестие, внушил рабу Своему изнести из-под спуда светильник жизни его.

25 ноября в день Святых Отцов, священномучеников Климента, папы Римского, и Петра Александрийского, посетила Старца в видении Царица Небесная,

Владычица наша Богородица, Приснодева Мария, с сими угодниками Божиими, и повелела ему отвориться, и принимать всех, приходящих к нему, и всех учить спасительному пути. С сего времени Старец, по примеру Илариона Великого, который принимал всех странников, отворил дверь своей келлии и, уже доступный всем, начал принимать приходящих к нему мужчин и женщин и беседовать с ними, к великой радости настоятеля и братий. Все стремились свободно к Старцу, принять от него благословение и молитву. С того времени братию он принимал во всякую пору, приезжающих и приходящих после ранней обедни и во весь день, до восьми часов пополудни, когда начинал вечерние молитвы; принимал же одетый в белый холстинный балахон, в полумантию, и с епитрахилью и поручами; всякому, приходящему к нему, полагал на голову правую руку и край епитрахили, веля за собою говорить: *согрешил, Господи, согрешил! душою и телом, словом, делом, умом, помышлени-*

ем и всеми моими чувствами, зрением, слухом, вкусом, обонянием, осязанием; волею и неволею, ведением и неведением!

После того говорил священническую разрешительную молитву: *Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия, да простит ти чадо* (имя рек), *вся согрешения твоя; и аз, недостойный иеромонах, властию Его, мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.*

Сказав сие, знаменовал кающегося десницею крестообразно, давал во уста богоявленской воды из блюда, часть вынутой просфоры с красным теплым вином, если это было до вкушения пищи; помазывал из лампады маслом, знаменуя крест на челе и сказав: *Христос воскресе!* — что говорил во всякое время,— целовал в уста и приказывал прикладываться к образу Богоматери, потом отпускал с миром. Так поступал он, назидая и укрепляя души. Число посетителей

его более и более умножалось, всякого звания и из разных стран; многие приходили из дальних мест, для принятия благословения и полезных советов Старца. Приходящих к нему, жаждущих слова утешения бывало в год до десяти тысяч человек и более; он всех благословлял и преподавал краткие поучения, смотря по надобности каждого. При сем он еще имел обыкновение раздавать приходящим к нему просфоры, мелко раздробленные, благословленный хлеб и обыкновенный хлеб; все принимали от него дар сей с благоговением, почтением и любовию, приносили в дома свои и хранили, как дар Божий; так прославил Господь раба Своего, прославившего своего Господа. В 1825 или 1826 году посетил Саровскую обитель высокий гость, великий князь Михаил Павлович, в проезд через Пензу и Тамбов. Его высочество, приехав в обитель Саровскую, пришел к старцу Серафиму принять его благословение. Советы Старца были — по опыту и от дел; слова — по благодати; любо-

вию и верою призывая благодать Божию на приходящих, он исполнялся радостию, как чистейшим миром,— и светло было лицо его. И так, по воле Царицы Небесной, Старец принимал к себе всех, но сам не исходил из келлии несколько лет; и от столь великого подвига пришел в изнеможение, особенно стал чувствовать сильную боль в голове и ногах, почему и посоветовался с врачами о средствах облегчить его болезнь и хотя несколько восстановить упавшее здоровье. Они посоветовали ему или открыть кровь, или выходить на воздух; а как он во всю жизнь свою ничем не лечился, то и предполагал, что для облегчения болезни ему нужны труды телесные. Но, положив себе за правило ничего не предпринимать, не получив какого-либо извещения свыше, просил Пресвятую Богородицу, чтобы Она его наставила извещением. В 1825 году, июня 12-го, в день преподобных Отец пустынножителей Онуфрия Великого и Петра Афонского, Царица Небесная посетила его в

сопровождении сих Преподобных и приказала выйти из затвора и возобновить пустыню; и так он из затвора первый раз вышел, после многих лет, в лес и потом часто занимался в лесу рубкою дров, для топления просфорной и церковных печей и для келлии своей, которую, за дальностию первой, построил себе поближе в лесу, при реке Саровке, в расстоянии от монастыря около двух верст, где отдыхал во время дневных трудов и приносил молитвы Всевышнему.

Исхождение его в лес было поутру, часа в два пополуночи, возвращался же он в монастырь в 7 или 8 часов пополудни. Ходил в странном виде: на нем был белый ветхий холщовой балахон, за плечами сума, наполненная камнями и песком, довольно грузно, которую он носил туда и обратно. На вопрос, для чего он это носит, отвечал: «Я, по Ефрему Сирину, *томлю томящаго мя*». Сверх того покрывался он кожею, наподобие полумантии, по слову Апостола: *проидоша в милотех и в козиих кожах,*

лишени, скорбяще, озлоблены (Евр. 11, 37). В руках носил он топор и рогатину, которою подпирался. По возвращении из пустыни в монастырь вечером вкушал пищу; в часы же пребывания его в пустыни, куда он каждый день уединялся, некоторые из братий, его посещавших, находили его исполненным небесной радости и поющего священный антифон: «Пустынным непрестанное желание Божественное бывает, мира сущим суетного кроме». По выражению сердечного чувства, Старец присовокуплял: «Могу сказать со святым апостолом Павлом: *вся могу о укрепляющем мя Иисусе! вся могу! всему научился: и алкать, и жаждать, и нагствовать, бдению и терпению, вся могу о укрепляющем мя Иисусе!* (см.: Флп. 4, 13; 1 Кор. 4, 11). Приходящих монашествующих Старец всех предварял земным поклоном, особливо всех, имевших веру к нему. Когда же хотели что спросить у него, то всегда отвечал на помышление их; если же иногда приносили от кого-либо письма,

Старец принимал, перекрестив письмо, целовал и, не распечатывая, отвечал. Одному брату, особенно ему преданному, казалось, что уже близок конец мира и великий день второго Господня пришествия, и он хотел спросить мнение Старца. Господь открыл Старцу помышление брата, и отец Серафим отвечал, прежде его вопрошения: «Радость моя! ты много думаешь о убогом Серафиме; мне ли знать, когда будет конец миру сему, и великий день, когда Господь будет будить живых и мертвых, и воздаст комуждо по делам его? Нет, сего мне знать невозможно». Тогда брат в страхе припал к ногам прозорливого Старца. Старец воздвиг его и продолжал говорить ему о сем предмете. «Господь сказал Своими пречистыми усты: *о дни и часе никто же весть, ни Аггели небеснии, токмо Отец Мой един: якоже бысть во дни Ноевы, тако будет и пришествие Сына Человеческаго: якоже во беху во дни прежде потопа ядуще и пиюще, женящеся и посягающе, до негоже дне внидe*

Ное в ковчег, и не уведеша, дондеже прииде вода и взят вся: тако будет и пришествие Сына Человеческаго!» (Мф. 24, 37—39). При сем Старец тяжко вздохнул и сказал: «Мы, живущие на земле, много заблудили от спасительного пути; прогневляем Господа и нехранением святых постов; ныне христиане разрешают на мясо и во святую Четыредесятницу, и во весь год среды и пятницы не сохраняют; а Церковь имеет правило: не хранящие святых постов и всего лета среды и пятницы, много грешат.— Но не до конца прогневается Господь, паки помилует! У нас вера православная, Церковь, никакого не имущая порока. Сих ради добродетелей Россия всегда будет славна, и врагам страшна, и непреоборима; имущая веру и благочестие в щит и во броню — правду; сих врата адова не одолеют!»

Однажды пришли к нему четыре человека, ревнители старообрядчества, спросить его о двуперстном сложении и просить знамения для удостоверения.

Когда они пришли к нему, то еще ничего не успели сказать, как Старец, взяв первого из них за правую руку, сложил его пальцы в трехперстное сложение, и, крестя его же рукою, сказал: «Вот христианское сложение креста, так молитесь и прочим скажите. Сие сложение предано от святых Апостол, а двуперстное сложение противно святым уставам; прошу и молю вас, ходите в Церковь грекороссийскую. Она во всей славе Божией и силе Его! — Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, управляема Духом Святым; добрые кормчии ее, учители Церкви, архипастыри, — преемники Апостольские; а ваша часовня, подобно маленькой лодочке, без кормила и весел, причалена вервием к Кораблю нашей Церкви, плывет за ней, заливаемая волнами, — и потонула бы, когда бы не была привязана к Кораблю».

Случилось, что благочестивая вдовица пришла к Старцу с дочерью. Она просила благословения ее дочери на

вступление в брак и сказала ему: «У нее есть жених, хороший человек». Старец сказал: «Нет, он ей не жених». Когда же мать возразила, что непременно решилась отдать дочь замуж, Старец обратился к невесте и сказал: «Ну, матушка, ты всякой день пеки по пяти маленьких хлебцев». Так и было впоследствии. По сочетании браком она прижила четырех сыновей, но разошлась с мужем и лишилась своего состояния, так что принуждена была всякий день сама печь для себя и детей своих хлеб, пекла маленькие хлебцы и, оплакивая жребий свой, вкушала скудную пищу с детьми.

Один генерал пришел к Старцу и благодарил его за молитвы. «Вашими молитвами,— говорил он,— я спасся во время Турецкой кампании. Окруженный многими полками неприятелей, я сам оставался с одним полком и видел, что нельзя было укрепиться и некуда идти, ни назад ни вперед; не было никакой надежды к спасению; я говорил только непрестанно: *Господи помилуй, за мо-*

литвы старца Серафима! Ел сухарики, данные мне вами в благословение, пил святую воду, и — Бог сохранил меня от врагов невредимым!» — Старец отвечал: «Великое средство к спасению — вера, особливо *непрестанная* сердечная *молитва*; пример нам — святой Моисей пророк. Он, ходя в полках, безмолвно молился сердцем, и Господь сказал Моисею: *Моисее, Моисее, что ко мне вопиеши?* Когда же Моисей воздвигал руки свои на молитву, тогда побеждал Амалика. Вот что есть молитва: это непобедимая победа! Святой пророк Даниил говорит: *лучше ми умрети, нежели оставить молитву на мгновение ока*. Сею молитвою он заградил уста львам, а три отрока угасили пещь огненную». В это время подошли к Старцу два светских человека. Отец Серафим, обратясь к одному из них, сказал: «Наше дело с вами учить людей!» Подошедший удивился и сказал: «Да, я пастырь Западной Церкви!» Но после беседы со Старцем обещался сам присоединиться к Право-

славной Церкви. Замечательно, что сия беседа была в пустыни, называемой Богословскою.

Число усердствовавших к нему так возрастало, что каждый день, особливо летом, одни приходили к пустынной его келлии, другие дожидались в монастыре, чтоб видеть его, принять благословение и услышать его назидательное наставление. Память его была острая, ум просветленный и дар слова в беседе его столь утешительный, что всякий, слышавший его, находил для себя душевную пользу. Из посещавших его некоторые открыто признавались, что беседы его снимали с глаз их как бы некую завесу, озаряли ум светом духовного просвещения и возбуждали в душе решительную перемену и силу на исправление. Все свои слова и рассуждения отец Серафим основывал на слове Божием и подтверждал текстами из Нового Завета; по чистоте духа он имел чудный дар прозорливости; и многим, прежде объяснения их о своих обстоятельствах, давал

наставления, прямо клонившиеся к внутренним их чувствам и мыслям сердечным. Он в особенности чтил и любил напоминать о святых ревнителях христианства: Клименте, папе Римском, Афанасии Великом, Кирилле Александрийском, Епифании Кипрском, Амвросии Медиоланском и прочих, подобных им; он называл их *столпами Церкви* и часто приводил жизнь их в пример твердости и непоколебимости в вере; любил говорить и о российских святых: Петре, Алексии, Ионе, Филиппе, митрополитах Московских и о Димитрии Ростовском, Стефане Пермском, преподобном Сергии Радонежском и о прочих российских угодниках Божиих и поставлял их жизнь правилом на пути спасения. Жития святых, описанные в Четьи-Минеях, он так твердо знал, что пересказывал целые статьи, советуя подражать святым угодникам. Особенным свойством его беседы были любовь и кротость; кто бы ни был приходивший к нему и каким бы ни был обременен грехом, он всех лобызал

с любовию, всем кланялся до земли, никого не поражал жестокими укоризнами и строгими выговорами, ни на кого не возлагал тяжкого бремени; сам неся Крест Христов, со всеми его скорбями, он говорил иным обличения, но кротко, растворяя увещания смирением и любовию, и старался возбудить действие совести, указывая пути спасения, часто так, что слушавший с начала и не понимал, что дело идет о душе его, но впоследствии сила слова, по благодати Дающего слово, производила свое неизменное действие. Ни богатые, ни бедные, ни простые, ни вельможи не выходили от него без наставления; для всех доставало живой воды от уст смиренного Старца, все ощущали кроткую силу любви его. С особенною любовию заботился он о тех, в которых видел расположение к добру; утверждал их советами, наставлениями, указанием опасностей на пути спасения и возбуждал к любви Божией своею любовию. Умолял защищать истину догматов православия Восточной

Церкви, приводя в пример Марка Ефесского, показавшего особенную ревность в защищении Грековосточной Церкви на Флорентийском соборе. Любовь свою к православию он часто выражал в беседах сладких и поучительных.

Для некоторых же тяжко было видеть его. Но с теми, кои оскорбляли его, он обходился кротко и с любовию, да и по природе был духа кроткого. Сколько по любви, столько и по смирению, он всех приходивших к нему в келлию или в лес предварял земным поклоном и благословлял, целовал у многих, и неосвященных людей, руки. Не было замечено, чтобы он какое-либо доброе дело отнес к себе или хвалил себя, но всегда благословлял Господа, говоря: *не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу!* Когда видел, что приходящие внимали его советам, повиновались его наставлению, то, как бы не замечая сего, говорил: «Мы должны всякую радость земную от себя удалять, а радоваться верою и надеждою, что Всеблагий Бог

удостоит имена наши включить в книгу живота вечного, при покаянии нашем, и во имя Сына Своего Единородного, Господа Иисуса Христа». Один брат, к которому отец Серафим имел особенное расположение, просил его позволить списать с себя портрет. Старец отвечал ему: «Кто я, убогий, чтоб позволил списать с себя вид мой? Изображают лики Божественные и святых, а мы, грешные, стоим ли того, чтоб сохранять наш образ?» Когда же брат продолжал просить его, представляя, что многие желают из чистого усердия, Старец сказал: мы всегда, и во всех случаях, должны низлагать вины тщеславия в самом начале.

Другой брат однажды спросил его: «Что ты всех учишь?» На это Старец отвечал: «Я следую учению Церкви, которая поет: *не скрывай словеси Божия, но возвещай Его чудеса*» (вторник Страстной седмицы на вечерних стихирах). Еще некто заметил Старцу, что некоторые примером его соблазняются; на это отец Серафим отвечал: «Я не соблазня-

юсь, что многие пользуются, а другие соблазняются». Один богач, из посетителей обители, спросил его, зачем он носит такую худую одежду? Отец Серафим вместо ответа напомнил ему предание о царевиче Иоасафе, который данную ему пустынником Варлаамом обветшалую мантию почитал лучше царской багряницы (см.: Четьи-Минеи, 19 ноября). В 1830 году, когда холера похищала бесчисленные жертвы, многие приезжали к отцу Серафиму с письмами, просили его молитв и совета: чем предостеречься от смертоносной болезни? — Старец давал следующее наставление: «Призовем имя Господне, и спасемся; когда у нас имя Божие будет во устах, мы спасены.— *Открый ко Господу путь твой и уповай на Него, и Той сотворит, помилует, изведет, яко свет, правду твою и судьбу твою, яко полудне* (см.: Пс. 36, 5, 6),— только повинись Господу и умоляй Его. К продолжению сего пути, встав утром, прочитай три раза молитву Господню: *Отче наш*; засим

Богородице Дево, радуйся, — и один раз святой Символ: *Верую во Единаго Бога Отца,* — и засим непрестанно в уме своем говори молитву: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!* — до вечерней трапезы, потом говори: *Владычице моя, Пресвятая Богородице, спаси мя грешнаго!* — и, отходя ко сну, тоже прочитай трижды *Отче наш,* трижды *Богородице Дево, радуйся,* и однажды *Символ веры.* Кто будет продолжать так, не лишится милости Божией. Молитва — путь ко Господу. Благоговейно приобщающийся Святых Таин, и не однажды в год, будет спасен, благополучен, и на самой земле долговечен. Помните слова апостольские: *всегда радуйтеся, непрестанно молитеся, о всем благодарите* (1 Сол. 5, 16—18). При таком блаженном и мирном состоянии души, верую, что, по великой благости Божией, ознаменуется благодать и на роде того. Пред Господом, один творящий волю Его, паче тьмы беззаконных!»

С 1831 года Старец возвещал многим о будущем голоде, особливо отцу Нифонту, игумену Саровскому. Прихаживая к нему, он говаривал: «Будет голод!» — и советовал заготовить запасов хлеба *шесть* годовых потреб; и заметил, что уже четвертый раз при его жизни наступает голод, а в обители Саровской не бывало недостатка в хлебе, но она еще сугубо наделяла просящих, особливо при строителе Пахомии, когда был продолжительный голод. Обитель несколько месяцев питала всякий день человек по тысяче, из любви к Господу и ближнему, во исполнение заповеди: *странен бех и введосте Мя!* До такой степени простиралась сия любовь, что в одно время, наутро, и для самих иноков ни хлеба, ни жита не осталось. При такой нужде братия собралась в церковь; сам строитель Пахомий служил соборный молебен Божией Матери и всенощное бдение, возложась упованием на Промысленника всех благ, Господа Иисуса Христа, и Пречистую Его Матерь; в

такой беде обитель не лишилась своей надежды. «Утром,— говорил Старец,— пошел я в житницу и увидел, что все засеки полны разным хлебом и житом. С сего милостивого посещения Божия, у нас оскудения в обители не было! Сколько ни раздавали всякий день, на другой — житницы обители наполнялись».

Приближаясь к старости, за год до смерти, старец Серафим стал особенно чувствовать изнеможение сил, и потому реже ходил в пустынную свою келлию, также и в монастыре не всегда уже принимал посетителей. Это опечалило многих, но усердные, желая непременно видеть его и пользоваться его назиданием, терпеливо ожидали возможности, проживая в монастыре немалое время. За полгода до смерти он, прощаясь с некоторыми, говорил: «Мы не увидимся с вами!» Они просили благословения приехать в Великий пост поговеть и еще его видеть.

«Тогда мои двери затворятся,— отвечал он,— вы меня не увидите». За не-

сколько месяцев до кончины он поручил писать к некоторым, призывал к себе в обитель, а тем из знаемых, которые по предведению его не могли быть у него, приказывал после себя сказать, что́ нужно было для души их, говоря: «Они меня не увидят!» — Незадолго перед кончиной его, один из братий пришел к нему вечером и видел, что в келлии его было темно; но только что Старец сказал: «Лампаду нужно зажечь!» и перекрестился трижды с молитвою: *Владычице моя, Богородице!* — лампада зажглась сама собою. Тот же самый брат, в другое время, пришел по назначению Старца в семь часов пополудни и увидел его в сенях, стоящего у гроба. Брату нужно было взять в келлии огня, который Старец давал на благословение ему; но, отворив дверь в келлию, отец Серафим сказал: «Ах, лампада моя угасла, а надобно, чтоб она горела!» Но в келлии не было огня, и нечем было зажечь свечу пришедшего инока. Старец поклонился образу Божией Матери,— и в то же

время пред иконою появился голубоватый свет, потянулся подобно ленте, стал виться на светильню большой восковой свечи,— она зажглась. Старец взял маленькую свечку и, засветив от большой, дал в руки пришедшему брату и начал беседовать с ним. Между прочим он предвещал, что на днях будет в обитель из Воронежа гость. Старец назвал его имя, наказывал, что сказать ему. «А ко мне не води его,— примолвил,— он меня не увидит!» При сем разговоре лицо Старца сияло светом; наконец он сказал брату: «Дунь на свечку!» Брат дунул и угасил ее. Старец же сказал: «Вот так и меня уже не увидят!»

Поняв, что Старец возвещал о близости кончины своей, брат заплакал. Старец снова просветился лицом, целовал брата в уста и сказал ему: «Радость моя! теперь время не скорби, но радости.— Если я стяжу дерзновение у Господа, то преклоню колено о вас пред Престолом Божией Матери,— продолжал он говорить в утешение брату, читал Евангелие

от Иоанна, где сказано: *в дому Отца Моего обители мнози суть*, каждому по достоянию, как внушал сладчайший Господь Иисус Христос любимым Своим ученикам.— Знай же, что я, убогий, остановился мыслию на сих словах и возжелал видеть небесные обители: пять дней и ночей провел во бдении и молитве, прося у Господа сподобиться видеть сии обители. И Господь, по великой Своей милости и благости, не лишил меня утешения по вере моей и показал те обители, куда и я, бедный странник земной, был восхищен, *в теле или бестелесно*, не знаю, но видел неисповедимую красоту небесных обителей и в них живущих святых, великих Отец наших: Антония Великого, Павла Фивейского, Савву Освященного, Великого Онуфрия, Марка Фраческого и других; самого великого Предтечу Господня Крестителя Иоанна, лики Апостолов, святителей, мучеников и всех святых, сияющих в неизреченной славе и радости, каких *око не видело, ухо не слышало, и на помыш-*

ление человеку не приходило, но что уготовал Бог любящим Его!»

«Ты же, радость моя,— говорил Старец,— ради такого будущего блаженства, с братиями стяжите целомудрие, храните свое девство, по святому апостолу Павлу: дева, хранящая девство свое ради любви Христовой, имать часть со ангелы, и есть Христу невеста, Христос же ей Жених, вводяй ю в чертог свой небесный. *Всякая душа человеческая есть дева*; во грехах же пребывающая душа — вдова нерадивая, в сластолюбии заживо умершая».

В некоторое время скончалися две инокини игуменьи. «Господь мне открыл,— говорил дивный Старец о сих инокинях,— как их души ведены были по воздушным мытарствам. Они были истязуемы на мытарствах и уже были осуждены. Трое суток я молился, убогий, прося о них Матерь Божию; Господь молитвами Богородицы, по Своей благости, их помиловал. Они прошли все

воздушные мытарства и получили прощение от милосердия Божия».

Так беседуя о многих предметах таинственных, превосходящих ум человеческий, Старец приказал многое предать молчанию с запрещением строгим.

1832 года, в день Рождества воплотившегося Бога Спасителя, Старец неожиданно пришел в собор, к поздней литургии, которую совершал игумен Нифонт. Отец Серафим приобщился Святых Таин и после литургии беседовал с игуменом, между прочим просил его о многих братиях, особливо о младших из ангельского образа. Распростясь с игуменом и с братиею, Старец возвратился в свою келлию и поручил с завещанием одному из монахов, Иакову, образ преподобного Сергия, представляющий посещение ему или видение им Божией Матери с Апостолами, написанный на камне. «Сей образ на меня наденьте, когда я умру,— говорил Старец,— и с ним положите меня в могилу. Сей образ,— продолжал отец Серафим,— при-

слан мне честным отцом архимандритом Антонием, наместником святой Лавры, от мощей преподобного Сергия». К отцу архимандриту Антонию отец Серафим питал в особенности любовь. Перед новым годом, вышедши из келлии к Успенскому собору, Старец отмерил и назначил сбоку алтаря место для могилы своей. 1833 года, 1 января, последний раз пришел он в больничную церковь, к ранней литургии, у которой и приобщился Святых Таин.

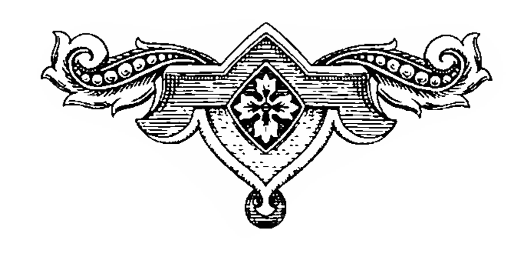
В сие время заметили в нем крайнее изнеможение, впрочем, вид его показывал спокойствие и радость. После литургии все тут бывшие братия подходили к нему на благословение; он обращался ко всем с особенною ласкою, всех целовал, делая разные замечания всякому, и всем вообще говорил: «Спасайтесь, не унывайте! бодрствуйте! Нынешний день нам венцы готовятся». Так говорил Старец и всем дал понять, что они расстаются с ним и уже не услышат его. Во весь день сей он был в особенности

светел лицом; вечером келейный его слышал, как он пел победные песни воскресные: *Воскресение Христово видевше, — светися, светися новый Иерусалиме; о Пасха велия и священнейшая, Христе* и другие духовные победные песни.

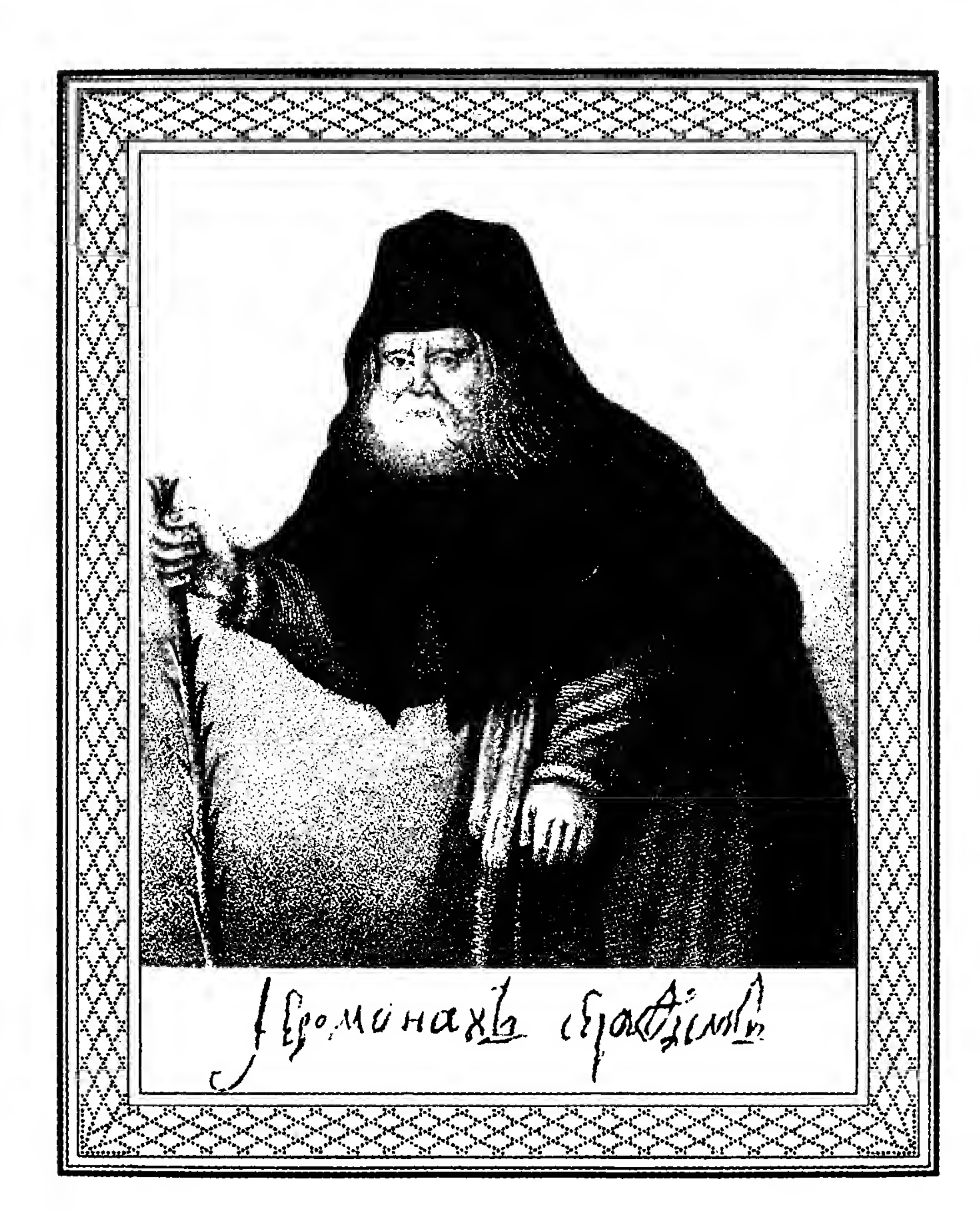
На другой день, то есть 2 января, когда от ранней литургии вошли к нему в келлию монах Павел, его келейный, и монах Иоанн, нашли его стоящим пред святыми иконами, на коленях, с руками приклоненными к персям, — тело оставалось на земле, а душа была уже у Господа! Все поражены были сею вестью, скорбя о разлуке с доблестным подвижником, которого жизнь была примером братии и украшением обители. Желая долее, последний раз, насладиться зрением Старца, лежащего уже во гробе, целых восемь суток оставляли почившего непогребенным; он лежал в Успенском соборе; и в сие время ко гробу его стеклось множество народа разного звания, многие тысячи жителей из окрест-

ных мест и соседних губерний собрались последний раз воздать долг свой великому Старцу и теплому своему молитвеннику в нескончаемые веки.

Всего жития его было 73 года, 5 месяцев и 12 дней.

ІС ХС
НИ КА
ДУХОВНЫЕ
НАСТАВЛЕНИЯ

Іеромонахъ Серафимъ

1. О Боге

Бог есть огнь, согревающий и воспламеняющий сердца и утробы. Итак, если мы ощутим в сердцах своих холод, который от диавола, ибо диавол хладен, то призовем Господа: Он, пришед, согреет наше сердце совершенною любовию не только к Нему, но и к ближним. И от лица теплоты убежит хлад доброненавистника.

Печатается по изданиям: «Духовные наставления отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха». М., 1844; «Душеполезный собеседник», 1903; «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря». М., 1903.

Отцы написали, когда их спрашивали: ищи Господа, но не испытуй, где Он живет.

Где Бог, там нет зла. Все, происходящее от Бога, мирно и полезно, и приводит человека к самоосуждению и смирению.

Бог являет нам Свое человеколюбие не только в тех случаях, когда мы добро делаем, но и тогда, когда оскорбляем грехами и прогневляем Его. Как долготерпеливо сносит Он наши беззакония! И, когда наказывает, как милостиво наказывает!

Не называй Бога правосудным, говорит преподобный Исаак, ибо в делах твоих не видно Его правосудия. Правда, Давид называл Его и правосудным, и правым, но Сын Его показал нам, что Бог более благ и милостив. Где Его правосудие? Мы были грешники, и Христос умер за нас (Слово 90).

Поколику человек совершенствуется здесь пред Богом, потолику ходит вслед Его; в истинном же веке Бог явит ему

Лице Свое. Ибо праведные, входя здесь на земле в созерцание Его, видят образ Его, как в зерцале, а там удостоятся зреть явление истины.

Если ты не знаешь Бога, то невозможно, чтобы явилась в тебе и любовь к Нему. Ты не можешь любить Бога, если не увидишь Его. Видение же Бога бывает от познания Его: ибо созерцание не предшествует богопознанию.

О делах Божиих не рассуждай по насыщении своего чрева: при наполненном чреве какое может быть ведение таин Божиих?

2. О вере

Прежде всего должно веровать в Бога, *яко есть, и взыскающим Его мздовоздатель бывает* (Евр. 11, 6).

Вера, по учению преподобного Антиоха, есть начало нашего соединения с Богом: истинно верующий есть камень храма Божия, уготованный для здания Бога Отца, вознесенный на высоту силою Иисуса Христа, то есть крестом,

помощию вервия, то есть благодати Духа Святаго.

Вера без дел мертва есть (Иак. 2, 26); а дела веры суть: любовь, мир, долготерпение, милость, смирение, несение креста и жизнь по духу. Лишь такая вера вменяется в правду. Истинная вера не может оставаться без дел; кто истинно верует, тот непременно творит и добрые дела.

3. О надежде

Все, имеющие твердую надежду на Бога, возводятся к Нему и просвещаются сиянием вечного света.

Если человек не имеет излишнего попечения о себе из любви к Богу и для дел добродетели, зная, что Бог печется о нем, то таковая надежда есть истинная и мудрая. А если человек все упование свое возлагает на свои дела, к Богу же обращается с молитвою лишь тогда, когда его постигают непредвиденные беды и он, не видя в собственных силах средств к отвращению их, начинает на-

деяться на помощь Божию, то такая надежда суетна и ложна. Истинная надежда ищет единого Царствия Божия и уверена, что все земное, потребное для жизни временной, несомненно дано будет.

Сердце не может иметь и мира, пока не приобретет такой надежды. Она-то вполне умиротворяет его и вносит радость в него. О сей-то надежде сказали святейшие уста Спасителя: *приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28), то есть надейся на Меня, и утешишься от труда и страха.

В Евангелии святого Луки сказано о Симеоне: *и бе ему обещано Духом Святым, не видети смерти, прежде даже не видит Христа Господня* (Лк. 2, 26). И Симеон праведный не умертвил надежды своей, но ждал вожделенного Спасителя миру и, с радостию приняв Его на свои руки, сказал: теперь Ты отпущаешь меня, Владыко, в Твое вожделенное для меня Царство: ибо я увидел надежду мою — Христа Господня.

4. О любви к Богу

Стяжавший совершенную любовь к Богу существует в жизни сей так, как бы не существовал. Ибо считает себя чужим для видимого, с терпением ожидая невидимого. Он весь изменился в любовь к Богу и оставил все другие привязанности.

Кто себя любит, тот любить Бога не может. А кто не любит себя ради любви к Богу, тот любит Бога.

Истинно любящий Бога считает себя странником и пришельцем на земле сей, ибо в своем стремлении к Богу душою и умом созерцает только Его Одного.

Душа, исполненная любви к Богу, и во время исхода своего из тела не убоится князя воздушного, но с ангелами возлетит, как бы от чужой страны на родину.

5. О страхе Божием

Человек, решившийся проходить путь внутреннего внимания, прежде всего должен иметь страх Божий, который есть начало премудрости.

Пусть будут в уме его всегда напечатлены сии пророческие слова: *работайте Господеви со страхом, и радуйтеся Ему с трепетом* (Пс. 2, 11).

Он должен проходить путь свой с крайнею осторожностию и благоговением ко всему священному, а не небрежно. В противном случае нужно опасаться, чтоб не отнеслось к нему сие страшное определение Божие: *проклят человек, творяй дело Господне с небрежением* (Иер. 48, 10).

Благоговейная осторожность здесь нужна потому, что сие море (то есть сердце с своими помыслами и желаниями, которое должно очистить посредством внимания) велико и пространно: *тамо гади, имже несть числа*, то есть в нем гнездятся многие помыслы суетные, неправые и нечистые,— порождения злых духов.

Бойся Бога, говорит Премудрый, *и заповеди Его храни* (Еккл. 12, 13). А соблюдая заповеди, ты будешь силен во всяком деле, и дело твое будет всегда

хорошо. Ибо, боясь Бога, ты из любви к Нему все делать будешь хорошо. А диавола не бойся; кто боится Бога, тот одолеет диавола: для того диавол бессилен.

Два вида страха: если не хочешь делать зла, то бойся Господа, и не делай; а если хочешь делать добро, то бойся Господа, и делай.

Но никто не может стяжать страха Божия, доколе не освободится от всех забот житейских. Когда ум будет беспопечителен, тогда движет его страх Божий и влечет к любви благости Божией.

6. Об отречении от мира

Страх Божий приобретается тогда, когда человек, отрекшись от мира и всего, что в мире, соберет все свои мысли и чувства и весь погрузится в созерцание Бога и в чувство обещанного святым блаженства.

Нельзя вполне отречься от мира и прийти в состояние духовного созерцания, оставаясь в мире. Ибо, доколе страсти не утишатся, нельзя стяжать мира

душевного. Но страсти не утишаются, доколе нас окружают предметы, возбуждающие страсти. Чтобы прийти в совершенное бесстрастие и достигнуть совершенного безмолвия души, нужно много подвизаться в духовном размышлении и молитве. Но как же возможно всецело и спокойно предаваться созерцанию Бога, поучаться в законе Его и всею душою возноситься к Нему в пламенной молитве, оставаясь среди непрестающего шума страстей, воюющих в мире? Мир во зле лежит.

Не освободясь от мира, душа не может любить Бога искренно. Ибо житейское, по словам преподобного Антиоха, для нее есть как бы покрывало.

Если мы, говорит он же, живем в чужом граде и наш град далеко от града сего, и если мы знаем град наш, то для чего мы медлим в чужом граде и в нем уготовляем себе поля и жилища? И како воспоем песнь Господню на земли чуждей? Мир сей есть область иного, то есть князя века сего (Слово 15).

7. О уединении и молчании

Паче всего должно украшать себя молчанием, ибо Амвросий Медиоланский говорит: молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголанием же ни одного. И паки некто из Отцов говорит, что молчание есть таинство будущего века, словеса же орудие суть мира сего (Преподобные Каллист и Игнатий Ксанфопулы. Гл. 16).

Ты только сиди в келлии во внимании и молчании и всеми мерами старайся приблизить себя ко Господу; а Господь готов сделать тебя из человека ангелом: *на кого*, говорит, *воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66, 2).

Когда мы в молчании пребываем, тогда враг диавол ничего не успеет относительно к потаенному сердца человеку: сие же должно разуметь о молчании в разуме.

Проходящий таковой подвиг должен все упование свое возложить на Господа Бога, по учению Апостола: *всю печаль*

вашу возвергше нанъ, яко Той печется о вас (1 Пет. 5, 7).

Он должен быть постоянен в сем подвиге, последуя в сем случае примеру святого Иоанна Молчальника и пустынника (см.: Четьи-Минеи, 3 декабря), который в прохождении пути сего утверждался сими Божественными словами: *не имам тебе оставити, ниже имам от тебе отступити* (Евр. 13, 5).

Ежели не всегда можно пребывать в уединении и молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями, то хотя некоторое время, оставшееся от послушания, должно посвящать на уединение и молчание, и за сие малое не оставит Господь Бог ниспослать богатую Свою милость.

От уединения и молчания рождаются умиление и кротость; действие сей последней в сердце человеческом можно уподобить воде оной тихой Силоамской, которая течет без шума и звука, как говорит о ней пророк Исаия: *воды Силоамли текущия тисе* (Ис. 8, 6).

Пребывание в келлии в молчании, упражнении, молитве и поучении день и нощь закону Божию делает человека благочестивым, ибо, по словам Святых Отцов, келлия инока есть пещь Вавилонская, в ней же трие отроцы Сына Божия обретоша (Добротолюбие, ч. 3. Петра Дамаскина книга 1-я).

8. О безмолвии

Преподобный Варсонофий учит: доколе на море — корабль терпит беды и приражения ветров, а когда достигнет пристанища тихого и мирного — уже не боится бед и скорбей и приражения ветров, но остается в тиши. Так и ты, монах, доколе остаешься с людьми, ожидай скорбей и бед и приражения мысленных ветров, а когда в безмолвие вступишь, бояться тебе нечего (Ответы 8, 9).

Совершенное безмолвие есть крест, на котором должен человек распять себя со всеми страстьми и похотьми. Но подумай: Владыка наш Христос сколько наперед претерпел поношений и оскорб-

лений, и потом уже восшел на крест. Так и нам нельзя прийти в совершенное безмолвие и надеяться святого совершенства, если не постраждем со Христом. Ибо, говорит Апостол, *аще с Ним страждем, с Ним и прославимся* (см.: Рим. 8, 17). Другого пути нет (Ответ 346).

Пришедший в безмолвие должен непрестанно помнить, зачем пришел, чтобы не уклонилось сердце его к чему-либо другому.

9. О внимании самому себе

Проходящий путь внимания не должен верить одному только сердцу своему, но сердечные свои действия и самую жизнь поверять с законом Божиим и с деятельною жизнию подвижников благочестия, такой же подвиг проходивших. Сим средством удобнее можно и от лукавого избавиться, и истину узреть яснее.

Ум внимательного человека есть как бы поставленный страж, или неусыпный хранитель внутреннего Иерусалима.

Стоя на высоте духовного созерцания, он смотрит оком чистоты на обходящие и прирожающиеся к душе его противные силы, по словам Псалмопевца: *и на враги моя воззре око мое* (Пс. 53, 9).

От ока его не скрыт диавол, *яко лев рыкающий, иский кого поглотити* (см.: 1 Пет. 5, 8), и те, которые напрягают лук свой *состреляти во мраце правыя сердцем* (Пс. 10, 2).

По учению Святых Отцов, при каждом человеке находятся два ангела: один добрый, другой злой. Ангел добрый тих, кроток и безмолвен. Когда он войдет в сердце человека, то говорит с ним о правде, чистоте, честности, спокойствии, о всяком благом деле и о всякой добродетели. Когда почувствуешь это в сердце твоем, очевидно, в тебе находится ангел правды. А дух лукавый острожелчен, жесток и безумен. Когда он войдет в сердце твое, то узнавай это по делам его (Преподобный Антиох. Слово 61).

Внимай себе, возлюбленный, говорит Исаак Сирин, и, при непрестанном де-

лании, имей пред глазами и приключающиеся тебе скорби, и место пустыни, в которой живешь, и тонкость ума своего вместе с грубостию своего познания, и продолжительность безмолвия вместе со многими врачевствами, то есть искушениями, какие наводятся на тебя то истинным Врачом ко здравию внутреннего человека, то иногда и бесами, и состоят иногда в болезнях и трудах телесных, иногда в ужасающих помышлениях души твоей и в страшных напоминаниях о том, что будет при конце; иногда прививаются и обвязываются благодатная теплота и сладкие слезы, и духовная радость и подобное. И теперь, во всех ли этих обстоятельствах совершенно видишь, что язва твоя начала подживать и закрываться, то есть страсти стали ослабевать? Положи примету, и непрестанно входи сам в себя, и смотри, какие страсти, по твоему замечанию, изнемогли пред тобой, какие истребились и совершенно оставили тебя, какие начали умолкать вследствие выздоравливания души

твоей, а не удаления только того, что возбуждало их, и какие научился ты одолевать разумом своим, а не одним лишением себя причин страсти. И еще внимай, совершенно ли видишь, что в гниющей язве твоей начала нарастать живая плоть, то есть мир душевный; и какие страсти преследуют тебя одна за другою последовательно и стремительно и чрез какой промежуток времени; телесные ли или душевные это страсти, или сложные и смешанные; и проходят ли в памяти только как слабые или сильно восстают на душу, и как восстают — властительски или яко тать; как смотрит на них царь-ум, этот властитель чувств: вступает ли с ними в брань, когда выступят вперед и объявят войну, и доводит ли их до бессилия своею крепостию или, и видя, не видит их и вовсе не занимается ими; и какие остались из старых страстей, и какие вновь образовались; притом, возникают ли страсти в живых образах или в чувстве — без живых образов, и в памяти — без страстного дви-

жения, без размышления о них и без раздражения. И по этому можно узнавать меру душевного здравия (Слово 45).

А потому таковый человек, следуя учению божественного Павла, *принимает вся оружия Божия, да возможет противитися в день лют* (см.: Еф. 6, 13), и сими оружиями, при содействии благодати Божией, отражает видимые приражения и побеждает невидимых ратников. Мы видим пример таковаго духовного бодрствования в Иове Многострадальном, о коем Святая Церковь воспевает так: *богатство видев добродетелей Иовлих, украсти кознствоваше праведных враг, и растерзав столп телесе, сокровище не украде духа: обрете бо вооружену непорочнаго душу* (тропарь святому, мая 6-го).

Проходящий путь сей не должен внимать посторонним слухам, от которых голова может быть наполнена праздными и суетными помыслами и воспоминаниями, но должен быть внимательным к себе.

Особенно на сем пути наблюдать должно, чтоб не обращаться на чужие дела, не мыслить и не говорить о них, по Псаломнику: *не возглаголют уста моя дел человеческих* (Пс. 16, 4); а молить Господа: *от тайных моих очисти мя, и от чуждих пощади раба Твоего* (Пс. 18, 13, 14).

Чтоб сохранить внимание, надобно уединяться в себя, по глаголу Господню: *ни когоже на пути целуйте* (Лк. 10, 4), то есть без нужды не говорить, разве бежит кто за тобою, чтоб услышать полезное.

Встречающихся старцев или братий поклонами почитать должно, имея очи всегда заключенные.

10. О попечении души

Человек по телу подобен зажженной свече. Свеча должна сгореть, и человек должен умереть. Но душа его бессмертна; потому и попечение наше должно относиться более к душе, нежели к телу: *кая бо польза человеку, аще мир весь*

приобрящет, душу же свою отщетит; или что даст человек измену за душу свою (Мф. 16, 26), за которую, как известно, ничто в мире не может быть выкупом? Если одна душа сама по себе драгоценнее всего мира и царства мирского, то несравненно дороже Царство Небесное. Душу же почитаем драгоценнее всего по той причине, как говорит Макарий Великий, что Бог ни с чем не благоволил сообщиться и соединиться Своим духовным естеством, ни с каким видимым созданием, но с одним человеком, которого возлюбил более всех тварей Своих (Слово о свободе ума. Гл. 32).

Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Амвросий Медиоланский и прочие от юности до конца жизни были девственниками; вся их жизнь была обращена на попечение о душе, а не о теле. Так и нам все старание должно иметь о душе, тело же подкреплять для того только, чтоб оно способствовало к подкреплению духа.

Если самовольно изнурим свое тело до того, что изнурится и дух, то таковое удручение будет безрассудное, хотя бы сие делалось для снискания добродетели.

Буде же Господу Богу угодно будет, чтобы человек испытал на себе болезни, то Он же подаст ему и силу терпения.

Итак, пусть будут болезни не от нас самих, но от Бога.

11. Чем должно снабдевать душу?

Если хочешь устроить дом души своей, говорит преподобный Варсонофий, то прежде приготовь вещество и все потребное, чтобы Художнику оставалось прийти и устроить. Потребное для такового здания суть твердая вера для устроения стен; деревянные оконцы, вводящие свет солнечный, который бы освещал дом, чтобы не было в нем ни малейшей темноты. Оконца деревянные суть пять чувств, Честным Крестом Христовым утвержденные, вводящие свет мысленного Солнца правды и не позволяющие оставаться в доме твоем

ни малейшей темноте врага и доброненавистника твоего. Потом требуется покров, да ни *во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна нощию* (Пс. 120, 6). Покров скрепляется любовию к Богу, которая бы, покрывая дом, никогда не падала и не позволяла *заходить солнцу во гневе твоем*, дабы не увидеть его обличающим тебя в день судный и жгущим в огне гееннском, и луну, свидетельствующую о нощном нашем унынии и лености. Наконец требуется дверь, вводящая в дом и хранящая живущего в нем. Разумей мысленную дверь — Сына Божия, Который говорит: *Аз есмь дверь*. Если так устроим дом души своей, и в нем не будет ничего неприличного и неугодного Богу, то Он приидет с благословенным Отцем и Духом Святым, и обитель у тебя сотворит, и научит тебя, что такое мир души, просветив сердце твое радостию неизглаголанною (Ответ 171).

Душу снабдевать надобно словом Божиим; ибо слово Божие, как говорит

Григорий Богослов, есть хлеб ангельский, им же питаются души, Бога алчущие. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири; Евангелие и послания Апостолов должно читать *стоя* пред святыми иконами, а псалмы можно читать *сидя*. От чтения Святого Писания бывает просвещение в разуме, который от того изменяется изменением Божественным.

Надобно так обучить себя, чтобы ум как бы плавал в законе Господнем, по руководству которого должно устроять и жизнь свою.

Очень полезно заниматься чтением слова Божия в уединении и прочитать всю Библию разумно. За одно таковое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставит человека Своею милостию, но исполнит его дара разумения.

Когда же человек снабдит душу свою словом Божиим, тогда исполняется разумением того, что есть добро и что есть зло.

Чтение слова Божия должно быть производимо в уединении для того,

чтобы весь ум читающего углублен был в истине Священного Писания, и принимал от Бога в себя теплоту, которая в уединении производит слезы; от них человек согревается весь и исполняется духовных дарований, услаждающих ум и сердце паче всякого слова.

Телесный труд и упражнение в божественных Писаниях, учит преподобный Исаак Сирин, охраняют чистоту, а труд подкрепляется надеждою и страхом. Надежду же и страх производят в уме удаление от людей и непрестанная молитва. Пока не приимет Утешителя, человек имеет нужду в божественных Писаниях, чтобы воспоминание о благах напечатлевалось в уме его и от непрестанного чтения обновлялось в нем стремление ко благу и охраняло душу его от тонких путей греха,— имеет нужду потому, что не приобрел еще силы Духа, которая удаляет заблуждение, берет в плен душеполезные припоминания, и приближается к той холодности, какая бывает при рассеянности ума. Ибо,

когда сила Духа низойдет на душевную силу, действующую в нем, тогда вместо закона Писаний укореняются в сердце заповеди Духа; и тогда он втайне бывает наставляем Духом и не имеет нужды в помощи чего-либо чувственного. А пока сердце учится чрез вещественное, вслед за учением идет заблуждение и забвение. А когда учение будет от Духа, тогда память соблюдается невредимою (Слово 58).

Следует также снабдевать душу и познаниями о Церкви, как она от начала и доселе сохраняется и что терпела она в то или другое время,— знать же сие не для того, чтоб желать управлять людьми, но на случай могущих встретиться вопрошений, также — для убеждения и утешения своего духа.

Более же всего делать это должно собственно для себя, чтоб приобрести мир душевный, по учению Псаломника: *мир мног любящим закон Твой, Господи* (см.: Пс. 118, 165).

12. О мире душевном

Мир душевный приобретается скорбями. Писание говорит: *проидохом сквозе огнь и воду, и извел еси ны в покой* (Пс. 65, 12). Хотящим угодить Богу путь лежит сквозь многие скорби. Как ублажать нам святых мучеников за страдания, которые претерпели они ради Бога, когда мы не можем стерпеть и огневицы?

Ничто так не содействует стяжанию внутреннего мира, как молчание и, сколько возможно, непрестанная беседа с собою и редкая — с другими.

Ничто же лучше есть во Христе мира, в нем же разрушается всякая брань воздушных и земных духов. Ибо *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12).

Признак духовной жизни есть погружение человека внутрь себя и сокровенное делание в сердце своем.

Благодать Божия приосеняет такого человека, и он бывает сперва в мирном устроении, а путем сего переходит и в премирное: в мирном — то есть с совестию благою; в премирном же — когда его ум созерцает в себе благодать Святаго Духа, по слову Божию: *в мире место Его* (Пс. 75, 3).

Можно ли, видя солнце чувственными очами, не радоваться? Но сколько радостнее бывает, когда ум видит внутренним оком Солнце правды — Христа? Тогда воистину радуется он радостию ангельскою. О сем-то и Апостол сказал: *наше житие на небесех есть* (Флп. 3, 20).

Кто в мирном устроении неуклонно ходит, тот, как бы лжицею*, черпает духовные дары.

Святые Отцы, имея мирное устроение и будучи осеняемы благодатию Божиею, жили долго.

Когда человек придет в мирное устроение, тогда он может от себя и на

* Священный сосуд, употребляемый как ложечка при причащении.— *Ред.*

других изливать свет просвещения разума. Прежде сего человеку надобно повторять сии слова Анны пророчицы: *да не изыдет велеречие из уст ваших* (1 Цар. 2, 3), и слова Господни: *лицемере, изми первее бервно** *из очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего* (Мф. 7, 5).

Сей мир, как некое бесценное сокровище, оставил Господь наш Иисус Христос ученикам Своим пред смертию Своею, глаголя: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27). О нем также говорит и Апостол: *и мир Божий, превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе* (Флп. 4, 7); *мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14).

Итак, мы должны все свои мысли, желания и действия сосредоточивать к тому, чтобы получить мир Божий, и с Церковию всегда взывать: *Гос-*

* Бревно.— *Ред.*

поди, Боже наш, мир даждь нам (Ис. 26, 12).

13. О сохранении мира душевного

Всеми мерами надобно стараться, чтоб сохранить мир душевный и не возмущаться оскорблениями от других; для сего нужно всячески стараться удерживать гнев и посредством внимания ум и сердце соблюдать от непристойных движений.

И потому оскорбления от других переносить должно равнодушно, и приобучаться к такому расположению духа, как бы их оскорбления не до нас, а до других касались.

Таковое упражнение может доставить человеческому сердцу тишину и соделать оное обителию для Самого Бога.

Образ такового безгневия мы видим на Григории чудотворце, с которого в публичном месте жена, некая блудница, просила мзды, аки бы за содеянный с нею грех; а он, на нее нимало не разгне-

вавшись, кротко сказал некоему своему другу: даждь скоро ей цену, колико требует. Жена, только что прияла неправедную мзду, подверглась нападению беса; святой же отгнал от нее беса молитвою (см.: Четьи-Минеи, 17 ноября).

Ежели же невозможно, чтоб не возмутиться, то по крайней мере надобно стараться удерживать язык, по Псаломнику: *смятохся и не глаголах* (Пс. 76, 5).

В сем случае можем в образец себе взять святого Спиридона Тримифунтского и преподобного Ефрема Сирина. Первый так перенес оскорбление: когда по требованию царя греческого входил он во дворец, то некто из слуг, в палате царской бывших, сочтя его за нищего, рассмеялся над ним, не пускал его в палату, а потом ударил и в ланиту. Святой Спиридон, будучи незлобив, по слову Господню, обратил ему и другую (см.: Мф. 5, 39, см. также: Четьи-Минеи, 12 декабря).

Преподобный Ефрем, постясь в пустыне, лишен был учеником пищи таким образом: ученик, неся ему пищу, сокрушил на пути, нехотя, сосуд. Преподобный, увидев печального ученика, сказал к нему: не скорби, брате, аще бо не восхоте приити к нам пища, то мы пойдем к ней; и пошел, сел при сокрушенном сосуде и, собирая снедь, вкушал ее: так был он безгневен (см.: Четьи-Минеи, 28 января).

А каким образом побеждать гнев, сие можно видеть из жития Великого Паисия, который явившегося ему Господа Иисуса Христа просил, дабы Он освободил его от гнева. И рече ему Христос: *аще гнев и ярость купно победити хощеши, ничесоже возжелай, ни возненавиди кого, ни уничижи* (см.: Четьи-Минеи, 19 июня).

Дабы сохранить мир душевный, должно отдалять от себя уныние и стараться иметь радостный дух, а не печальный, по слову Сираха: *многи бо печаль уби, и несть пользы в ней* (Сир. 30, 25).

Когда человек имеет большой недостаток в потребных для тела вещах, то трудно победить уныние. Но сие конечно к слабым душам относить должно.

Для сохранения мира душевного также всячески должно избегать осуждения других. Неосуждением и молчанием сохраняется мир душевный: когда в таком устроении бывает человек, то получает Божественные откровения.

Чтобы избавиться осуждения, должно внимать себе, ни от кого не принимать посторонних мыслей и быть ко всему мертву.

К сохранению душевного мира надобно чаще входить в себя и спрашивать: где я?

При сем должно наблюдать, чтобы телесные чувства, особенно зрение, служили для внутреннего человека и не развлекали душу чувственными предметами: ибо благодатные дарования получают токмо те, кои имеют внутреннее делание и бдят о душах своих.

14. О свете Христовом

Дабы принять и ощутить в сердце своем свет Христов, надобно, сколько можно, отвлечь себя от видимых предметов. Предочистив душу покаянием и добрыми делами, при искренней вере в Распятого, закрыв телесные очи, должно погрузить ум внутрь сердца и вопиять, непрестанно призывая имя Господа нашего Иисуса Христа. Тогда, по мере усердия и горячности духа к Возлюбленному (см.: Лк. 3, 22), человек в призываемом имени находит услаждение, которое возбуждает желание искать высшего просвещения.

Когда ум с таким упражнением долго пребудет, укоснит в сердце, тогда воссияет свет Христов, освещая храмину души Божественным сиянием, как говорит от лица Бога святой пророк Малахия: *и возсияет вам боящимся имени Моего Солнце правды* (4, 2). Сей свет есть купно и жизнь, по евангельскому слову:

в Том живот бе, и живот бе свет человеком (Ин. 1, 4).

Когда человек созерцает внутренно свет вечный, тогда ум его бывает чист и не имеет в себе никаких чувственных представлений; но, весь будучи углублен в созерцание несозданной доброты, забывает все чувственное, не хочет зреть и себя, но желает скрыться в сердце земли, только бы не лишиться сего истинного блага — Бога.

15. О подвигах

Выше меры подвигов предпринимать не должно, а стараться, чтоб друг — плоть наша — был верен и способен к творению добродетелей.

Надобно идти средним путем, *не уклонятися ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27); и давать духу духовное, телу телесное, для поддержания временной жизни потребное, и жизни общественной ею законно требуемое, по словам Священного Писания: *воздадите убо ке-*

сарева кесареви, и Божия Богови (Мф. 22, 21).

Должно снисходить душе своей в ее немощах и несовершенствах и терпеть свои недостатки, как терпим других, но не обленяться и побуждать себя к лучшему.

Употребил ли пищи много, или что другое подобное сему, сродное слабости человеческой сделал, не возмущайся сим и не прилагай ко вреду вред; но мужественно подвигни себя ко исправлению, а между тем старайся сохранить мир душевный, по слову Апостола: *блажен не осуждаяй себе, о немже искушается* (Рим. 14, 22).

Тот же смысл заключают и слова Спасителя: *аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное* (Мф. 18, 3).

Тело, изможденное подвигами или болезнями, должно подкреплять умеренным сном, пищею и питием, не наблюдая даже и времени. Иисус Христос, по

воскресении дщери Иаировой от смерти, тут же повелел *дати ей ясти* (Лк. 8, 55).

Всякий успех в чем-либо мы должны относить ко Господу и с Пророком говорить: *не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу* (Пс. 113, 9).

Лет до тридцати пяти, то есть до преполовения земной жизни, велик подвиг бывает человеку в сохранении себя, и многие в сии лета не устаивают в добродетели, но совращаются с правого пути к собственным пожеланиям; как о сем святой Василий Великий свидетельствует: многие многое собрали в юности, и, посреде жития бывши, восставшим на них искушениям от духов лукавствия не стерпели волнения; всего того лишились (Беседа на начало Притчей).

А потому, чтоб не испытать такового превращения, надобно поставить себя как бы на мериле испытания и внимательного за собою наблюдения, по учению святого Исаака Сирина: яко же на

мериле приличествует известити* коемуждо жительство свое (Слово 40).

16. О молитве

Истинно решившиеся служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве ко Иисусу Христу, говоря умом: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*; в часы же послеобеденные можно говорить сию молитву так: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Богородицы помилуй мя грешнаго*; или же прибегать собственно ко Пресвятой Богородице, моляся: *Пресвятая Богородице, спаси нас*, или говорить поздравление Ангельское: *Богородице Дево, радуйся*. Таковым упражнением, при охранении себя от рассеяния, и при соблюдении мира совести, можно приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Ибо, по словам святого Исаака Сирина, кроме непрестанной молитвы мы приблизиться к Богу не можем (Слово 69).

---

* *Известити* — подтвердить, засвидетельствовать.— *Ред.*

Образ молитвы весьма хорошо расположил святой Симеон Новый Богослов (см.: Добротолюбие, ч. 1).

Достоинство же оной очень хорошо изобразил святой Златоуст: велие, говорит он, есть оружие молитва, сокровище неоскудно, богатство никогда же иждиваемо*, пристанище безволненно, тишины вина и тьмам благих корень, источник и мати есть (Маргарит. Слово 5. О непостижимом).

В церкви на молитве стоять полезно с закрытыми очами во внутреннем внимании; открывать же очи разве тогда, когда унывешь или сон будет отягощать тебя и склонять к дреманию; тогда очи обращать должно на образ и на горящую пред ним свещу.

Если в молитве случится плениться умом в расхищение мыслей, то должно смириться пред Господом Богом и просить прощения, говоря: согреших, Господи, словом, делом, помышлением и всеми моими чувствы.

---

* *Иждивать* — расходовать, проживать, истратить.— *Ред.*

Почему всегда должно стараться, чтоб не предавать себя рассеянию мыслей, ибо чрез сие уклоняется душа от памяти Божией и любви Его, по действию диавола, как святой Макарий говорит: все супостата нашего тщание сие есть, да мысль нашу от памятования о Боге и страха и любви отвратить (Слово 2, гл. 15).

Когда же ум и сердце будут соединены в молитве и помыслы души не рассеяны, тогда сердце согревается теплотою духовною, в которой воссиявает свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека.

О всем мы должны благодарить Господа и предавать себя Его воле; должны также представлять Ему все свои мысли, слова и деяния и стараться, чтобы все служило только к Его благоугождению.

17. О слезах

Все святые и мира отрекшиеся иноки всю жизнь свою плакали, в чаянии вечного утешения, по уверению Спасителя

мира: *блажени плачущии, яко тии утешатся* (Мф. 5, 4).

Так и мы должны плакать об оставлении грехов своих. К сему да убедят нас слова порфироносного пророка: *ходящии хождаху и плакахуся, метающе семена своя: грядуще же приидут радостию, вземлюще рукояти своя* (Пс. 125, 6); и слова Исаака Сирина: «Омочи ланиты твои плачем очию твоею, да почиет на тебе Святый Дух и омыет тя от скверны злобы твоея. Умилостиви Господа твоего слезами, да приидет к тебе» (Слово 68. Об отречении от мира).

Когда мы плачем в молитве и к слезам примешивается смех, то это — от диавольской хитрости. Трудно постигнуть тайные и тонкие действия врага нашего.

У кого текут слезы умиления, у того сердце озаряется лучами Солнца правды — Христа Бога.

18. О покаянии

Желающему спастися всегда должно иметь сердце, расположенное к покаянию

и сокрушенное: *жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19).

В таком сокрушении духа человек с легкостию может безбедно проходить хитрые козни диавола, коего все силы направлены к тому, чтобы возмутить дух человека и в возмущении посеять свои плевелы, по словеси евангельскому: *Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем? откуду убо плевелы? Он же рече: враг человек сие сотвори* (Мф. 13, 27—28).

Когда же человек старается иметь сердце смиренное и мысль сохранить в мире, тогда все козни вражии бывают бездейственны; ибо, где мир помыслов, там почивает Сам Бог: *в мире*, сказано, *место Его* (Пс. 75, 3).

Начало покаяния зарождается от страха Божия и внимания к себе, как говорит святой мученик Вонифатий: страх Божий есть отец внимания, а внимание — матерь внутреннего покоя (см.: Четьи-Минеи, 19 декабря). Страх Гос-

подень пробуждает спящую совесть, которая делает то, что душа, как в некоей воде чистой и невозмущенной, видит свою некрасоту, и так рождаются начатки и разрастаются корни покаяния.

Мы всю жизнь грехопадениями своими оскорбляем величество Божие, а потому и должны всегда со смирением просить у Господа оставления долгов наших.

Можно ли облагодатствованному человеку по падении восстать чрез покаяние?

Можно, по Псаломнику: *превратихся пáсти, и Господь прият мя* (Пс. 117, 13). Когда святой пророк Нафан обличил Давида в грехе его, то он, покаявшись, тут же получил прощение (2 Цар. 12, 13).

К сему примером служит и один пустынник, который, пошедши за водой, при источнике пал в грех. Но, возвратившись в келлию, он сознал свое согрешение и паки начал проводить жизнь подвижническую, как прежде. Враг сму-

щал его, представляя ему тяжесть греха, отрицая возможность прощения и стараясь отвлечь его от подвижнической жизни. Но воин Христов устоял на своем пути. О сем случае Бог открыл некоему блаженному отцу и велел брата, падшего в грехе, ублажить за таковую победу над диаволом.

Когда мы искренно каемся во грехах наших и обращаемся ко Господу нашему Иисусу Христу всем сердцем нашим, Он радуется нам, учреждает праздник и созывает на него любезные Ему Силы, показывая им драхму, которую Он обрел паки, то есть царский образ Свой и подобие. Возложив на рамена* заблудшую овцу, Он приводит ее ко Отцу Своему. В жилище всех веселящихся Бог водворяет и душу покаявшегося вместе с теми, которые не отбегали от Него.

Итак, не вознерадим** обращаться к благоутробному Владыке нашему скоро и не предадимся беспечности и отчаянию, ради тяжких и бесчисленных гре-

---

* Плечи.— *Ред.*

** Вознерадеть — не стараться, не усердствовать.— *Ред.*

хов наших. Отчаяние есть совершеннейшая радость диаволу. Оно есть грех к смерти, как гласит Писание (см.: 1 Ин. 5, 16; см. также: Преподобный Антиох. Слово 77). «Аще не предашься унынию и нерадению,— говорит Варсонофий,— то имаши почудитися и прославити Бога, как Он применяет тя от еже небыти во еже быти», то есть из грешника в праведника (Ответ 114).

Покаяние во грехе, между прочим, состоит в том, чтобы не делать его опять.

Как всякой болезни есть врачевание, так и всякому греху есть покаяние.

Итак, несомненно приступай к покаянию — и оно будет ходатайствовать за тебя пред Богом. Непрестанно твори сию молитву преподобного Антиоха:

Дерзая, Владыко, на бездну благоутробия Твоего, приношу Тебе от скверных уст и нечистых устен молитву сию: помяни, яко призвася на мне имя святое Твое и искупил мя еси ценою крове Твоея, яко запечатлел мя еси обручением Святаго Духа Твоего и возвел мя еси от

глубины беззаконий моих; да не похитит мя враг. Иисусе Христе, заступи мя и буди ми помощник крепкий в брани, яко раб есмь похоти и воюем от нея. Но Ты, Господи, не остави мя на земли поверженна во осуждении дел моих: свободи мя, Владыко, лукаваго рабства миродержителя и усвой мя в заповедех Твоих. Путь живота моего, Христе мой, и свет очей моих — лице Твое. Боже, Владыко и Господи, возношения очей моих не даждь ми и похоть злую отстави от мене; заступи мя рукою Твоею святою. Пожелания и похотствования да не объимут мя, и душе безстыдней не предаждь мене. Просвети во мне свет лица Твоего, Господи, да не объимет мене тма, и ходящии в ней да не похитят мя. Не предаждь, Господи, зверем невидимым душу, исповедающуюся Тебе. Не попусти, Господи, уязвитися рабу Твоему от псов чуждих. Приятелище Святаго Духа Твоего быти мя сподоби и дом Христа Твоего, Отче Святый, созижди мя. Пу-

теводителю заблуждших, путеводствуй мя, да не уклонюся в шуяя. Лице Твое, Господи, видети вожделех. Боже, светом лица Твоего путеводи мя. Источник слез даруй ми, рабу Твоему, и росу Святаго Твоего Духа даждь созданию Твоему, да не изсохну, яко смоковница, юже Ты проклял еси: и да будут слезы питием моим, и молитва моя пищею. Обрати, Господи, плач мой в радость мне и приими мя в вечныя Твоя скинии. Да постигнет мя милость Твоя, Господи, и щедроты Твоя да объимут мя, и отпусти вся грехи моя. Ты бо еси Бог истинный, отпущаяй беззакония. И не попусти, Господи, посрамитися делу рук Твоих по множеству беззаконий моих, но воззови мя, Владыко, Единородным Твоим Сыном, Спасителем нашим. И воздвигни мя лежащаго, яко Левию мытаря, и оживотвори мя, грехми умерщвленнаго, яко сына вдовицы. Ты бо един еси воскресение мертвых, и Тебе слава подобает во веки. Аминь (Слово 77).

19. О посте

Пост состоит не в том только, чтобы есть редко, но в том, чтобы есть мало; и не в том, чтобы есть однажды, но в том, чтобы не есть много. Неразумен тот постник, который дожидается определенного часа, а в час трапезы весь предается ненасытному вкушению и телом и умом.

В рассуждении пищи должно наблюдать и то, чтобы не разбирать между снедями вкусными и невкусными. Это дело, свойственное животным, в разумном человеке недостойно похвал. Отказываемся же мы от приятной пищи для того, чтобы усмирить воюющие члены плоти и дать свободу действиям духа.

Истинный пост состоит не в одном изнурении плоти, но и в том, чтобы ту часть хлеба, которую ты сам хотел бы съесть, отдать алчущему. *Блажени алчущии... яко тии насытятся* (Мф. 5, 6).

Подвигоположник и Спаситель наш Господь Иисус Христос, пред выступлением на подвиг искупления рода челове-

ческого, укрепил Себя продолжительным постом. И все подвижники, начиная работать Господу, вооружали себя постом и не иначе вступали на путь крестный, как в подвиге поста. Самые успехи в подвижничестве измеряли они успехами в посте.

К строгому посту святые люди приступали не вдруг, делаясь постепенно и мало-помалу способными довольствоваться самою скудною пищею. Преподобный Дорофей, приучая ученика своего Досифея к посту, постепенно отнимал от стола его по малой части, так что от четырех фунтов меру его ежедневной пищи низвел наконец до осьми лотов хлеба.

При всем том святые постники, к удивлению других, не знали расслабления, но всегда были бодры, сильны и готовы к делу. Болезни между ними были редки, и жизнь их текла чрезвычайно продолжительно.

В той мере, как плоть постящегося становится тонкою и легкою, духовная

жизнь приходит в совершенство и открывает себя чудными явлениями. Тогда дух совершает свои действия как бы в бестелесном теле. Внешние чувства точно закрываются, и ум, отрешась от земли, возносится к небу и всецело погружается в созерцание мира духовного.

Однако ж не всякий сможет наложить на себя строгое правило воздержания во всем или лишить себя всего, что может служить к облегчению немощей. *Могий вместити да вместит* (Мф. 19, 12).

Пищи употреблять должно каждый день столько, чтобы тело, укрепясь, было другом и помощником душе в совершении добродетели; иначе может быть и то, что при изнеможении тела и душа ослабеет. По пятницам и средам, особенно же в четыре поста, пищу, по примеру Отцов, употребляй один раз в день,— и Ангел Господень прилепится к тебе.

20. О хранении сердца

Мы непрестанно должны хранить сердце свое от непристойных помыслов

и впечатлений, по слову Приточника: *всяцем хранением блюди сердце твое: от сих бо исходища живота* (Притч. 4, 23).

От бдительного хранения сердца рождается в нем чистота, для которой доступно видение Господа, по уверению вечной Истины: *блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8).

Что есть лучшего в сердце, того мы без надобности не должны обнаруживать; ибо тогда только собранное остается в безопасности от видимых и невидимых врагов, когда оно, как сокровище, хранится во внутренности сердца. Не всем открывай тайны сердца твоего.

21. О хранении познанных истин

Не должно без нужды другому открывать сердца своего; из тысячи можно найти только одного, который бы сохранил твою тайну.

Когда мы сами не сохраняем ее в себе, то как можем надеяться, что может она быть сохранена другим?

С человеком душевным надобно говорить о человеческих вещах; с человеком же, имущим разум духовный, надобно говорить о небесных.

Исполненные духовною мудростию люди рассуждают о духе какого-либо человека по Священному Писанию, смотря — сообразны ли слова его с волею Божиею; и потому делают о нем заключение.

Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно; особенно когда в них не примечается и желания к слушанию.

Надобно в сем случае следовать учению святого Дионисия Ареопагита (в книге о Небесной Иерархии, гл. 2): соделавшися сам божествен Божественных вещей познанием и в тайне ума Святая сокрыв от неосвященного народа, яко единообразная, храни: не бо праведно есть, яко же Писание глаголет, повергнути в свиния умных маргаритов чистое, световидное и драгоценное благоукрашение. Надобно содержать в па-

мяти слово Господне: *ни пометайте бисер ваших пред свиниями, да не поперут их ногами своими и вращшеся расторгнут вы* (Мф. 7, 6).

А потому всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований.

В противном случае потеряешь, и не найдешь. Ибо, по опытному учению святого Исаака Сирина, лучше есть помощь, яже от охранения, паче помощи, яже от дел (Слово 89).

Когда же надобность потребует, или дело дойдет, то откровенно в славу Божию действовать должно по глаголу: *Аз прославляющия Мя прославлю* (1 Цар. 2, 30): потому что путь уже открылся.

22. О многословии

Одного многословия с теми, которые противных с нами нравов, довольно расстроить внутренность внимательного человека.

Но всего жалостнее то, что от сего может погаснуть тот огонь, который

Господь наш Иисус Христос пришел воврещи на землю сердец человеческих, ибо «ничтоже тако устужает огнь, от Святаго Духа вдыхаемый в сердце инока к освящению души, якоже сообращение и многословие и собеседование, кроме оного, еже со чады таин Божиих, еже к возвращению разума Его и приближению» (Преподобный Исаак Сирский. Слово 8).

Особенно же должно хранить себя от обращения с женским полом: ибо, как восковая свеча, хотя и незажженная, но поставленная между зажженными, растаевает, так и сердце инока от собеседования с женским полом неприметно расслабевает,— о чем и святой Исидор Пелусиот говорит так: «Аще (глаголющу Писанию) кия беседы злыя тлят обычаи благи: то беседа с женами, аще и добра будет, обаче сильна есть растлити внутреннего человека тайно помыслы скверными, и чисту сущу телу, пребудет душа осквернена: что бо твердее есть камене; что же воды мягчае; обаче всегдашнее

прилежание и естество побеждает: аще убо естество, едва подвижимое, подвизается, и от тоя вещи, юже имать ни во чтоже, страждет и умаляется; то како воля человеческая, яже есть удобь колеблема, от обыкновения долгого не будет побеждена и превращена»(Письмо 284; см. также: Четьи-Минеи, 4 февраля).

А потому для сохранения внутреннего человека надобно удерживать язык от многоглаголания: *муж бо мудр безмолвие водит* (Притч. 11,12); и *иже хранит свои уста, соблюдает свою душу* (Притч. 13, 3); и помнит слова Иова: *завет положих очима моима, да не помышлю на девицу* (Иов. 31, 1), и слова Господа Иисуса Христа: *всяк, иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердцы своем* (Мф. 5, 28).

Не выслушав прежде другого, отвечать не должно: *иже бо отвещает слово прежде слышания, безумие ему есть и поношение* (Притч. 18, 13).

23. О распознавании действий сердечных

Когда человек приимет что-либо Божественное, то радуется в сердце, а когда диавольское, то входит в смущение.

Сердце христианское, приняв что-либо Божественное, не требует стороннего убеждения в том, что сие от Господа, но самым тем действием убеждается, что восприятие его есть небесное, ибо ощущает в себе плоды духовные: *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22).

А диавол хотя бы преобразился *и в Аггела светла* (2 Кор. 11, 14) или представлял мысли самые благовидные, сердце все будет чувствовать какую-то неясность, волнение в мыслях и смятение чувств. Объясняя сие, святой Макарий Египетский говорит: «Хотя бы (сатана) и светлые видения представлял, благого обаче действия подати отнюдь не возможет: чрез что и известный знак его дел бывает» (Слово 4, гл. 13).

Итак, по разнообразным действиям сердечным человек может познать, что есть Божественное и что диавольское, как о сем пишет святой Григорий Синаит: «От действа убо возможешь познать воссиявый свет в душе твоей, Божий ли есть или сатанин» (О безмолвии и молитве).

24. О болезнях

Тело есть раб души, а душа — царица; а потому часто милосердием Божиим бывает и то, когда тело изнуряется болезнями: от сего ослабевают страсти, и человек приходит в себя; да и самая болезнь телесная рождается иногда от страстей.

Отними грех, и болезней не будет, ибо они бывают в нас от греха, как сие утверждает святой Василий Великий: «Откуду недуги? откуду повреждения телесные? Господь создал тело, а не недуг; душу, а не грех. Что же паче всего полезно и нужно? Соединение с Богом и общение с Ним посредством любви.

Теряя любовь сию, мы отпадаем от Него, а отпадая, подвергаемся различным и многообразным недугам» (О том, что Бог не есть причина зла).

Кто переносит болезнь с терпением и благодарением, тому вменяется она вместо подвига, или даже более.

Один старец, страдавший водяною болезнию, говорил братиям, которые приходили к нему с желанием лечить его: «Отцы, молитесь, чтобы не подвергся подобной болезни мой внутренний человек; а что касается до настоящей болезни, то я прошу Бога о том, чтобы Он не вдруг освободил меня от нее, ибо, поколику *внешний наш человек тлеет*, потолику *внутренний обновляется*» (см.: 2 Кор. 4, 16).

25. О милостыне

Должно быть милостиву к убогим и странным: о сем много пеклись великие светильники и Отцы Церкви.

В отношении к сей добродетели мы должны всеми мерами стараться испол-

нять следующую заповедь Божию: *будите... милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* (Лк. 6, 36), также: *милости хощу, а не жертвы* (Мф. 9, 13).

Сим спасительным словам мудрые внимают, а неразумные не внимают; оттого и награда будет не одинакова, как сказано: *сеющии скудостию, скудостию и пожнут; сеющии же о благословении, о благословении и пожнут* (см.: 2 Кор. 9, 6).

Пример Петра Хлебодара, который за кусок хлеба, поданный нищему, получил прощение во всех его грехах, как это было показано ему в видении, да подвигнет нас к тому, чтобы и мы были милостивы к ближним: ибо и малая милостыня много способствует к получению Царства Небесного (см.: Четьи-Минеи, 22 сентября).

Творить милостыню мы должны с душевным благорасположением, по учению святого Исаака Сирина: «Аще даси что требующему, да предварит даяние

твое веселие лица твоего, и словесы благими утешай скорбь его» (Слово 89).

26. О помыслах и плотских движениях

Мы должны стараться быть свободными от помыслов нечистых, особенно когда приносим молитву Богу. Ибо нет единения между смрадом и благовонием.

Для сего нужно отражать первое нападение греховных помыслов и движений и рассевать их от земли сердца нашего. Пока дети вавилонские, то есть движения и помыслы злые, еще младенцы, должно разбивать и сокрушать их о камень, который есть Христос; особенно же нужно сокрушать следующие три страсти: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие, которыми ухищрялся диавол искусить даже Самого Господа нашего Иисуса Христа в конце подвигов Его в пустыне.

Диавол, как лев, скрываясь в ограде своей (см.: Пс. 9, 30), тайно расставляет нам сети нечистых и нечестивых по-

мыслов. Итак, немедленно, как только увидим, надобно расторгать их посредством благочестивого размышления и молитвы.

Требуется подвиг и великая бдительность, чтобы во время псалмопения ум наш согласовался с сердцем и устами, дабы в молитве нашей к фимиаму не примешивалось зловоние. Ибо Господь гнушается сердцем с нечистыми помыслами. Закон говорит: *не ореши юнцем и ослятем* (Втор. 22, 10), то есть с помыслом чистым и нечистым не приноси молитвы*.

Будем подражать Давиду, который говорит: *воутрия избивах вся грешныя земли, еже потребити от града Господня вся делающыя беззаконие* (Пс. 100, 8). Законом запрещено было нечистому входить в дом Господа. Дом сей — мы, и Иерусалим — внутрь нас. Грешные земли́ суть кроющиеся в сердце нашем змиевидные помыслы. Будем и мы с ним взывать ко Господу: *устрой душу мою от*

---

* Когда помысл нечистый замутил чистоту.— *Ред.*

злодейства их (Пс. 34, 17); *расточи языки хотящыя бранем* (Пс. 67, 31), дабы и нам услышать: *в скорби призвал Мя еси, и избавих тя* (Пс. 80, 8).

Будем непрестанно, день и ночь, со слезами повергать себя пред лицем благости Божией, да очистит Он сердца наши от всякого злого помышления, чтобы мы достойно могли проходить путь звания нашего и чистыми руками приносить Ему дары служения нашего.

Ежели мы не согласны со влагаемыми от диавола злыми помышлениями, то мы добро творим.

Нечистый дух только на страстных имеет сильное влияние, а к очистившимся от страстей приражается лишь со стороны, или внешно.

Человеку в молодых летах не можно не возмущаться от плотских помыслов. Но должно молиться Господу Богу, да потухнет искра порочных страстей при самом начале. Тогда не усилится пламень.

27. О бодрствовании противу искушений

Надобно быть по приличию и потребности иногда младенцем, а иногда львом; особенно сим последним тогда, когда противу нас восстают страсти или лукавые духи, потому что *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Еф. 6, 12).

Мы всегда должны быть внимательны к нападениям диавола; ибо можем ли надеяться, чтоб он оставил нас без искушения, когда не оставил искушать и Самого Подвигоположника нашего и Начальника веры и Совершителя Господа Иисуса Христа? Сам Господь апостолу Петру сказал: *Симоне! Симоне! се, сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу* (Лк. 22, 31).

Итак, мы должны всегда во смирении призывать Господа и молить, да не попустит в нас быти искушению выше силы нашей, но да избавит нас от лукавого.

Ибо, когда Господь оставит человека самому себе, тогда диавол готов стереть его, яко мельничный жернов пшеничное зерно.

28. О терпении и смирении

Надобно всегда терпеть и всё, что бы ни случилось, Бога ради, с благодарностию.

Наша жизнь — одна минута в сравнении с вечностию; и потому *недостойны*, по Апостолу, *страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18).

В молчании переноси, когда оскорбляет тебя враг, и единому Господу открывай тогда свое сердце.

Кто уничижает или отнимает твою честь, всеми мерами старайся простить ему, по слову Евангелия: *от взимающаго твоя, не истязуй* (Лк. 6, 30).

Когда люди поносят нас, то мы должны считать себя недостойными похвалы, представляя, что ежели бы мы были достойны, то все кланялись бы нам.

Мы всегда и пред всеми должны уничижать себя, следуя учению святого Исаака Сирина: «Уничижи себе, и узриши славу Божию в себе» (Слово 57).

Итак, возлюбим смирение, узрим славу Божию: «И идеже бо истекает смирение, тамо слава Божия источается» (Там же).

Не сущу свету, вся мрачна: так и без смирения ничего нет в человеке, как только одна тьма.

Как воск, не разогретый и не размягченный, не может принять налагаемой на него печати, так и душа, не искушенная трудами и немощами, не может принять на себя печати добродетели Божией. Когда диавол оставил Господа, тогда приступили ангелы и служили Ему (Мф. 4, 11): так, если во время искушений несколько отходят от нас ангелы Божии, то не далеко, и скоро приступают и служат нам Божественными помышлениями, умилением, услаждением, терпением. Душа, потрудившись, стяжавает и прочие совершенства. Почему святой

преподобный Исаия говорит: *терпящии Господа изменят крепость, окрылатеют, аки орли, потекут — и не утрудятся, пойдут — и не взалчут* (см.: Ис. 40, 31).

Так терпел и кротчайший Давид: ибо, когда Семей поносил его и метал на него камни, говоря: *изыди, мужу... беззаконный*,— он не сердился; и когда Авесса, вознегодовав на сие, сказал ему: *почто проклинает пес умерший сей господина моего царя?* — он запретил ему, говоря: *оставите его, и тако да проклинает мя*, ибо Господь увидит и воздаст мне благое (см.: 2 Цар. 16, 7—12). Почему после и воспел: *терпя потерпех Господа, и вня ми и услыша молитву мою* (Пс. 39, 2).

Сосуды скудельничи искушает пещь, и искушение человеческо в помышлении его (Сир. 27, 5). Но *горе вам погубльшим терпение: и что сотворите, егда посетит Господь* (Сир. 2, 14)?

Как чадолюбивый отец, когда видит, что сын его живет беспорядочно, нака-

зывает его, а когда увидит, что он малодушен и наказание сносит с трудом, тогда утешает: так поступает с нами и благий Господь и Отец наш, употребляя все для нашей пользы, как утешения, так и наказания, по Своему человеколюбию. И потому мы, находясь в скорбях, как дети благопокорливые, должны благодарить Бога. Ибо если станем благодарить Его только в благополучии, то подобны будем неблагодарным иудеям, которые, насытившись чудной трапезы в пустыне, говорили, что Христос воистину есть Пророк, хотели взять Его и сделать царем; а когда Он сказал им: *делайте не брашно гиблющее, но брашно пребывающее в живот вечный* (Ин. 6, 27), тогда говорили Ему: *кое убо Ты твориши знамение?.. Отцы наши ядоша манну в пустыни* (Ин. 6, 30, 31). Прямо на таких падает слово: *исповестся Тебе, егда благосотвориши ему*,— и таковый *даже до века не узрит света* (Пс. 48, 19, 20).

Посему апостол Иаков учит нас: *всяку радость имейте, братие моя, егда во искушения впадаете различна, ведяще, яко искушение вашея веры соделовает терпение: терпение же дело совершенно да имать*, и прибавляет: *блажен муж, иже претерпит искушение: зане искусен быв приимет венец жизни* (Иак. 1, 2—4, 12).

29. О должностях и любви к ближним

С ближними надобно обходиться ласково, не делая даже и видом оскорбления.

Когда мы отвращаемся от человека или оскорбляем его, тогда на сердце нашем как бы камень ложится.

Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить словом любви.

Брату грешащу, покрой его, как советует святой Исаак Сирин: «Простри ризу твою над согрешающим и покрой его» (Слово 89).

Все мы требуем милости Божией, как Церковь поет: *аще не Господь бы был в нас, кто доволен цел сохранен быти от врага, купно и человекоубийцы?*

Мы, в отношении к ближним, должны быть, как словом, так и мыслию, чисты и ко всем равны; иначе жизнь нашу сделаем бесполезною.

Мы должны любить ближнего не менее, как самих себя, по заповеди Господней: *возлюбиши ближняго твоего, яко сам себе* (см.: Лк. 10, 27). Но не так, чтоб любовь к ближним, выходя из границ умеренности, отвлекала нас от исполнения первой и главной заповеди, то есть любви Божией, как о сем поучает Господь наш Иисус Христос: *иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин: и иже любит сына или дщерь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37). О сем предмете весьма хорошо рассуждает святитель Димитрий Ростовский: «там видна неправдивая к Богу в христианском человеке любовь, где тварь с Творцом сравнивается: а там

видна правдивая любовь, где один Создатель паче всего создания любится и предпочитается».

30. О неосуждении ближнего и о прощении обид

Не должно судить никого, хотя бы собственными очами видел кого согрешающим или коснеющим в преступлении заповедей Божиих, по слову Божию: *не судите, да не судими будете* (Мф. 7, 1); *ты кто еси судяй чуждему рабу? Своему Господеви стоит или падает. Станет же, силен бо есть Бог поставити его* (Рим. 14, 4).

Гораздо лучше всегда приводить себе на память сии апостольские слова: *мняйся стояти да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12). Ибо не известно, сколько времени мы можем пребывать в добродетели, как говорит Пророк, опытом сие дознавший: *рех во обилии моем: не подвижуся во век... Отвратил же еси лице Твое, и бых смущен* (Пс. 29, 7, 8).

За обиду, какова бы она ни была, не должно отмщать, но, напротив, прощать обидчика от сердца, хотя бы оно и противилось сему, и склонять его убеждением слова Божия: *аще ли не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш Небесный отпустит вам согрешений ваших* (см.: Мф. 6, 15); *молитеся за творящих вам напасть* (Мф. 5, 44).

Не должно питать в сердце злобы или ненависти к ближнему — враждующему, но должно любить его и, сколько можно, творить ему добро, следуя учению Господа нашего Иисуса Христа: *любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас* (Мф. 5, 44).

Итак, если мы будем, сколько есть сил, стараться все сие исполнять, то можем надеяться, что в сердцах наших воссияет свет Божественный, озаряющий нам путь к горнему Иерусалиму.

Поревнуем возлюбленным Божиим: поревнуем кротости Давида, о котором преблагий и любоблагий Господь сказал: *нашел Я мужа по сердцу Моему... кото-*

рый исполнит все хотения Мои (Деян. 13, 22). Так Он говорит о Давиде незлопамятном и добром ко врагам своим. И мы не будем делать ничего в отмщение брату нашему, дабы, как говорит преподобный Антиох, не было остановки во время молитвы. Закон велит заботиться об осле врага (см.: Исх. 23, 5). Об Иове свидетельствовал Бог как о человеке незлобивом (Иов. 2, 3); Иосиф не мстил братиям, которые умыслили на него зло; Авель в простоте и без подозрения пошел с братом своим Каином. По свидетельству слова Божия, святые все жили в незлобии. Иеремия, беседуя с Богом (Иер. 18, 20), говорит о гнавшем его Израиле: *еда воздаются злая за благая? Помяни стоящаго мя пред Тобою, еже глаголати за них благая* (Преподобный Антиох. Слово 52).

Бог заповедал нам вражду только против змия, то есть против того, кто изначала обольстил человека и изгнал из рая,— против человекоубийцы диавола. Повелено нам враждовать и против

мадианитян, то есть против нечистых духов блуда и студодеяния*, которые сеют в сердце нечистые и скверные помыслы.

Предел добродетели и мудрости есть бесхитростное действование с разумом.

Отчего мы осуждаем братий своих? Оттого, что не стараемся познать самих себя. Кто занят познанием самого себя, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя, и перестанешь осуждать других.

Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай.

Самих себя должно нам считать грешнейшими всех и всякое дурное дело прощать ближнему, а ненавидеть только диавола, который прельстил его. Случается же, что нам кажется, другой делает худо, а в самом деле, по благому намерению делающего, это хорошо. Притом дверь покаяния всем отверста, и неизвестно, кто прежде войдет в нее — ты ли, осуждающий, или осуждаемый тобою.

---

* Постыдное, срамное дело.— *Ред.*

Если осуждаешь ближнего, учит преподобный Антиох, то вместе с ним и ты осуждаешься в том же, в чем его осуждаешь. Судить или осуждать не нам надлежит, но единому Богу и Великому Судии, ве́дущему сердца наши и сокровенные страсти естества (Слово 49).

Итак, возлюбленные, не будем наблюдать за чужими грехами и осуждать других, чтобы не услышать: *сынове человечестии, зубы их оружия и стрелы, и язык их мечь остр* (Пс. 56, 5). Ибо, когда Господь оставит человека самому себе, тогда диавол готов стереть его, яко мельничный жернов зерно пшенично.

* * *

Многие, приходя к отцу Серафиму, жаловались, что они мало молятся Богу, даже оставляют необходимые дневные молитвы. Иные говорили, что делают это по безграмотству, другие — по недосугу. Отец Серафим завещевал таким людям следующее молитвенное правило.

«Вставши от сна, всякий христианин, став пред святыми иконами, пусть про-

читает молитву Господню: *Отче наш* — трижды, в честь Пресвятой Троицы, потом песнь Богородице: *Богородице Дево, радуйся* — также трижды, и наконец Символ веры: *Верую во Единаго Бога* — единожды.

Совершив это правило, всякий христианин пусть занимается своим делом, на которое поставлен или призван. Во время же работы дома или на пути куда-нибудь пусть читает тихо: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго* или *грешную*; а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только это: *Господи, помилуй* и продолжает до обеда.

Пред самым же обедом пусть совершает вышепоказанное утреннее правило.

После обеда, исполняя свое дело, всякий христианин пусть читает также тихо: *Пресвятая Богородице, спаси мя грешнаго*, и это пусть продолжает до самого сна.

Когда случится ему проводить время в уединении, то пусть читает он: *Господи*

Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешнаго или *грешную*.

Отходя же ко сну, всякий христианин пусть опять прочитывает вышесказанное утреннее правило, то есть трижды *Отче наш*, трижды *Богородице* и однажды Символ веры. После того пусть засыпает, оградив себя крестным знамением».

31. Против излишней попечительности

Излишнее попечение о вещах житейских свойственно человеку неверующему и малодушному. И горе нам, если мы, заботясь сами о себе, не утверждаемся надеждою нашею в Боге, пекущемся о нас! Если видимых благ, которыми в настоящем веке пользуемся, не относим к Нему, то как можем ожидать от Него тех благ, которые обещаны в будущем? Не будем такими маловерными, а лучше будем *искать прежде Царствия Божия, и сия вся приложатся нам*, по слову Спасителя (см.: Мф. 6, 33).

Лучше для нас презирать то, что не наше, то есть временное и преходящее, и

желать нашего, то есть нетления и бессмертия. Ибо, когда будем нетленны и бессмертны, тогда удостоимся видимого богосозерцания, подобно Апостолам при Божественнейшем преображении, и приобщимся превыше умного единения с Богом, подобно небесным умам. *Ибо будем подобны Ангелам, и сынами Божиими, воскресения сынове суще* (см.: Лк. 20, 36).

Есть недуг, говорит Екклезиаст, *егоже видех под солнцем, богатство хранимо от стяжателя в зло ему: и погибнет богатство оно в попечении лукавне: вси дние его во тме, и плачи, и в ярости мнозе, и в недузе, и в гневе* (Еккл. 5, 12, 16).

32. О печали

Когда злой дух печали овладеет душою, тогда, наполнив ее горестию и неприятностию, не дает ей совершать молитву с должным усердием, мешает заниматься чтением Писаний с надлежащим вниманием, лишает ее кротости и благодушия в обращении с братиями

и рождает отвращение от всякого собеседования. Ибо душа, исполненная печали, делаясь как бы безумною и исступленною, не может спокойно ни принимать благого совета, ни кротко отвечать на предлагаемые вопросы. Она убегает людей, как бы виновников ее смущения, не понимая, что причина болезни внутри ее. Печаль есть червь сердца, грызущий рождающую его мать.

Печальный монах не движет ума к созерцанию и никогда не может совершать чистой молитвы.

Кто победил страсти, тот победил и печаль. А побежденный страстями не избежит оков печали. Как больной виден по цвету лица, так обладаемый страстию обличается от печали.

Кто любит мир, тому невозможно не печалиться, а презревший мир всегда весел.

Как огонь очищает золото, так печаль по Бозе очищает греховное сердце (Преподобный Антиох. Слово 25).

33. Об отчаянии

Отчаяние, по учению святого Иоанна Лествичника, рождается или от сознания множества грехов, отягчения совести и несносной печали, когда душа, множеством язв покрытая, от невыносимой их боли погружается во глубину отчаяния, или от гордости и надмения, когда кто почитает себя не заслуживающим того греха, в который впал. Первого рода отчаяние влечет человека во все пороки без разбора, а при отчаянии второго рода человек держится еще своего подвига, что, по словам Иоанна Лествичника, и несовместно (непонятно) разуму. Первое врачуется воздержанием и благою надеждою, а второе — смирением и неосуждением ближнего (Лествица. Степень 26).

Господь печется о нашем спасении. Но человекоубийца диавол старается привести человека в отчаяние.

Душа высокая и твердая не отчаивается при несчастиях, каковы бы они ни были. Иуда предатель был малодушен

и не искусен в брани, и потому враг, видя его отчаяние, напал на него и обольстил его удавиться; но Петр — твердый камень, когда впал в грех, как искусный в брани, не отчаялся и не потерял духа, но пролил горькие слезы от горячего сердца, и враг, увидя их, как огнем палимый в глаза, далеко убежал от него с болезненным воплем.

Итак, братия, учит преподобный Антиох, когда отчаяние будет нападать на нас, не покоримся ему, но, укрепляясь и ограждаясь светом веры, с великим мужеством скажем лукавому духу: «Что нам и тебе, отчужденный от Бога, беглец с небес и раб лукавый? Ты не смеешь сделать нам ничего. Христос, Сын Божий, власть имеет и над нами, и над всем. Ему согрешили мы, Ему и оправдаемся. А ты, пагубный, удались от нас. Укрепляемые честным Его крестом, мы попираем твою змиину главу» (Слово 27). И с умилением будем молиться ко Господу:

Владыко Господи небесе и земли, Царю веков! благоволи отверсти мне дверь покаяния, ибо я в болезни сердца молю Тебя истиннаго Бога, Отца Господа нашего Иисуса Христа, Света миру, призри многим Твоим благоутробием и приими моление мое; не отврати его, но прости мне, впадшему во многия прегрешения. Приклони ухо Твое к молению моему, и прости мне все злое, которое соделал я, побежденный моим произволением. Ибо ищу покоя, и не обретаю, потому что совесть моя не прощает меня. Жду мира, и нет во мне мира, по причине глубокаго множества беззаконий моих. Услыши, Господи, сердце, вопиющее к Тебе, не посмотри на мои злыя дела, но призри на болезнь души моей и поспеши уврачевать меня, жестоко уязвленнаго. Дай мне время покаяния ради благодати человеколюбия Твоего и избавь меня от безчестных дел, и не возмерь мне по правде Твоей и не воздай мне достойное по делам моим, чтобы мне не погибнуть совершенно. Услыши,

Господи, меня, в отчаянии находящагося. Ибо я, лишенный всякой готовности и всякой мысли ко исправлению себя, припадаю к щедротам Твоим: помилуй меня, поверженнаго на землю и осужденнаго за грехи мои. Воззови меня, Владыко, плененнаго и содержимаго моими злыми деяниями и как бы цепями связаннаго. Ибо Ты Един ведаешь разрешать узников, врачевать раны, никому не известныя, которыя знаешь только Ты, ведущий сокровенное. И потому во всех моих злых болезнях призываю только Тебя — Врача всех страждущих, Дверь рыдающих вне, Путь заблудившихся, свет омраченных, Искупителя заключенных, всегда сокращающаго десницу Свою и удерживающаго гнев Свой, уготованный на грешников, но ради великаго человеколюбия, дающаго время покаянию. Возсияй мне свет лица Твоего, Владыко, тяжко падшему, скорый в милости и медленный в наказании. И Твоим благоутробием простри мне руку и возставь меня из рова беззаконий моих. Ибо Ты

Един Бог наш, не веселящийся о погибели грешников и не отвращающий лица Своего от молящагося к Тебе со слезами. Услыши, Господи, глас раба Твоего, вопиющаго к Тебе, и яви свет Твой на мне, лишенном света, и даруй мне благодать, чтобы я, не имеющий никакой надежды, всегда надеялся на помощь и силу Твою. Обрати, Господи, плач мой в радость мне, расторгни вретище и препояшь меня веселием. И благоволи, да успокоюсь от вечерних дел моих, и да получу успокоение утреннее, как избранные Твои, Господи, от которых отбежала болезнь, печаль и воздыхание, и да отверзется мне дверь Царствия Твоего, дабы, вошедши с наслаждающимися светом лица Твоего, Господи, получить мне жизнь вечную во Христе Иисусе Господе нашем. Аминь.

34. О причинах пришествия в мир Иисуса Христа

Причины пришествия в мир Иисуса Христа, Сына Божия суть:

1. Любовь Божия к роду человеческому: *тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть* (Ин. 3, 16).

2. Восстановление в падшем человеке образа и подобия Божия, как о сем воспевает Святая Церковь (1-й канон на Рождество Господне, песнь 1-я): *истлевша преступлением, по образу Божию бывшаго, всего тления суща, лучшия отпадша Божественныя жизни, паки обновляет мудрый Содетель.*

3. Спасение душ человеческих: *не посла бо Бог Сына Своего в мир, да судит мирови, но да спасется Им мир* (Ин. 3, 17).

Итак, мы, следуя цели Искупителя нашего Господа Иисуса Христа, должны жизнь свою препровождать согласно Его Божественному учению, дабы чрез сие получить спасение душам нашим.

35. О таинстве Святой Троицы

Чтоб воззреть к Святейшей Троице, надобно просить о сем учивших о Троице — Василия Великого, Григория Бого-

слова и Иоанна Златоустого, которых ходатайство может привлечь на человека благословение Святейшей Троицы; а самому прямо взирать надобно остерегаться.

36. О жизни деятельной и умосозерцательной

Человек состоит из души и тела, а потому и путь жизни его должен состоять из действий телесных и душевных — из деяния и умосозерцания.

Путь деятельной жизни составляют: пост, воздержание, бдение, коленопреклонение, молитва и прочие телесные подвиги, составляющие тесный путь и прискорбный, который, по слову Божию, *вводит в живот вечный* (см.: Мф. 7, 14).

Путь умосозерцательной жизни состоит в возвышении ума ко Господу Богу, в сердечном внимании, умной молитве и созерцании чрез таковые упражнения вещей духовных.

Всякому, желающему проходить жизнь духовную, должно начинать от деятельной жизни, а потом уже приходить и в умосозерцательную: ибо без деятельной

жизни в умосозерцательную прийти невозможно.

Деятельная жизнь служит ко очищению нас от греховных страстей и возводит нас на степень деятельного совершенства, а тем самым пролагает нам путь к умосозерцательной жизни. Ибо одни токмо очистившиеся от страстей и совершенные к оной жизни приступать могут, как сие видеть можно из слов Священного Писания: *блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8), и из слов святого Григория Богослова: к созерцанию могут безопасно приступать только совершеннейшие по своей опытности (Слово на Святую Пасху).

Так и Церковь, ублажая святителя Николая, воспевает: *молчаньми прежде и бореньми с помыслы, деянию богомыслие приложил еси, богомыслием же разум совершен стяжал еси, имже дерзновенно с Богом и Ангелы беседовал еси* (акафист святителю Николаю, кондак 10).

К умосозерцательной жизни приступать должно со страхом и трепетом, с

сокрушением сердца и смирением, со многим испытанием Святых Писаний и, если можно найти, под руководством какого-либо искусного старца, а не с дерзостию и самочинием. «Дерзый бо и презорливый,— по словам Григория Синаита,— паче достоинства своего взыскав, с кичением понуждается до того прежде времени доспети. И паки: аще мечтает кто мнением высокая достигнути, желание сатанино, а не истину стяжав,— сего диавол своими мрежами удобь уловляет, яко своего слугу» (О прелести и о иных многих предлогах).

Если же можно найти наставника, могущего руководствовать к умосозерцательной жизни, то в таком случае должно руководствоваться Священным Писанием, ибо Сам Господь повелевает нам учиться от Священного Писания, глаголя: *испытайте Писаний, яко вы мните в них имети живот вечный* (Ин. 5, 39).

Также должно тщательно прочитывать отеческие писания, и стараться, сколько можно, по сим исполнять то,

чему научают оные, и таким образом, мало-помалу, от деятельной жизни восходить к совершенству умосозерцательной.

Ибо, по словам святого Григория Богослова, самое лучшее дело, когда мы каждый сам собою достигаем совершенства и приносим призывающему нас Богу жертву живую, святую и всегда и во всем освящаемую (Слово на Святую Пасху).

Не должно оставлять деятельную жизнь и тогда, когда бы в ней человек имел преспеяние и пришел бы уже в умосозерцательную, ибо она содействует умосозерцательной жизни и ее возвышает.

Проходя путь внутренней и умосозерцательной жизни, не должно ослабевать и оставлять оного потому, что люди, прилепившиеся ко внешности и чувственности, поражают нас противностию своих мнений в самое чувство сердечное и всячески стараются отвлечь нас от прохождения внутреннего пути, поставляя нам на оном различные препятствия:

ибо, по мнению учителей Церковных, умосозерцание вещей духовных предпочитается познанию вещей чувственных (Блаженный Феодорит. Толкование на Песнь песней).

А потому никакими противностями в прохождении сего пути колебаться не должно, утверждаясь в сем случае на слове Божием: *страха же их не убоимся, ниже смутимся, яко с нами Бог. Господа Бога нашего освятим* в сердечной памяти Его Божественного имени, *и Той будет нам в страх* (Ис. 8, 12, 13).

37. О должности подчиненных к начальникам

Не должно входить в дела начальнические и судить оные; сим оскорбляется величество Божие, от Коего власти поставляются; ибо *несть власть аще не от Бога, сущия же власти от Бога учинены суть* (Рим. 13, 1).

Не должно противиться власти во благое, чтоб не согрешить пред Богом и не подвергнуться Его праведному нака-

занию: *противляйся власти Божию повелению противляется; противляющиися же себе грех приемлют* (Рим. 13, 2).

Должно быть у начальника в повиновении: ибо послушливый чрез сие много к созиданию души преуспевает, кроме того что он приобретает чрез сие понятие в вещах, и приходит в умиление.

38. Каков должен быть настоятель

Настоятель должен быть совершен во всякой добродетели и душевные свои чувства иметь обучена долгим учением в рассуждении добра и зла (см.: Евр. 5, 14).

Настоятель должен быть искусен в Священном Писании: он день и нощь должен поучаться в законе Господнем; чрез таковые упражнения может он снискать себе дар рассуждения добра и зла.

Истинное познание добра и зла только можно иметь тогда, когда подвижник благочестия придет в сочувствие будущего осуждения и предвкушение вечно-

го блаженства, что совершается в душе благочестивой еще в здешней земной жизни, таинственным и духовным образом.

Прежде рассуждения добра и зла человек не способен пасти словесных овец, но разве бессловесных, потому что без познания добра и зла мы действий лукавого постигать не можем.

А потому настоятель, яко пастырь словесных овец, и должен иметь дар рассуждения, дабы во всяком случае мог давать полезные советы каждому требующему его наставления: ибо, как говорит Петр Дамаскин, несть всякий человек верен дати совет ищущим; но кто от Бога прием дар рассуждения и от многого пребывания в подвижничестве стяжа ум прозрителен (Добротолюбие, ч. 3. Петра Дамаскина книга 1-я. О назидании души добродетельми).

Настоятелю должно также иметь дар проницательности, дабы из соображения вещей настоящих и прошедших мог он

предусматривать и будущие, и проразумевать козни вражие.

Отличительным характером настоятеля должна быть любовь его к своим подчиненным: истинного бо пастыря, по словам Иоанна Лествичника, показует любовь его к своему стаду. Ибо любовь принудила распяться на кресте Верховного Пастыря (В книге к Пастырю, гл. 5).

39. Наставление настоятелю как управлять братиею

Некоторый настоятель, быв по случаю в Саровской пустыни, при встрече с отцом Серафимом просил у него совета, как управлять братиею. Отец Серафим дал ему следующее наставление: всякий настоятель да сделается и пребудет всегда в отношении к подчиненным благоразумною матерью.

Чадолюбивая матерь не в свое угождение живет, но в угождение детей. Немощи немощных чад сносит с любовию, в нечистоту впадших очищает, омывает тихо-мирно, облачает в ризы белые

и новые, обувает, согревает, питает, промышляет, утешает и со всех сторон старается дух их покоить так, чтоб никогда не слышать ей малейшего их вопля, и таковые чада бывают благорасположены к матери своей. Так всякий настоятель должен жить не в свое угождение, но в угождение подчиненных,— должен к слабостям их быть снисходителен, немощи немощных несть с любовию, болезни греховные врачевать пластырем милосердия, падших преступлениями подымать с кротостию, замаравшихся скверною какого-либо порока очищать тихо и омывать их возложением на них поста и молитв сверх определенных обще для всех, одевать учением и примерною жизнию своею в одежды добродетелей, непрестанно бдеть о них, всеми способами утешать их и со всех сторон ограждать мир их и покой так, чтобы никогда не было слышано ни малейшего их вопля, ниже ропота; и тогда они с ревностию будут стремиться, чтобы доставить мир и покой настоятелю.

40. Наставление новоначальному иноку

По совету ли, или по власти других, или каким бы то ни было образом пришел ты в сию обитель, не унывай: посещение Божие есть. Аще соблюдеши, яже тебе сказую, спасешися сам и присные твои, о которых заботишься: *не видех*, глаголет Пророк, *праведника оставлена, ниже семене его* (Пс. 36, 25). Живя же в сей обители сие соблюдай: стоя в церкви, внимай всему без упущения, узнай весь церковный порядок, то есть вечерню, повечерие, полунощницу, утреню, часы, выучись содержать в разуме.

Если находишься в келлии, не имея рукоделия, всячески прилежи чтению, а наипаче Псалтири; старайся каждую статью прочитывать многократно, дабы содержать все в разуме. Если есть рукоделие, занимайся оным; если зовут на послушание, иди на оное. За рукоделием, или будучи где-либо на послушании, твори беспрестанно молитву: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй*

мя грешнаго. В молитве внемли себе, то есть ум собери и соединяй с душою. Сначала день, два и множае твори молитву сию одним умом, раздельно, внимая каждому особо слову. Потом, когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати Своей и соединит в тебе оную в един дух: тогда да потечет в тебе молитва оная беспрестанно, и всегда будет с тобою, наслаждая и питая тебя. Сие-то самое есть реченное пророком Исаиею: *роса бо, яже от Тебе, изцеление им есть* (Ис. 26, 19). Когда же будешь содержать в себе сию пищу душевную, то есть беседу с Самим Господом, то зачем ходить по келлиям братий, хотя кем и будешь призываем? Истинно сказую тебе, что празднословие сие есть и празднолюбие. Аще себя не понимаешь, то можешь ли рассуждать о чем и других учить? Молчи, беспрестанно молчи, помни всегда присутствие Божие и имя Его. Ни с кем не вступай в разговор, но всячески блюдись осуждать много разговаривающих или смеющихся. Будь в

сем случае глух и нем; что бы о тебе ни говорили, пропускай все мимо ушей. В пример себе взять можешь Стефана Нового, которого молитва была непрестанна, нрав кроток, уста молчаливы, сердце смиренно, дух умилен, тело с душою чисто, девство непорочно, нищета истинная и нестяжание пустынническое; послушание его было безропотно, повиновение тщательное, делание терпеливо и труд усерден (см.: Четьи-Минеи, 28 ноября).

Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, кто сколько ест, но внимай себе, питая душу молитвою. За обедом ешь довольно, за ужином повоздержись. В среду и пяток, аще можешь, вкушай пооднажды. Каждый день непременно в нощи спи четыре часа: 10-й, 11-й и 12-й и час за полунощь; аще изнеможешь, можно вдобавок днем спать. Сие держи несумненно до кончины жизни: ибо оно нужно для успокоения головы твоей. И я с молодых лет держал таковой путь. Мы и Господа Бога всегда просим о

упокоении себя в нощное время. Аще тако будешь хранить себя, то не будешь уныл, но здрав и весел.

Сказую тебе истинно, аще тако будешь вести себя, то неисходно пребудешь в обители до скончания твоего. Смиряйся, и Господь поможет тебе, и *изведет яко свет правду твою и судьбу твою яко полудне* (Пс. 36, 6), и просветится свет твой пред человеки (см.: Мф. 5, 16).

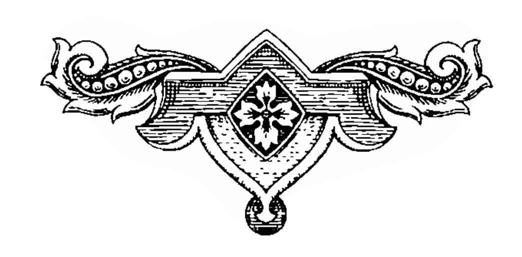
41. Ответ одному брату, требовавшему наставления к прохождению пустынной жизни

Один инок, когда намерен был удалиться в пустыню, пришед к отцу Серафиму, в пустыне живущему, вопросил его: как, Отче, другие говорят, что удаление из общежительства в пустыню есть фарисейство и что таковым применением делается пренебрежение братии или еще осуждение оной? Отец Серафим на сие отвечал: не наше дело судить

других, и удаляемся мы из числа братства не из ненависти к ним, а для того более, что мы приняли и носим на себе чин ангельский, которому не вместительно быть там, где словом и делом прогневляется Господь Бог. И потому мы, отлучаяся от братства, удаляемся только от слышания и видения того, что противно заповедям Божиим, что во множестве братии случается. Мы бегаем не людей, которые с нами одного естества и носят одно и то же имя Христово; но пороков, ими творимых, как и Великому Арсению сказано было: бегай людей, и спасешися (см.: Четьи-Минеи, 8 мая).

Одному иноку благословлено было от настоятеля начать пустынническую жизнь, и настоятель сам писал к отцу Серафиму, чтоб принял того инока и наказал бы его в духовной жизни так, как сам себя. С каковым писанием инок оный когда пришел к отцу Серафиму, то он принял его весьма ласково и не так далеко от своей келлии благословил построить ему другую. Когда же инок оный начал

требовать у него наставления, то он ему от глубочайшего смирения сказал, что я-де и сам ничего не знаю, и напомянул ему слова Спасителя: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашым* (Мф. 11, 29); потом присовокупил: по разуму святого Иоанна Лествичника не от ангела или человека, но от Самого Господа мы должны научаться.

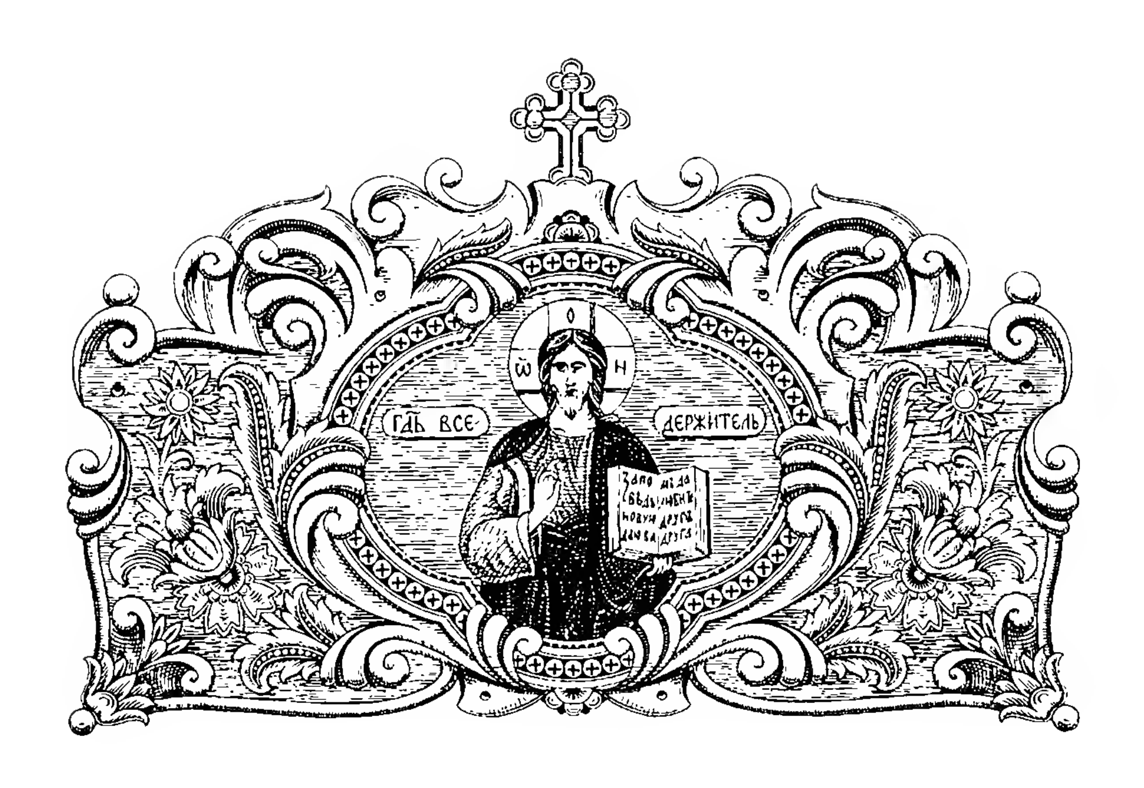

ПОУЧЕНИЕ О МОЛИТВЕ ИИСУСОВОЙ

Архангел Салафиил,
приносящий молитвы людей к Богу

Вы, которые желаете узреть велелепное явление Божественного света Спасителя *нашего Иисуса Христа*, которые пренебесный огнь сердечно ощутить хощете; которые тщитесь опытом и чувством удостовериться в примирении с Богом; которые, чтобы найти и приобресть сокровище на поле сердец ваших сокровенное, оставили все мирское; которые вознамерились отныне светло воз-

---

Поучение преподобного Серафима Саровского о молитве Иисусовой. Извлечено из жития сего Святого Отца. Изд. 3-е. М., 1851.

жечь светильники душевные и все настоящее отринули; которые разумением и опытом Царствие Небесное, внутри вас находящееся, познать и получить ищете! Приидите, преподам вам науку вечной, небесной жизни или, лучше, способ, по которому действующий без труда и утомления вводится в пристанище бесстрастия и который не подвержен никакому обману или возмущению от бесов, кроме того случая, когда мы далеко вне жизни, в которую вас ввожу, по непослушанию заблуждаем, подобно как и Адам некогда, презрев заповедь Божию, подружась со змием и возмнив, что он верен, до пресыщения напитан от него плодом прельщения, и таким образом во глубину смерти, мрака и тления бедственно себя и всех потомков своих низринул. Итак, допустите возводить себя, или, истиннее сказать, возвратимся, братия, к себе самим, отвращаясь совета змеиного и кружения в вещах, влекомых к земле. Ибо примирения и союза с Богом не иначе мы можем дос-

тигнуть, разве когда прежде, употребляя все усилия, возвратимся к себе или, лучше, войдем в себя, устраняясь от коловращения мира и суетного попечения, а держась неослабно царствия, внутри нас сущего. Дело необычайное! Потому жизнь монашеская и называется искусством искусств и наукою наук*. Ибо сие

---

*В деле художественного упражнения в молитве Иисусовой некоторые не успевали и тем подвергали нареканию и самое учение о нем. Главное претекновение в подвиге сего умного делания бывает от того, что иные, или не имея опытного наставника, или по самочинию, вступают на него не по разуму блаженных учителей, преподавших правила сего умного художества. В общежитии нельзя иметь одно правило с живущими в отшельничестве или уединении: и начинающие подвиг не могут совершать течение наравне с теми, которые довольно преуспели в нем. Правила молитвы Иисусовой определяются и местом жительства, и свойством и состоянием упражняющегося, и даже временем. Общее в них только то, что всякий везде и во всякое время необходимо должен заниматься сим делом. Ибо Иисус Христос есть *путь и истина и живот* (Ин. 14, 6). Некоторые из предлагаемых здесь наставлений о умной молитве Иисусовой писаны Отцами не для всех вообще, но для разных обителей и частных лиц, особенно те, которые касаются внешнего делания. То есть молитва: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя* — есть необходимое условие вечного живота и блаженства; но как соделать, чтобы эта молитва была непрестанным и досмертным дыханием нашим,—

преподобие не сии тленные вещи приносит нам, чтобы мы ум наш, низводя от лучших, в них погребали, но обещает нам дивные некие и неизреченные блага, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). Также и *брань наша несть в крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего* (см.: Еф. 6, 12). Если же настоящий век есть тьма, то да бежим от него; а бежать должно мыслию. Ничего да не будет у нас общего с врагом Божиим: *иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает* (Иак. 4, 4); а сделавшемуся врагом Божиим кто поможет? Для того станем подражать Отцам нашим; и поищем, как они, сокровище внутри сердец наших, и, обретши оное, да держим крепко, *делая* вместе *и храня* (см.: Быт.

этому и Священное Писание и Отцы научают нас различным образом. Предлагаемые здесь наставления Отцов не должно принимать за правила непреложные. Это — совет Отеческий, как легче преуспеть в деле. Пользоваться ими должно с рассуждением. В чем да поможет и нам Господь наш Иисус Христос!

2, 15), ибо к сему мы определены в начале. Если же явится другой Никодим, и станет спорить о сем, и скажет: как может кто войти в сердце и там делать или жить? Подобно как и тот возразил Спасителю: *како может человек родитися стар сый; еда может второе внити во утробу матере своея и родитися* (Ин. 3, 4)? Таковый да слышит и ныне, что *дух дышет, идеже хощет*. И если мы с таким неверием сомневаемся о предметах деятельности, как достигнем области созерцания? Ибо лествица к созерцанию есть деятельность.

Один брат спросил авву Агафона, говоря: скажи мне, авва, что больше — телесный труд или хранение внутренности? Авва ответствовал: человек подобен древу: телесный труд есть листья, а хранение внутренности есть плод. Как, по словам Писания, *всяко древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает и во огнь вметаемо* (Мф. 3, 10), то очевидно, что все наше старание должно быть о плодах, то есть о хранении ума.

Однако для покрова и украшения надобны и листья, которые суть телесный труд.

Чу́дно, какой приговор произнес Святой сей на всех, не имеющих хранения ума, а хвалящихся одною деятельностию, сказав, что *всяко древо, еже не творит плода*, то есть хранения ума, а имеющее одни листья, то есть деятельность, *посекаемо бывает и во огнь вметаемо*. Страшно решение твое, Отче!

Итак, если хочешь иметь внутри собственный светильник умного света духовного познания, чтобы ты мог не преткновенно ходить в глубочайшей ночи сего мира и чтобы, по пророческому изречению, от Господа управляемы были стопы твои (см.: Пс. 36, 23), да крепко возжелаешь пути евангельского, то есть да восхощешь с пламенною верою чрез желание и молитву сделаться причастником совершенных Евангельских заповедей Господних; то я показываю тебе удивительный способ и изобретение духовного искусства, требующее не телесного

труда или подвига, но духовного труда, ума и внимательной мысли, вспомоществуемой страхом и любовию к Богу. Сим искусством тебе будет удобно прогнать полчище врагов. Итак, если хочешь одержать победу над страстями, то молитвою и помощию Божиею войди в самого себя; проникни во глубину сердца; преследуй сих трех сильных исполинов: забвение, леность и неведение, которые составляют подкрепление мысленных иноплеменников, чрез которые прочие злые страсти входят, действуют, живут и усиливаются в душах любосластных. Чрез великую внимательность и напряжение ума, с вышнею помощию, найдя неведомое многим, ты возможешь таким образом, при великой тщательности и молитве, избавиться от злых исполинов. Ибо усердием к истинному познанию, к памятованию слова Божия и к доброму согласию, если таковое усердие действом благодати прилежно возбуждается и тщательно сохраняется в сердце, изглаждаются в нем следы забвения,

неведения и лености (Блаженный Никифор Монах. О трезвении и хранении сердца).

Некоторый брат, именем Иоанн, приступил к святому и великому отцу Филимону и, падши к ногам его, говорил: что мне делать, отче, чтобы спастись; вижу, что ум мой блуждает и парит там и здесь, где не должно. Преподобный Филимон, немного помолчав, сказал: сей недуг происходит от внешних вещей и остается в тебе потому, что ты еще не имеешь совершенной любви к Богу, ибо еще не получил теплоты любви и познания Его. Брат говорит: что же мне делать? Сказал (Филимон): иди и имей сокровенное в сердце твоем поучение, которое может ум твой очистить от сего. Брат, не уразумев сказанного — потому что был неопытен, сказал Старцу: отче, что значит сокровенное поучение? И сказал ему (Старец): иди, бодрствуй в сердце твоем и говори в мысли твоей трезвенно, со страхом и трепетом: *Господи Иисусе Христе, поми-*

луй мя. И блаженный Диадох так учил новоначальных. Брат, отшедши от него и, содействием Божиим и молитвами отца, пребывая в безмолвии, немного усладился в таковом занятии. Но скоро он ослабел и не мог трезвенно исполнять сего и молиться; опять пришел к Старцу и сказал ему о случившемся. Старец отвечал ему: вот ты уже узнал стезю безмолвия и делания и испытал сладость, от сего происходящую; содержи же постоянно в сердце твоем сие: ешь ли, пьешь ли, беседуешь ли с кем, находишься ли вне келлии или на пути, не оставляй трезвенною мыслию и умом непрельщенным молиться сею молитвою, и петь, и поучаться в молитвах и псалмах, так, чтобы и в самой крайней нужде твоей ум твой не был празден, но сокровенно поучался и молился. Ибо чрез сие ты возможешь уразуметь глубины Божественного Писания и сокровенную в нем силу и дать уму непрестанное делание, дабы исполнилось апостольское слово, говорящее: *непрестанно молите-*

ся (1 Сол. 5, 17). Итак, внимай прилежно и храни сердце твое, чтобы оно не принимало лукавых или каких-нибудь суетных и бесполезных помыслов. Но всегда, спишь ли, встаешь ли, ешь ли, пьешь ли, беседуешь ли, сердце твое сокровенно в мысли должно то поучаться в псалмах, то молиться так: *Господи Иисусе Христе, помилуй мя.* И еще, когда поешь языком, смотри, чтобы не говорить одного устами, а к другому уноситься мыслию (Добротолюбие, ч. 4).

Молю вас, братие, говорит Златоуст, правило молитвы никогда не забывайте и не оставляйте. Слышал я некогда Отцов, говоривших, каков тот инок, который забудет или оставит сие правило. Но ест ли он, пьет ли, сидит ли, служит ли, путешествует ли или что другое делает, должен непрестанно взывать: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя,*— дабы памятование о имени Господа нашего Иисуса Христа раздражало на брань врага. Ибо душа, нудящаяся памятию, может обрести все, как

злое, так и доброе, и может увидеть внутри сердца своего сперва злое, а потом и доброе. Ибо память сия может подвигнуть змия, и память сия может смирить его; память сия может обличить живущий в нас грех, и память сия может потребить его; память сия может подвигнуть в сердце всю силу вражию, и память сия может победить ее, так что имя Господа Иисуса, нисходя во глубину сердца, смиряет змия, владеющего пажитями, душу же спасает и оживотворяет. Итак, непрестанно содержи в памяти имя Господа Иисуса, так, чтобы сердце поглотило Господа и Господь сердце; и оба были воедино. Впрочем, дело сие совершается не в один день или в два, но в продолжение многих лет и многого времени, ибо требуется многого подвига и времени, чтобы изгнан был враг и вселился Христос. И еще: должно утверждать и устраивать ум, и всякий помысл и всякое лукавое действие низлагать призыванием Господа нашего Иисуса Христа: и где стоит тело, там должен

быть и ум, дабы посреди Бога и сердца не было ничего другого, как средостение или преграда, застеняющая сердце и отлучающая ум от Бога. Если же когда ум и восхитится, то не должно коснеть в помыслах, чтобы сосложение с помыслами не вменилось тебе в дело в день суда пред Господом, когда Бог будет судить тайная человеков. Итак, непрестанно трудитесь и пребывайте в Господе Боге вашем, дондеже* ущедрит вы. И ничего иного не ищите, кроме милости от Господа славы; а ища милости, ищите со смиренным и умиленным сердцем, и от утра до вечера, и если возможно, то и во всю ночь взывайте: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя.* И понуждайте ум ваш на это дело даже до смерти: ибо дело это требует многого подвига, потому что *узкая врата и тесный путь вводяй в живот, и нуждницы восхищают* его, ибо Царствие Небесное принадлежит нудящимся (см.: Мф. 7, 14; 11, 12). Итак, умоляю вас, не отлучайте

---

* Доколе, пока.— *Ред.*

сердец ваших от Бога, но прилежно храните их с непрестанною памятию Господа нашего Иисуса Христа, доколе не водрузится имя Господне внутрь сердца вашего, и ни о чем другом не помышляйте, кроме того, чтобы возвеличился в вас Христос (Преподобные Каллист и Игнатий Ксанфопулы. О безмолвии и молитве, гл. 49).

Ум наш, когда памятованием о Боге заградим ему все исходы, непременно требует от нас занятия, которое бы удовлетворяло его деятельности. Итак, надлежит давать ему только: *Господи Иисусе*, чтобы он это единственно имел в виду. Ибо сказано: *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). Но он должен смотреть на изречение сие в сокровенностях своих так неуклонно, чтобы не мог обратиться к каким-либо мечтаниям. Ибо те, которые непрестанно занимаются сим святым и славным именем во глубине сердца, могут иногда видеть и свет ума своего. Оно, когда мысль держит его неослаб-

ным памятованием, попаляет очень ощутительно скверну, входящую в душу. Ибо *Бог наш огнь поядаяй есть* (Евр. 12, 29). Посему Господь призывает душу к великому люблению славы Его. Ибо сие славное и многовожделенное имя, когда памятованием ума долго содержится в теплоте сердца, производит в нас навык любить благость Его без всякого уже препятствия. И сие-то есть тот бисер многоценный, который может стяжать всякий, продав все имение свое, и о приобретении которого может радоваться радостию неизреченною (Блаженный Диадох. Слова постнические, гл. 59).

Душа, по смерти возлетев на воздух во врата небесные и имея с собою — близ себя Иисуса, не усрамится врагов и там, но как теперь, так и тогда во вратах сих будет говорить со врагами дерзновенно. Только до исхода своего да не утомится взывать ко Господу Иисусу Христу, Сыну Божию день и ночь,— и Христос непременно отмстит за нее вскоре, по неложному и Божественному

обещанию Своему, которое дал Он касательно неправедного судии. Ей, говорю вам, отмстит за нее и в настоящей жизни, и по исходе ее из тела (Преподобный Исихий, гл. 149).

Память об Иисусе да соединится с дыханием твоим, и тогда познаешь пользу безмолвия (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Степень 27).

Таковые священные и боготворные сей молитвы слова таинственно преподаны не только богомудрыми Отцами, но и прежде них самыми первоверховными Апостолами — Петром, Павлом и Иоанном. Один говорит: *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3); другой: *благодать и истина Иисус Христом бысть* (Ин. 1, 17); также: *всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть* (1 Ин. 4, 2); избранный же ученик Христов на вопрос Спасителя и Учителя к самим Апостолам: *кого Мя глаголют человецы быти?* — представляя блаженнейшее исповедание, отвечал:

Ты еси Христос, Сын Бога Живаго (Мф. 16, 13, 16). Посему и после них бывшие, и наши славные наставники, особенно же провождавшие жизнь уединенную, пустынную и безмолвную, слова сии, в разных местах и почастно тремя оными столпами Святой Церкви возвещенные, как Божественные гласы, по откровению Духом Святым предузаконенные и тремя достоверными свидетелями свидетельствованные, по слову Писания: да *при двою или триех свидетелей станет всяк глагол* (Мф. 18, 16), сии небомудренные (Отцы), собрав воедино и содействием живущего в них Святаго Духа прекрасно приведши в един состав, назвали их столпом молитвы и предали ученикам своим для блюдения и хранения. Итак, смотри на порядок и преемственность предивную с высшею премудростию. Ибо один именует Господа Иисуса, другой Иисуса Христа, иной же Христа, Сына Божия, как бы последуя один за другим и идя близ друг друга согласием и союзом сих Богодейственн-

ных словес. Ибо можешь видеть, что каждое из сих выражений, находящееся на конце одного изречения, поставляется в начале другого, и таким образом доходит до трех. И сие предложили Отцы всем не сами собою, но будучи движимы дланию Пресвятаго Духа. И исповедание божественнейшего Петра, произнесенное по откровению, впущено ему было действием Святаго Духа. Вся бо, сказано, *действует един и тойжде Дух, разделяя властию коемуждо, якоже хощет* (1 Кор. 12, 11). И таким образом сия боготворная молитва, как треплетенная и нерасторжимая вервь, премудро и разумно истканная и сшитая и составленная, напоследок во всей целости дошла до нас. Впрочем, речение: *помилуй мя* к спасительным словам молитвы, то есть *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий*, присоединили и присовокупили Божественные Отцы последующих времен наипаче для младенственнейших по добродетели, то есть для новоначальных и несовершенных. Преуспевшие же и

совершенные о Христе довольствуются одним которым-либо из сих Божественных речений, то есть или *Господи Иисусе*, или *Иисусе Христе*, или *Христе, Сыне Божий*, и даже одним *Иисусе*, и, как всецелое делание молитвы, речение сие объемлют и лобызают, исполняясь от того неизреченною и всякий ум и всякое видение и слух превосходящею сладостию и радостию; и таким образом сии треблаженные, бывая вне плоти и мира и смеживая чувства по причине вселяющегося в них Божественного дара и благодати, исступительно и блаженно объятые любовию, очищаются, и просвещаются, и совершаются; ибо хотя не ясно, но, как в части залога, как в зерцале, отныне созерцают преестественную пресущественного Божества и безначальную и несозданную благодать и, довольствуясь одною памятию и поучением, как сказано, в одном котором-либо из упомянутых наименований Богочеловека Слова, от того возносятся в неизреченные восхищения и соединения

и откровения. Для полного извещения и яснейшего уверения в сем сладчайший и душелюбивый Господь наш Иисус Христос, Сын Божий, Коего слова суть дела, и глаголы, по Его изречению, дух суть и живот, весьма ясно изрек: *яко без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5); *И еже аще что просите от Отца во имя Мое, то сотворю*; и еще: *аще что просите во имя Мое, Аз сотворю* (см.: Ин. 15, 16) и проч. (Преподобные Каллист и Игнатий. Гл. 50).

Глава всякого тщания благого и верх всякого преспеяния есть твердое пребывание в молитве, которою с прошением можно стяжать от Бога и прочие добродетели. Ибо чрез нее достойные приобщаются святости Божией, и [в них] получают начало духовное действо и соединение ума с Господом неизреченною любовию: ибо понуждающий себя пребывать в молитве духовною любовию возгорается в рачение Божественное и в желание пламенное зреть Бога, и в известной мере получает благодать освяти-

тельного совершенства (Преподобный Макарий Египетский. Беседа 40).

Молитва, по качеству, есть сопребывание и соединение человека и Бога, по действу же — мира утверждение, Бога примирение, слез матерь и вместе дщерь, умилостивление за грехи, мост в искушениях, преграда скорбей, сокрушение браней, делание Ангельское, пища всех бесплотных, будущее веселие, бесконечное делание, источник добродетелей, виновница дарований, невидимое преуспеяние, пища души, просвещение ума, секира отчаянию, указание надежды, решение печали, богатство монахов, сокровище безмолвников, умаление ярости, зерцало преуспеяния, мира явление, устроения изъявление, возвеститель будущего, печать славы. Молитва есть воистину молящемуся судилище, и Престол судища Господень, прежде будущего Престола (Преподобный Иоанн Лествичник. Лествица. Степень 28. О молитве).

Молитва новоначальных есть как бы огнь веселия, от сердца исходящий. Молитва же совершенных — как свет, изливающий благоухание. Или также: молитва есть проповедание Апостолов, действие веры или, лучше, непосредственная вера, осуществление надежды, явление любви, Ангельское движение, сила бесплотных, занятие и веселие их, благовествование Божие, удостоверение сердца, надежда спасения, печать освящения, доказательство святости, познание Бога, явление крещения, баня очищения, залог Духа Святаго, радость Иисуса, веселие души, милосердие Божие, знак примирения, печать Христова, луч умного солнца, заря сердец, утверждение христианства, явление примирения Божия, Божия благодать, Божия премудрость или, лучше, начало самой премудрости, явление Бога, занятие монахов, жизнь безмолвников, вина безмолвия, свидетельство Ангельской жизни (Преподобный Григорий Синаит. Главы зело полезные, гл. 113).

Сия Божественная молитва, говорит блаженный Симеон, архиепископ Фессалонитский, Спаса нашего призывание: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя*, есть и молитва и моление и исповедание веры, и Духа Святаго подательница, и даров Божественных дарователь, и очищение сердца, и изгнание бесов, и веселие Иисус-Христово, и духовных мыслей и помыслов Божественных источник, и от грехов избавление, душ и телес врачевание, Божественного просвещения податель, милости Божией источник, откровений и таин Божественных смиренным дарователь, и самое спасение, потому что носит в себе и спасительное имя Бога нашего, которое есть самое на нас нареченное Имя Иисуса Христа, Сына Божия (Гл. 296).

Не может корабль плыть многие поприща без воды, и блюдение ума нимало не может продолжаться без трезвения со смирением и непрестанною молитвою Иисус-Христовою. Основание храмины составляют камни; а основание и верх

сей добродетели есть святое и поклоняемое имя Господа нашего Иисуса Христа. Скоро потерпит кораблекрушение неискусный кормчий, если во время бури отгонит корабельников, весла и кормило бросит в пучину, а сам будет спать; но еще скорее погибнет душа от бесов, если вознерадит о трезвении и призывании имени Иисус-Христова, в самом начале их приражений. Что знаю, то и пишу, и что видел я, проходя оным путем, о том свидетельствую вам, если желаете принять, что говорю. Сам Господь сказал: *аще кто во Мне не пребудет, извержется вон, якоже розга, и изсышет: и собирают ю и во огнь влагают, и сгарает*, и: *иже будет во Мне, и Аз в нем, той сотворит плод мног, яко без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 6, 5). Как не можно воссиять солнцу без света, так нельзя очиститься сердцу от скверных, губительных помыслов без молитвы Иисусова имени. Если же это истинно, как я думаю, то соединим имя Иисусово с дыханием нашим. Ибо оно

есть свет, а те (помыслы) — тьма; оно — Бог и Владыка, а те — рабы бесов. Хранение ума свойственно и достоименно назвать должно светородным, молниеродным, светоиспущательным и огненосным. Ибо оно, поистине сказать, превосходит бесконечно многие телесные добродетели. Посему и должно называть сию добродетель таковыми честными именами по причине рождающегося от нее светозарного света. Возлюбив ее, грешники из непотребных и мерзких и неразумных, несмысленных и неправедных могут соделаться о Иисусе Христе праведными, благопотребными, чистыми, святыми и смысленными, и мало того — могут и тайны видеть, и богословствовать, и, будучи прозрительны, к пречистому и беспредельному свету сему преплывают, касаются его неизреченными прикосновениями, и с ним живут и пребывают, потому что вкусили, *яко благ Господь*, так что в сих первоангелах явно исполняется слово божественного Давида: *обаче праведнии исповедятся имени*

Твоему, и вселятся правии с лицем Твоим (Пс. 139, 14). Ибо, действительно, они одни истинно призывают Бога и исповедаются Ему (Преподобный Исихий. Гл. 168—171).

Начало всякого боголюбезного делания есть призывание с верою спасительного имени Господа нашего Иисуса Христа, ибо Он сказал: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). Призыванием с верою имени Господа нашего Иисуса Христа несомненно надеемся получить милость и истинный живот, в Нем сокровенный, потому что внутрь сердца чисто призываемое Имя Господа Иисуса Христа источает сие, как другой приснотекущий Божественный источник (Преподобные Каллист и Игнатий. Гл. 8, 9).

Двумя способами приобретается действо Духа, которое таинственно прияли мы в крещении: и вообще исполнением заповедей, многим трудом и временем дар сей открывается, и, поколику исполняем заповеди, потолику яснее Он воз-

сиявает нам Свою зарю; во-вторых, художественным и чистым призыванием Господа Иисуса, то есть памятию о Боге, является в повиновении. От первого жительства приобретается медленнее, от второго же скорее, посредством навыка, чрез болезненное и терпеливое копание земли и отыскивание золота (Преподобный Григорий Синаит. О безмолвии и молитве, гл. 3).

Три образа молитвы и внимания, которыми душа или возвышается и преуспевает, или низвергается; и если каждый из сих трех образов употребляет она в свое время как следует, то преуспевает; а если употребляет их без рассуждения и безвременно, то низвергается. Итак, внимание также тесно и неразлучно должно быть соединено с молитвою, как неразлучно связано тело с душою, и одно без другой быть не может. Внимание должно предварять и как некий страж наблюдать за врагами; и оно первое должно подвизаться против греха и противостоять входящим в сердце лукавым

помыслам; а за вниманием должна следовать молитва, которая тотчас потребляет и умерщвляет все те лукавые помыслы, с которыми наперед вело брань внимание, потому что оно одно умертвить их не может. И от этой брани внимания и молитвы зависит живот и смерть души: ибо если вниманием храним молитву чистую, то преуспеваем, а если не тщимся хранить ее чистою, но оставляем без охранения, то оскверняется она лукавыми помыслами, и мы делаемся непотребными и остаемся без успеха. Поелику же, как сказали мы, три образа внимания и молитвы, то надобно объяснить и свойства каждого образа, дабы желающий спасения мог избрать лучшее, а не худшее.

Свойства первого образа суть — если кто, стоя на молитве, возводит к небу руки свои, и очи, и ум и воображает в уме своем Божественные советы, небесные блага, чины святых ангелов и обители святых и вообще все слышанное им в Божественном Писании собирает в ум

свой, размышляет о том во время молитвы, зрит на небо и возбуждает в душе своей желание и любовь Божественную, иногда проливает слезы и плачет; и таким образом сердце его мало-помалу надмевается, а сам того не разумеет, но воображает, что совершаемое им происходит от благодати Божией к его утешению, и молит Бога, да сподобит его пребыть ему в таковом делании. Это признак прелести, потому что доброе не добро, если совершается не добрым порядком и не как должно. И посему таковой человек, если и безмолвствовать будет совершенным безмолвием, подвергается опасности лишиться ума и безумствовать. Да если сего и не случится с ним, то невозможно ему никогда достигнуть истинного ведения и добродетели или бесстрастия. Так прельстились те, которые видели свет и сияние очами телесными, обоняли благовоние своим обонянием и своими ушами слышали гласы и другое подобное сему. И одни из них возбесновались и в помешательстве ума

ходили с места на место; другие приняли явившегося им беса, преобразившегося в светлого ангела, и прельстились, и остались неисправленными даже до конца, не принимая совета ни от одного брата; иные из них, подущаемые диаволом, сами себя убили, иные в стремнины низверглись, иные удавились. И кто может высказать различные прельщения диавола, которыми прельщает он? Это необъяснимо. Впрочем, из того, что сказали мы выше, всякий разумный человек может научиться, какой вред происходит от сего первого образа внимания и молитвы. Если же кому из употребляющих сей образ и случится не потерпеть ни одного из показанных нами бедствий, ради сожительствования с братиею (потому что бедствия сии бывают наипаче с отшельниками), то таковой всю жизнь свою проводит без успеха.

Второй образ внимания и молитвы таков: когда кто собирает ум свой в себя, отвлекая его от всего чувственного, хранит чувства свои и собирает все помыс-

лы свои, чтобы не блуждали они в суетных вещах мира сего; иногда испытывает помыслы свои; иногда вникает в слова молитвы, которую произносит; в иное время собирает к себе все помыслы свои, плененные диаволом и обращенные к предметам лукавым и суетным, а в другое — с большим трудом и усилием приходит в себя самого, побеждаемый и обладаемый какою-либо страстию. При таком подвиге и при такой брани внутрь себя он не может быть мирен никогда, и не может найти времени творить добродетели, чтобы получить венец правды. Потому что таковой подобен сражающемуся со врагами своими ночью, в темноте, который голоса врагов слышит и раны получает от них, а видеть их ясно не может,— кто они, откуда пришли, как и за что воюют против него. Потому что ему препятствуют тьма, находящаяся в уме его, и буря в помыслах его. И он никогда не может освободиться от своих врагов мысленных, чтобы они не сокрушали его. Таковой подъемлет труд, а

мзды не получает, потому что окрадывается тщеславием и, не понимая сего, думает, что он внимателен; часто от гордости презирает других и охуждает их, и, по своему мечтанию, считает себя достойным быть пастырем овец и путеводительствовать их, и уподобляется слепцу, который берется водить других слепцов.

Это второй образ (внимания и молитвы). И всякий, желающий спастися и внимать себе надлежащим порядком, должен знать вред, какой причиняет он душе. Впрочем, сей второй образ лучше первого так же, как лунная ночь лучше темной, в которую луна не светит.

Третий образ подлинно есть предивная вещь и неудобоизъяснимая и для не знающих ее не только неудобопостижимая, но и вовсе невероятная. Ибо в настоящие времена сей образ не очень во многих находится. И, как я думаю, приходит к нам сие благо от послушания, потому что послушание, оказываемое духовному отцу, освобождает всякого от

попечения о себе самом. Таковой уже далек от пристрастия к миру сему и есть вполне ревностный и неленивый делатель сего третьего образа, если только найдет учителя и духовного отца — истинного, незаблуждающего, никакой прелести не подлежащего. Потому что он себя и всю печаль свою возложил на Бога и на духовного отца своего, и истинным послушанием уже живет не себе, чтобы исполнять волю свою, но умертвил себя для всякого пристрастия мирского и для тела своего. Какою привременною вещию таковой человек может быть побежден и порабощен? Или какую может он иметь печаль и заботу? Сим образом (внимания), происходящим от послушания, исчезают и разрушаются все хитрости бесов и все коварства, которыми ухищряются они увлечь ум ко многим и различным помыслам; и тогда ум сего человека бывает свободен от всего, и всеваемые от бесов помыслы испытывает благовременно с великою властию, с великим искусством отгоняет

их и чистым сердцем приносит Богу молитвы свои. Это есть начало истинного жития. Не положившие сего начала трудятся напрасно, не разумея того.

Начало сего третьего образа внимания не в том состоит, чтобы взирать на небо и воздевать руки свои, и устремлять ум к небесным образам, и оттуда искать помощи, потому что это суть свойства первого образа — прелести; и не в том также, чтобы умом охранять свои чувства и всецелое внимание обращать на сие, а на внутренние брани, производимые врагами на душу, не смотреть и не обращать на них внимания, потому что это суть свойства второго образа; и делающий так низлагается от бесов, а сам не низлагает, поражается, а сам не знает того, отводится в плен и порабощается,— и не может отмстить пленившим его; а враги явно и тайно воюют на него и делают его тщеславным и самомнительным.

Но ты, возлюбленный, если хочешь спастись, начни сей третий образ так.

После совершенного послушания, которое, как мы выше сказали, должно хранить в отношении к духовному отцу, должно и все свои дела делать с чистою совестию, как бы пред лицем Бога, ибо без послушания совесть быть чистою не может никогда; совесть же чистою хранить должно в трех отношениях: во-первых, в отношении к Богу, потом — к духовному твоему отцу и, в-третьих, — к другим людям и к вещам.

Обязан ты хранить совесть чистою в отношении к Богу, то есть не делать ничего такого, что, по сознанию твоему, неприятно Богу и неугодно Ему. В отношении к духовному отцу должен ты делать все, что он заповедует тебе — ни более, ни менее, но ходи по наставлению и воле Его. В отношении же к другим людям должен ты хранить совесть чистою тем, чтобы не делать им того, чего сам отвращаешься и не хочешь, чтобы они тебе делали это. И в отношении к вещам ты обязан остерегаться от злоупотребления, то есть должен употреб-

лять все подобающим образом — пищу, питие и одежду, и вообще, все должен делать как бы пред лицем Бога, так, чтобы ни за одно дело не обличала и не терзала тебя совесть твоя, что нехорошо сделал ты. И таким образом проходи истинный и необманчивый путь третьего образа внимания и молитвы, который состоит в том, чтобы ум хранил сердце во время молитвы и постоянно пребывал внутрь его, и оттуда, то есть из глубины сердца, воссылал молитвы к Богу; и когда он среди сердца вкусит, яко благ Господь, и усладится, то уже не будет исходить из места сердечного и скажет тогда, как и апостол Петр сказал: *добро есть нам зде быти* (Мф. 17, 4); непрестанно будет зреть туда, то есть внутрь сердца, и там обращаться, изобретая способы прогонять все помыслы, вносимые туда врагом диаволом. Впрочем, для тех, которые не имеют никакого понятия о сем спасительном делании, часто представляется оно весьма трудным и неудобоисполнимым. Но вкусившие заключа-

ющейся в нем сладости и насладившиеся сладостию во глубине сердца своего с божественным Павлом скажут: *кто ны разлучит от любве Христовы?* и проч. (см.: Рим. 8, 35).

Святые Отцы наши, слыша Господа, глаголющего в Святом Евангелии, что *от сердца исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы* и что *сия суть сквернящая человека* (Мф. 15, 19, 20); и слыша также в другом месте Евангелия, что Он заповедует очистить прежде внутреннее сткляницы и блюда, да будет и внешнее их чисто (см.: Мф. 23, 26),— оставили всякое другое дело и всеми силами подвизались в этом делании, то есть в хранении сердца, верно зная, что вместе с сим деланием легко приобретут всякую другую добродетель, а без него нельзя приобрести и соблюсти ни одной добродетели. Некоторые из Отцов наших делание сие назвали безмолвием сердечным, другие наименовали вниманием, иные — трезвением и про-

тиворечием, иные — истязанием помыслов и хранением ума. Ибо все они упражнялись в сем и чрез то сподобились Божественных дарований. Об этом говорит и Екклезиаст: *веселися юноше в юности твоей, и ходи в путех сердца твоего непорочен и чист*, и удали сердце твое от помышлений (11, 9, 10); и в другом месте: *аще дух владеющаго* (прилог диавола) *взыдет на тя, места твоего не остави* (10, 4); под местом разумеет он сердце. И Господь наш в Святом Евангелии говорит: *не возноситеся* (Лк. 12, 29), то есть не расточайте ума вашего туда и сюда, и в другом месте еще говорит: *блажени нищии духом* (Мф. 5, 3), то есть блаженны те, которые не допустили в сердце свое ни одной мысли мира сего, но нищи всяким мирским помыслом. Все Божественные Отцы наши много писали о сем; и, кто хочет прочитать Писания их, пусть посмотрит, сколько написал Марк Подвижник и сколько говорили святой Иоанн Лествичник, преподобный Исихий,

Филофей Синаит, авва Исаия, великий Варсонофий и многие другие.

Вообще: кто не внимает хранению ума своего, тот не может быть чист сердцем и сподобиться зреть Бога. Кто не внимает себе, тот не может быть нищ духом, не может плакать и рыдать, или быть кротким и смиренным, или алкать и жаждать правды, или быть милостивым и миротворцем, или изгнанником правды ради, и вообще скажу: нельзя приобресть других добродетелей иным образом, как только сим вниманием. Почему паче всего о нем должно заботиться, чтобы опытно уразуметь то, что я говорю тебе. А если хочешь знать и способ, как это делать, то скажу тебе по возможности и о сем, а ты слушай со вниманием.

Прежде всего иного потребно тебе хранить три вещи: во-первых, совершенную беспопечительность как о всем благословном, так и о неблагословном и суетном, то есть умерщвление себя в отношении ко всему этому; во-вторых,

чистую совесть, как сказали мы выше, чтобы совесть не обличала тебя ни в чем; и, в-третьих, совершенное беспристрастие, чтобы помысл твой не уклонялся в пристрастие ни к одной мирской вещи. После того сядь уединенно в особенном и безмолвном месте, в углу, затвори дверь, и собери ум твой от всякой привременной и суетной вещи, потом приклони браду твою к персям, и внимай сердцу умом твоим и чувственными очами твоими, приудержи немного дыхание твое, и имей там ум твой, старайся мысленно найти место, где находится сердце твое, чтобы там был всецело и ум твой. Сначала найдешь там тьму и глубокую слепоту и жестокость, а после, когда будешь иметь такое внимание непрестанно день и ночь, обретешь — о чудо — непрестанное веселие, потому что ум, подвизаясь в сем деле, найдет место сердца и тогда тотчас увидит в нем то, чего никогда не видел и не ведал. Ибо увидит обретающийся внутрь сердца оный воздух и всего себя светлым и исполненным

всякого благоразумия и рассуждения. И с сего времени и впредь, откуда бы ни возник и ни явился какой-либо помысл, прежде, нежели войдет он и изобразится, ум тотчас прогоняет его оттуда и потребляет именем Иисусовым, то есть словами: *Господи Иисусе Христе, помилуй мя.* И отселе ум человеческий начинает иметь ненависть к бесам и непрестанную против них брань, воздвигает на них ярость естественную, гонит их, биет и потребляет. Прочее же, что обыкновенно случается, узнаешь с помощию Божиею после сего сам опытно, посредством внимания ума твоего и содержа в сердце Иисуса, то есть молитву сию: *Господи Иисусе Христе*, и проч. Ибо некто из Отцов говорит: сиди в келлии твоей, и она научит тебя всему.

Вопрос. Почему первый и второй образы молитвы, о которых сказали мы, не могут произвесть сего?

Ответ. Потому, что не проходим их как должно. Ибо и святой Иоанн Лествичник сии три образа молитвы упо-

добляет лествице о четырех ступенях и говорит: одни укрощают и умаляют страсти, другие поют, то есть молятся устами своими, иные упражняются в умной молитве, а иные восходят к видению. Желающие взойти на сии четыре степени не должны начинать сего схождением сверху вниз, но должны снизу всходить на первую степень, потом на вторую, далее на третью, а после на четвертую. И таким образом всякий может встать от земли и взойти на небо. Итак, прежде всего нужно подвизаться в том, чтобы укротить и умалить страсти; во-вторых — упражняться в псалмопении, то есть молиться устами: ибо, когда страсти умалятся, тогда молитва естественно сообщает веселие и сладость языку и становится благоугодною Богу; в-третьих — молиться умом; в-четвертых — восходить к видению. Первое принадлежит новоначальным, второе — возрастающим в преуспеянии, третье — достигшим крайнего преуспеяния, а четвертое — совершенным.

Итак, нет начала другого, как только умаление страстей, которые не умаляются в душе иначе, как только посредством хранения сердца и внимания. Ибо от сердца исходят, говорит Владыка наш, помышления злая, сквернящая человека (см.: Мф. 15, 19, 20); здесь и требуется хранение и внимание. Когда страсти перестанут действовать и ослабнут от брани и сопротивления, которые делало им сердце, тогда ум желает и ищет, как бы примириться с Богом, и потому усиливает молитву и упражняется в ней, и, сим желанием и молитвою укрепляемый, прогоняет все окружающие его помыслы, которые покушаются войти в сердце, поражая их молитвою. И тогда бывает брань: лукавые бесы ратуют с великим возмущением и действием страстей производят мятеж и бурю в сердце; но именем Иисуса Христа потребляются и погибают, как воск от лица огня. Но и когда будут прогнаны и отойдут от сердца, не успокаиваются, но возмущают ум чрез внешние чувства, отвне. Но тогда

ум скоро ощущает в себе тишину и спокойствие. Ибо когда не могут они возмутить ум во глубине, то возмущают его отвне, мечтаниями. Таким образом, невозможно освободиться от брани совершенно и не терпеть нападений от сих злых духов. Ибо это принадлежит совершенным и тем, кои удалились совершенно от всего и всегда заняты сердечным вниманием. Итак, кто проходит сие в порядке, упражняясь каждым делом в свое время, тот, по очищении сердца своего от страстей, может и упражняться всецело в псалмопении, и противоборствовать помыслам, и взирать на небо чувственными очами (когда будет нужно), умными же очами души зреть оное, и молиться чисто истинно, как должно.

Впрочем, взирать на небо должно весьма редко, по страху лукавых воздушных духов, которые потому и называются воздушными духами, что производят в воздухе многие и различные прелести. И посему нам должно быть внимательными. Ибо Бог требует от нас

того только, чтобы сердце наше было очищено хранением и вниманием. И аще корень свят, как говорит Апостол, то явно, что и ветви и плод святы (см.: Рим. 11, 16). Кто возводит на нёбо очи свои и ум свой без сего образа, о котором сказали мы, и хочет воображать что-нибудь умственно, тот видит мечты и ложные прелести, а не истинные предметы, потому что сердце его нечисто. Часто, как сказали мы, первый и второй образ не приводят человека в преспеяние. Ибо как, строя дом, не полагаем сперва верх, а потом основание, потому что это невозможно, но сперва полагаем основание, потом строим дом и наконец полагаем верх: так должно поступать нам и в духовном деле. Сперва должно полагать основание, то есть хранить сердце и умалять страсти, потом созидать духовный дом, то есть отражать возмущения лукавых духов, воюющих на нас чрез чувства, и бежать скорее от брани их, и тогда уже полагать верх, то есть совершенно уклоняться от всех вещей, чтобы

быть совершенно мирными и тесно соединиться с Богом, и таким образом совершить духовный дом о Христе Иисусе Господе нашем, Которому слава во веки веков. Аминь (Преподобный Симеон Новый Богослов. Слово о трех образах молитвы).

Внимание (так называет блаженный Никифор умную молитву) одни из Святых Отцов называли хранением ума, другие — блюдением сердца, иные — трезвением, иные — умным безмолвием или покоем, иные иначе. Все сии названия означают одно и то же. Разумей сие подобно тому, как если бы кто сказал: хлеб, или ломоть, или кусок. Что же есть внимание и какие свойства его — внимай тщательно. Внимание есть признак истинного покаяния; внимание есть воззвание души, ненавидение мира и восхождение к Богу; внимание есть отвержение греха и восприятие добродетели; внимание есть несомнительное доказательство отпущения грехов; внимание есть начало созерцания или, лучше,

основание созерцания. Ибо, чрез оное преклоняясь, Бог является уму. Внимание есть безмолвное состояние ума или, лучше, неизменность сего состояния, милостию Божиею душе дарованная. Внимание есть низложение помыслов, святилище памятования о Боге и сокровищница терпения в напастях. Внимание есть источник веры, надежды и любви (Блаженный Никифор Монах. О трезвении и хранении сердца).

Внимание и молитва, всегда соединяемые вместе, подобно огненной Илииной колеснице, на высоту небесную возносят того, кто в них пребывает. Но что я говорю? Самое чистое сердце человека, преспевающего в трезвении или старающегося преуспеть в оном, соделывается небом духовным, имеющим солнце, луну и звезды, и бывает вместилищем невместимого Бога чрез таинственное созерцание и приближение к Нему. Итак, кто имеет любовь к Божественной добродетели, тот должен стараться всякую минуту произносить имя Господа и с усер-

дием исполнять слова Его (Преподобный Филофей Синайский. Сорок глав о трезвении, гл. 27).

Трезвение есть художество духовное и, если человек проходит оное долговременно и усердно, при помощи Божией совершенно избавляет его от страстных помыслов и слов и от дел лукавых. Оно дарует твердое разумение непостижимого Бога, сколько постигнуть Его возможно, и объяснение таин Божественных и сокровенных, исполняет всякую заповедь Ветхого и Нового Завета и подает всякое благо будущего века. Справедливее же, оно есть чистота сердца, которая, по величеству и доброте своей или, вернее сказать, по нашему нерадению, ныне в монахах весьма оскудевает, но которую Христос ублажает, говоря: *блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). Будучи таково, оно и покупается дорого. Трезвение, пребывая в человеке долго, наставляет его к праву и богоугодному житию. Оно есть и восхождение к умосозерцанию и научает

нас три части души (мыслительную, вожделевательную и раздражительную) приводить в правильное движение, и твердо хранить чувства, и в приобщившемся ему ежедневно возращает четыре главных добродетели (благоразумие, справедливость, умеренность и мужество). Великий законодатель Моисей, или Дух Святой, показывая непорочность, чистоту, многообъятность и высокотворность сей добродетели и научая, как должно начинать ее и совершать, говорит: *внемли себе, да не будет слово тайно в сердце твоем беззакония* (Втор. 15, 9). *Тайным словом* он называет одно мысленное представление чего-нибудь злого, ненавидимого Богом,— что Отцы называют также прилогом, наводимым на сердце от диавола, за которым, как скоро является он уму, тотчас устремляются наши мысли и страстно с ним сообщаются.

Трезвение есть прохождение всякой добродетели и всякой заповеди Божией. Оно называется и сердечным безмолви-

ем. Оно же есть хранение ума, когда совершается без мысленных образов.

Внимание есть непрестанное сердечное от всякого помысла безмолвие, в котором душа единым Иисусом Христом и Богом всегда, непрерывно и непрестанно, дышит и Его призывает; мужественно с ним ополчается на врагов; Ему, единому имеющему власть отпущать грехи, исповедуется; часто тайным призыванием объемлет Христа, единого ведающего сердца; от человеков же таковая душа старается скрывать сладость оного (безмолвия) и внутренний подвиг, чтобы лукавый, подкравшись, не ввел в нее порока и не разрушил прекрасного дела.

Моря составляет множество вод. Так полноту и силу трезвения, воздержания, глубокого безмолвия душевного, бездну созерцаний дивных и сокровенных, рассудительного смирения, правоты и любви составляет крайнее трезвение и молитва к Иисусу без помыслов, и притом продолжительная, частая и без уныния (см.: Лк. 18, 1).

Подвизающийся внутренно всякую минуту должен иметь следующие четыре вещи: смирение, крайнее внимание, противоречие (помыслам) и молитву. Смирение, поелику сопротивники его в брани суть гордые демоны,— дабы Христову помощь удержать рукою сердца, ибо Господь ненавидит гордых. Внимание — чтобы не попускать сердцу иметь никакого помысла, хотя бы он и добрым казался. Противоречие — дабы, как скоро усмотрит пришедший (помысл), тотчас со гневом отразить лукавого, как сказано: *и отвещаю поношающым ми слово* (Пс. 118, 42); *не Богу ли повинется душа моя?* (61, 1). Молитву — дабы после противоречия тотчас возопить ко Христу воздыханием неизглаголанным. И тогда сей подвижник увидит врага, связанного или гонимого поклоняемым именем Иисуса, как прах ветром, или как дым исчезающего с мечтанием своим.

Неопытным полезно знать и то, что врагов бестелесных и невидимых, зложелательных и искусных в причинении

зла, скорых и легких, и опытных в брани, которую они ведут от Адама доныне, мы, грубые, и телом и умом к земле поникшие, не иным средством победить можем, как токмо непрестанным трезвением ума и призыванием Иисуса Христа, Бога и Творца нашего. Итак, для неопытных сими средствами да будут молитва к Иисусу Христу и тщательное испытывание и познавание добра; а для искусившихся лучшее средство и учитель есть упражнение, опытность и покой в добре (Преподобный Исихий Иерусалимский. О трезвении и молитве, гл. 1, 2, 3, 5, 10, 20 и 42).

В сем из великих великом деле многие, если не все, успевают преимущественно чрез наставление. Ибо редки те, которые без наставления, усилием собственного упражнения и теплотою веры, от Бога получили сие. И потому надлежит искать незаблуждающего наставника, чтобы он, указывая нам встречающееся при внимании одесную и ошуюю, то есть недостатки и излишества, приходя-

щие от лукавого, учил и руководствовал нас, открывая нам искушения, которые сам претерпел, и таким образом несомненно показывал нам сей мысленный путь, и мы бы удобно проходили оным. Если нет наставника, должно искать его усильно. А если не находишь, то, призвав Бога с сокрушением и слезами и поклонясь Ему с признанием своей бедности, поступи так, как я скажу тебе.

Знаешь ты, что дыхание, которым дышим, есть воздух. Вдыхаем же его в себя не для иного чего, как для сердца, а оно есть начало жизни и теплоты телесной. Итак, сердце привлекает воздух, чтобы чрез издыхание вон испустить свою теплоту, а в себя принять благорастворение. Причина, действующая в сем случае, или, лучше, служитель, есть легкое, которое, будучи создано от Бога редким, как мех, без труда вводит и изводит окружающий воздух. Таким образом сердце, вовлекая воздух холодный, а испущая теплый, ненарушимо соблюдает тот чин, для которого оно уст-

роено в составе животного. Итак, ты, седши в келлии своей безмолвно и собрав ум свой, введи его в ноздренный путь, которым воздух входит в сердце, и повлеки его и понудь вместе со вдыхаемым воздухом сойти в сердце. Когда он войдет туда, после этого не будет тебе не весело и не радостно, но как некий муж, отлучившийся из дому своего, когда возвратится, не знает, что и делать от радости, что привелось ему опять увидеться с детьми и женою: так и ум, когда соединится с душою, исполняется несказанной сладости и веселия. Итак, брат, приучай ум нескоро выходить оттуда, ибо сначала не нравится ему сжатие и теснота внутренности, но, когда привыкнет, тогда уже не любит носиться вне: *Царствие бо Божие внутрь нас есть*, которое он там рассматривая и с чистою молитвою ища его, все внешнее почитает скверным и отвратительным. Надобно же тебе и это знать, что, когда ум твой там находится, тогда он не должен оставаться в молчании и бездей-

ствии, но иметь непрестанным делом и занятием сию молитву: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя*, и никогда сего не прекращать. Ибо сие, удерживая ум от парения, делает его неприкосновенным и неприступным для нападений врага, и со дня на день вводит его в любовь и желание Божественное. Так говорит блаженный сей Отец (Никифор), имея то предварительное намерение, чтобы ум, посредством сего естественного художества, от обычного своего блуждания, плена и рассеяния возвратился ко вниманию и посредством внимания возвратился к себе и таким образом соединился с молитвою, потом сошел в сердце, то есть с сею самою молитвою, и в нем пребывал (Блаженный Никифор Монах. О трезвении и хранении сердца; и также Преподобные Каллист и Игнатий. О безмолвии и молитве, гл. 19).

Инок, говорит Великий Златоуст, ест ли, пьет ли, сидит ли, служит ли, путешествует ли или другое что делает, дол-

жен непрестанно взывать: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя* — дабы имя Господа Иисуса, сходя во глубину сердца, смирило змия, владеющего пажитями, душу же спасло и оживотворило. Итак, непрестанно пребудь в имени Господа Иисуса, дабы сердце поглотило Господа и Господь сердце и оба были воедино. Не отлучайте от Бога сердца вашего, но будьте тверды и храните его с непрестанным памятованием о Господе нашем Иисусе Христе, доколе водрузится в сердце имя Господне, и ни о чем ином не помышляйте, как только о том, чтобы возвеличился в вас Христос. И Лествичник пишет: память об Иисусе да соединится с дыханием твоим, и тогда познаешь безмолвия пользу. И святой Исихий: если поистине хочешь облечь помыслы стыдом, благодушно безмолвствовать и трезвиться сердцем беструдно,— Иисусова молитва да соединится с дыханием твоим в ноздрех, и в немного дней увидишь это совершающимся.

К предложенным нами свидетельствам великих Святых Отцов о том, чтобы чрез ноздренное вдыхание внутрь сердца, в Господе нашем Иисусе Христе, Сыне Божием и в Его святом и спасительном имени молиться, поучаться и трезвиться, и от Него искать милости, прилагается и то, чтобы непрестанно, особенно же в уставленное время молитвы, сидеть желающему трезвиться умом в сердце, наипаче новоначальному, в безмолвном и несветлом углу, как тайноводствуют и заповедуют опытно узнавшие сие всеблаженнейшее делание Божественные Отцы и учители; потому что ведение и зрение очей естественно бывает причиною того, что мысль развлекается и рассеивается по зримому и видимому; когда же она будет затворена, как сказано, в безмолвной и темной храмине, тогда перестает парить и развлекаться зримыми и видимыми предметами. Таким образом и ум, хотя и нехотя, успокаивается и собирается в себя, как говорит Великий Василий: ум, не расто-

чаемый по внешнему и не развлекаемый чувствами на мир, к себе возвращается. Но прежде сего, и даже прежде всего, ум совершает таковой подвиг приходящею помощию Божественной благодати, посредством единопомысленного, сердечного, чистого и непарительного с верою призывания Господа нашего Иисуса Христа, а не одним простым вышепоказанным естественным художеством, чрез ноздренное вдыхание или сидение в спокойном и темном месте. Нет. Это изобретено Божественными Отцами не для иного чего, как только в некоторое пособие собранию мысли и возвращению к себе самой от обычного парения к вниманию, как сказали мы выше. От сего рождается и то, что ум молится непрестанно, чисто и непарительно, как говорит святой Нил: внимание, ища молитвы, обрящет молитву, ибо за вниманием последует молитва скорее, нежели что другое, о чем должно стараться. Ты же, чадо, хотяй живот, и любяй дни видети благи и жить в теле бестелесно, под

таковым живи правилом и весом (Преподобные Каллист и Игнатий. Гл. 21, 22, 23 и 24).

В заутрии сей, говорит Соломон, *семя твое*, то есть семя молитвы, *и в вечер да не оставляет рука твоя* (Еккл. 11, 6), дабы в промежутке времени молитва не опустила того часа, когда была бы услышана: *яко не веси*, продолжает Соломон, *кое произыдет сие или оно* (Там же). Итак, от утра сидя на седалище, низведи ум от главы в сердце, и держи его в нем, и, болезненно преклонився с великим трудом персей и рамен и выи, непрестанно взывай в уме или в душе: *Господи Иисусе Христе, помилуй мя*. Потом, по причине стеснения и болезненности и, может быть, усталости от частого повторения (впрочем, это происходит не от частого вкушения одной и той же снеди Трименного): ибо *ядущии Мя*, сказано, *еще взалчут* (Сир. 24, 23), переводя ум в другую половину, говори: *Сыне Божий, помилуй мя*. И, многократно произнося ту и другую половину

попеременно, не должно по лености часто переменять оные, ибо не укореняются дерева, часто пересаждаемые. Удерживай же и отдыхание легкого, чтобы не дышать свободно, ибо дохновение воздуха, от сердца восходящее, помрачает ум и рассеивает мысль, а затем, останавливая его (ум), или как пленника предает самозабвению, или неприметно заставляет мыслить о чем-нибудь другом, о чем не следует. Впрочем, если и увидишь нечистоты лукавых духов, то есть возникающие или сменяющиеся помыслы в уме твоем, не убойся; если и добрые представления каких-либо вещей являются тебе, не внимай им, но, сдерживая дыхание, сколько возможно тебе, и ум заключая в сердце, и часто и непрестанно повторяя призывание Господа Иисуса, скоро сокрушишь и истребишь их, невидимо поражая их Божественным именем. Ибо Лествичник говорит: Иисусовым именем бий ратники, несть бо ни единого крепчайша оружия на небеси и

на земли (Преподобный Григорий Синаит. О безмолвии и молитве, гл. 2).

Сидеть должно иногда на стульце для труда, а иногда немного времени на постели для отдохновения. Сидение же твое должно быть с терпением, по слову сказавшего: *в молитве терпите* (Кол. 4, 2), и не скоро вставать по малодушию от тяжкого труда и умного взывания и частого водружения ума. Ибо вот говорит Пророк: *объяша мя болезни аки раждающия* (Иер. 8, 21); но, поникши долу и ум собирая в сердце, если сердце твое отверзется, призывай в помощь Господа Иисуса; боля же раменами и много болезнуя главою, терпи сие с трудом и рачением, ищи в сердце Господа: ибо *Царствие Небесное нудится, и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12). Терпение и ожидание во всяком деле соединены с болезнями, телесными и душевными.

Отцы так учили: один говорит: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя* — всё, другой половину: *Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя* — что удоб-

нее по немощи ума, еще младенчествующего, ибо никто не может назвать Господа Иисуса тайно без Духа, а (может сделать сие) только Духом Святым, чисто и ясно, немотствуя, подобно младенцу, и не имея силы произносить сие членораздельно. Не должен же и часто переменять призывания Имен, по лености, но медленно, удержания ради. Другие говорят, что молитву сию должно произносить устами, а иные учат говорить ее умом. Я говорю и то и другое, ибо иногда изнемогает ум от усталости, а иногда уста. И потому молиться должно обоими — и устами и умом; впрочем, взывать должно спокойно и без всякого возмущения, чтобы голос, воспящая* чувство, не останавливал и внимания ума,— пока молящийся не привыкнет к делу и не получит от Духа силы молиться крепко и всяко. Тогда он не имеет нужды говорить устами, да и не может, довольствуясь делать дело совершенно

* Отвлекая, отводя.— *Ред.*

одним умом (Преподобный Григорий Синаит. О безмолвии и молитве).

По захождении солнца, призвав в помощь преблагого и всесильного Господа Иисуса Христа, сядь на стульце в келлии безмолвной и несветлой и, собрав ум от внешнего обычного парения и скитания и пореяв в сердце воздух чрез ноздренное вдыхание, говори молитву: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя*, вместе с дыханием совокупно совводя как бы и слова молитвы, как говорит святой Исихий: с ноздренным вдыханием твоим соединяй трезвение и Иисусово имя (Преподобный Исихий. Гл. 89). С молитвою же вместе помни суд и воздаяние за благие и злые дела и от всей души считай себя грешнее всех человек и потом представляй, как будешь мучиться вечно,— и с которым из сих помышлений придут к тебе умиление, и плач, и слезы, на том и останавливайся, доколе не отойдут сами собою. Если же ты еще не сподобился сего дара слез, то подвигнись и со смиренною

мыслию помолись, чтобы стяжать их; ибо ими очищаемся от скверн и страстей и делаемся причастниками благ и спасения, как говорит Лествичник: как огонь потребляет тростник, так слеза — всякие скверны, и видимые и мысленные (Степень 7); и другой Отец: желающий истребить злобу истребляет плачем; и желающий стяжать добродетель плачем стяжавает. И если не имеешь умиления, то знай, что имеешь тщеславие, ибо оно не дает душе иметь умиления. Если же не придут слезы, то сиди, внимая сим помышлениям и с молитвою, час один, потом встань и со вниманием пой повечерие малое, и после опять сядь и твори молитву, по силе твоей, чисто и непарительно, то есть без попечения и без всякого помысла и мечтания, с великим трезвением, полчаса. Потом, знаменав знамением Честного и Животворящего Креста себя и одр свой, сядь на оный и, пришедши в себя, помышляй о будущих наслаждениях и мучениях, о тленной прелести временного, также о внезапном

и общем долге, то есть о смерти и о страшном истязании по кончине и еще прежде кончины (мира), и, сколько возможно, воспомянув кратко о всех грехах твоих и усердно помолясь о отпущении их, строго испытав себя, как провел ты прошедший день, ляг, держа молитву, как сказано: памятование об Иисусе да спит с тобою. Усни часов пять или шесть; впрочем, смотря по продолжительности ночи, спи умеренно.

Восстав от сна и благословив Бога и опять призвав Его на твое заступление, начни первое дело, то есть молиться чисто и без парения, до одного часа, ибо тогда ум бывает как-то особенно тих и безмятежен. Почему нам и заповедано приносить в жертву Богу первое и лучшее, то есть первые мысли, сколько возможно, неуклонно возводить к Господу нашему Иисусу Христу в сердечной чистой молитве. Ибо святой Нил говорит: того молитва совершенна, кто все первые мысли свои посвящает Богу (Преподобный Нил Синайский. О молитве,

гл. 126). После того пой полунощницу. Если же ты еще не утвержден в совершенном безмолвии и потому не можешь делать так, как сказали мы, или почему-либо другому, что часто случается с начинающими еще таковое делание и даже, хотя изредка, с преуспевшими, но еще не достигшими совершенства, ибо совершенные все могут о укрепляющем их Христе: то, восстав от сна, сколько можешь, сначала пой трезвенно полунощницу со всяким вниманием и разумом. Потом сядь и молись в сердце, как показано, трезвенно и без парения, один час или сколько подаст тебе Податель благих. Ибо Лествичник говорит: ночью занимайся наиболее молитвою, а псалмопением менее, днем же делай по силам твоим. Если же и при таком подвиге примечаешь в себе леность и уныние и смущение в уме от чего-нибудь, то встань и понудь себя к молитве, как знаешь; потом сядь и старайся молиться, как показано, заботясь всегда о том, чтобы с чистым Богом беседовать чистою

душою. После того встань и разумно пой шестопсалмие, пятидесятый псалом и канон, какой хочешь. Потом сядь и, бодрствуя, чисто помолись полчаса; и опять встань и пой хвалитны, обычное славословие, первый час, и затем сотвори отпуст (произносимое устами говори с таким повышением голоса, чтобы слышно было только ушам твоим, потому что плоды уст повелено нам приносить Богу), от всей души и мысли благодаря человеколюбивого и попечительного и мудрого Бога нашего, по бесконечной Своей милости сподобившего нас невредимо прейти пучину прошедшей ночи и увидеть светлое поприще настоящего дня, и также усердно прося, да дарует нам неволнуемо миновать мрачную и свирепую бурю бесов и страстей, и помилует нас.

Время от утра до обеда, всего себя, по возможности, предав Богу и помолившись Ему сердцем сокрушенным и смиренным помочь тебе, немощному, и унылому, и беспроизвольному, проведи

в молитве чистой, сердечной и непарительной и в чтении. Назначенное тебе уставом из Псалтири, Апостола и Святого Евангелия читай стоя; так же поступай при молитве к Господу нашему Иисусу Христу и Пресвятой Богородице; во время чтения других святых Писаний сиди. После того разумно пой обычные часы, учителями Церкви премудро уставленные, всею силою души избегая праздности, учительницы всякого зла, со всеми страстями и причинами их, хотя бы они казались малыми и безвредными.

После обеда, как прилично подвизающемуся, по заповеди божественного Павла, *яко подвизаяйся от всех воздержится* (см.: 1 Кор. 9, 25), прочитай довольно из Отеческих писаний, особенно о трезвении. Потом час один поспи, если дни велики; затем, встав, займись рукоделием, держа и молитву. После того помолись, как указано; потом сядь и молись чисто и непарительно до вечера, и тогда пой обычную вечерню, и

сотвори отпуст, от чистого сердца веруя, что по труду и попечению о добродетели и по мере делания нашего подает нам Бог дары, и почести, и извещение, и утешение, как говорит божественный Псалмопевец: *по множеству болезней моих в сердцы моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93, 19), и Спаситель: *приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28), и великий Павел: *понеже со Христом страждем, да и с Ним прославимся. Непщую бо, яко недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 17—18) (Преподобные Каллист и Игнатий. Гл. 25, 26, 27, 37).

Не думай, благочестивый читатель, что Святые Отцы и учители благочестия, повелевая нам упражняться в умной молитве, возбраняют нам продолжительное внешнее пение и унижают важность псалмов и канонов. Не так. Потому что Святой Церкви заповедано сие Духом Святым, и все священнодействия ее ог-

лавляются рукоположением и носят в себе таинство строительства Бога Слова, до второго Его пришествия, а вместе и таинство нашего воскресения. И в обрядах церковных нет ничего человеческого, но все есть дело благодати Божией, не возвышающееся нашими достоинствами и не умаляющееся грехами нашими. Но нам слово не о чиноположении церковном, а об особенном каждого монаха правиле и жительстве, то есть о умной молитве, которая привлекает благодать Святаго Духа посредством прилежания и сердечного делания, а не одними псаломскими словами, без внимания умного, только устами и языком поемыми, как говорит Апостол: *хощу пять словес умом моим глаголати, нежели тмы словес языком* (1 Кор. 14, 19). Ибо прежде должно очищать ум и сердце таковыми пяточисленными словесами, непрестанно говоря во глубине сердца: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя,* и таким образом восходить к пению разумному, потому что молитву сию в блюде-

нии сердца может совершать всякий новоначальный и страстный, но пения никак, доколе не предочистится ею. Посему святой Григорий Синаит, живущим в нем Святым Духом, паче всех подробно исследовав и рассмотрев жития, и Писания, и правила духовные, все попечение иметь повелевает о молитве. Тот же Дух и дар имея, святой Симеон, архиепископ Солунский, заповедует и советует всем архиереям, священникам, монахам и мирянам во всякое время и каждый час говорить сию священную молитву и дышать ею, ибо нет, говорит он с Апостолом, крепчайшего оружия ни на небеси, ни на земли, паче имени Иисус-Христова.

Знай же и сие, добрый рачитель сего священного умного делания, что не только в пустыне или в уединенном отшельничестве, но и в великих Лаврах и посреди градов были учители и многие делатели сего умного священнодействия. И достойно удивления, как Святейший патриарх Фотий, взятый на Патриар-

шество от сенаторского чина и не бывший монахом, на такой высокой степени обучился сему умному деланию и так преуспел в нем, что, по словам Симеона Солунского, лицо у него, как у второго Моисея, просияло от бывшей в нем благодати Духа Святаго. И свидетельствует (святой Симеон) о нем, что написал он и книгу о таковом умном делании всепремудрым художеством философским. Говорит также, что и Иоанн Златоуст, Игнатий и Каллист, Святейшие патриархи того же Царьграда, написали свои книги о сем же внутреннем делании. И что тебе нужно еще, чтобы, отложив всякое сомнение, коснуться обучению умного внимания? Если скажешь: я не отшельник,— пример тебе Святейший патриарх Каллист, обучившийся умному деланию в великой Лавре Афонской, проходя поваренную службу. Если же скажешь, что ты не в глубочайшей пустыне,— другой тебе пример — Святейший патриарх Фотий, обучившийся искусству сердечного внимания

еще до степени Патриаршеской. Если свою леность касательно умного трезвения оправдываешь изветом послушания,— то достоин ты смеха. Ни пустыня, ни житие уединенное не способствуют успеху в сем делании столько, сколько послушание в разуме, как говорит Григорий Синаит. Если ссылаешься на то, что не имеешь учителя таковому деланию,— Сам Господь повелевает учиться из Писания: *испытайте Писаний, яко вы мните в них имети живот вечный* (Ин. 5, 39)*.

Знай, что никто не может удержать ума своего сам, если не удержит его Дух, ибо не удержим он не по природе, как имеющий непрестанное движение, но от нерадения и рассеянности, которые усвоил себе и к которым привык он от начала. Ибо преступлением заповеди удалились мы от возродившего нас Бога потому, что утратили в своем чувстве

* Так пишет Старец схимонах Василий, спостник и друг блаженной памяти о. Паисия, в предисловии к книге св. Григория Синаита.

умное ощущение Его и соединение с Ним. Лишась этого и удалившись от Бога, ум водится всюду как пленник. И невозможно ему прийти в другое состояние, доколе не покорится Богу и не перейдет под державу Его, доколе не соединится с Ним в веселии, не будет молиться Ему часто и с терпением и умно, на всякий день, во всех грехах исповедоваться пред Ним, отпущающим вскоре все просящим во смирении и сокрушении и непрестанно призывающим Святое имя Его, как говорит Давид: *исповедайтеся Господеви и призывайте имя Его* (Пс. 104, 1). Итак, когда придет действо молитвы, то поистине держит оно его у себя и веселит и не дает ему быть отводиму в плен. Впрочем, бывает, что и в то время, как ум молится и в сердце пребывает, мысль парит и занимается другим. И она никому непослушна, кроме совершенных в Святом Духе, которые достигли непарения о Христе Иисусе.

Из новоначальных никто не может отгнать помыслов, если не отженет Бог; ибо только сильные могут вести с ними брань и прогонять их. Но и они отгоняют их не сами по себе, но воздвигаются на брань против них Богом, быв облечены в Его всеоружие. А ты, когда приходят помыслы, (вместо оружия) призывай Господа Иисуса часто и с терпением,— и они отбегут, ибо от теплоты сердечной, исходящей от молитвы, бегут они, как от огня. Иисусовым именем, говорит Лествичник, бий супостаты, ибо Бог наш есть огнь, поядающий злобу; скорый в помощь Господь не умедлит отмстить за вопиющих к Нему от всей души день и ночь. Не имеющий же действа молитвы побеждает их (помыслы) иным образом, подражая Моисею, ибо, когда он встанет и прострет руки и очи свои к небу, Бог прогоняет их. Потом, седши, таковой опять начинает молитву с терпением, и делает так не только не стяжавший силы молитвы, но и тот, кто имеет действо молитвы против телесных страс-

тей (я разумею леностное уныние и блуд — сии жестокие и самые тяжкие страсти), часто вставая и простирая руки с прошением помощи против них. Но делает он так на краткое время, боясь прелести, и опять садится, чтобы враг, при его взирании вверх, не представил уму его мечты, то есть показав призрак истины. Ибо иметь ум и горе́ и долу, и в сердце и соблюсти его повсюду непогрешительным и невредимым свойственно одним чистым и совершенным.

Итак, одни говорят мало, другие много, а иные вовсе ничего не говорят. А ты не пой много, ибо от того происходит смущение; но и не оставляй пения совсем, опасаясь последующего затем расслабления и нерадения. А подражай поющим мало. Мера всегда прекрасна, по учению мудрых. Много петь принадлежит делательным, чтобы приучить разум к труду, а не безмолвникам, для которых довольно молиться, имея в сердце одного Бога и уклоняясь от помышлений: потому что, как говорит Лествичник,

безмолвие есть отложение помышлений, и чувственных и умных. Ибо ум, истощив всю силу свою в пении, изнемогает и бывает не в состоянии молиться крепко и с терпением. Ночью, говорит Лествичник, давай времени больше молитве, а пению меньше: так делай и ты. Когда увидишь, что во время сидения твоего молитва действует непрестанно в сердце твоем, не оставляй ее и не вставай на пение, доколе, по смотрению Божию, не оставит она тебя. Ибо в таком случае, оставив Бога внутренно, беседуешь с Ним внешно, сошедши от высоких к находящимся долу, потому что возмущаешь свою молитву и нарушаешь тишину ума; а безмолвие, по самому названию, имеет и дело такое, которое совершается в мире и тишине, поелику Бог мир есть, выше всякой молвы и всех воплей. И пение наше, по жительству нашему, должно быть ангельское, а не плотское. Ибо пение гласное есть выражение пения умного и дано нам ради лености и невежества нашего, чтобы воз-

водило нас к истинному. Не знающим молитвы, которая есть источник добродетелей, как пишет Лествичник, должно петь много и без меры, изменяя пение непрестанно, нимало не останавливаясь, доколе, продолжительным и болезненным деланием, не войдут в видение, обретши умную молитву, действующую внутри их. Иное занятие в безмолвии и иное в общежитии; и всякий спасется, пребывая в том житии, в которое кто призван. Но писать боюсь ради немощных, видя тебя среди их. Ибо всякий, трудящийся в молитве понаслышке или по собственному разуму, погибает как не стяжавший наставника. А кто вкусил благодати, должен петь в меру, как учили Отцы, а более трудиться в молитве; разленившись же, должен петь или читать нравственные наставления Отцов. Ибо кораблю не нужны весла, когда ветр надувает паруса — когда Дух подает доброе веяние для преплытия сланаго* моря страстей; а когда стоит, то вле-

* Соленого.— *Ред.*

кут его веслами или ладиями. Если же кто, по любопрительности*, укажет на Святых Отцов или на некоторых здесь, говоря, что они соблюдали всенощное стояние и непрестанно занимались псалмопением,— отвечаем, что не у всех все совершенно, по недостатку тщания и по изнеможению сил, но и малое не всегда мало для великих, и великое у малых не всегда совершенно; у совершенных же все делается легко, ибо не все делатели были одинаковы всегда — ныне и древле, и не все шли одним путем или удержались на нем до конца. Ибо многие от делания пришли в видение и оставили все, субботствуя по духовному закону, и о едином Боге веселились, насытившись Божественною пищею и забыв пение и всякое другое поучение, потому что благодать привела их до времени в исступление, и они отчасти достигли конца желаний, как бы в залоге. Другие спаслись, находясь в делании до кончины и ожидая воздаяния в будущем веке. Некото-

* Склонный к словопрению, спорливости.— *Ред.*

рые получили извещение о спасении своем при смерти, или во свидетельство сего возблагоухали по смерти, имея благодать крещения, как и все, и живя с нею тайно, хотя по причине пленения ума и неведения своего не сподобились особенного действа благодати. Иные благоискусны в том и другом, то есть и в пении и в молитве, и живут так, имея в себе обильную благодать приснодвижущуюся и никогда ни в чем не встречая препятствия. Другие, даже при всей необразованности, до кончины соблюли безмолвие, прекрасно довольствуясь только молитвою и, как одни, с одним Богом соединившись. Совершенные же, как сказали мы, *вся могут о укрепляющем их Христе* (Преподобный Григорий Синаит. О безмолвии и молитве, гл. 3—5).

Божественный Григорий Синаит встретился однажды с блаженным Максимом и, беседуя с ним, между прочим спросил его: молю тя, отче мой честнейший, скажи мне: держишь ли ты умную молитву? Он же, поникнув главою, осклабился

и сказал: не скрою от тебя, честный отец, того чуда, которое совершилось надо мной от Матери Божия. От юности моей имел я великую веру к Госпоже моей, Богоматери, и молился к Ней со слезами, да даст мне сию благодать умной молитвы. Однажды, со слезами пришедши в храм Ее, усердно к Ней молился о сем. И, приступив со страхом лобызать Божественный образ лица Ее, вдруг ощутил в персях моих и в сердце теплоту, которая не жгла внутренности, но паче услаждала и орошала и располагала душу мою к умилению. С этого времени, отец, сердце мое стало внутренно поучаться в молитве и ум услаждаться непрестанною памятию Иисуса моего и Богоматери, и молитва сия никогда не оскудевала в сердце моем. Прости меня.— Божественный Григорий говорит: скажи мне, святой отец, когда совершал ты молитву сию: *Господи Иисусе Христе* и проч., было ли когда в тебе Божественное изменение, или исступление, или некий плод (молитвы) и Святаго

Духа? — Божественный Максим сказал: для этого отходил я в пустынное место и непрестанно искал безмолвия, чтобы обресть плод молитвы явный и богатый, который есть Божественное рачение и восхищение ума ко Господу.— Святой Григорий говорит: молю тебя, отче, скажи мне, приобрел ли ты это, о чем сказал? — Божественный Максим, опять поникнув главою, осклабился и сказал: дай мне есть, и не испытывай прелести.— Тогда говорит ему божественный Григорий: о если бы и я впал в такую прелесть, святой отец! Но, молю тебя, скажи мне ясно: во время молитвы, когда ум восхитится к Богу, что ты видишь умными очами? Можешь ли тогда с сердцем возносить молитву? — Святой Максим отвечал: никак; но, когда благодать Святаго Духа придет в молитве и овладеет умом, тогда молитва прекращается, потому что умом овладевает нисшедший на него Святой Дух и ум не может напрягать сил своих, но бывает празден и последует только Духу Святому,

куда ни поведет Он его — в невещественный ли воздух Божественного и неизреченного света, или в другое созерцание восторженное и несказанное, или в беседу божественную. То есть Утешитель Дух Святой подает утешение каждому по достоинству самовластно, якоже хощет. И это, о чем говорю я, можно видеть ясно в Пророках и Апостолах, сподобившихся зреть толикия видения, хотя люди и ругались над ними и считали их прельстившимися и пьяными. Так Исаия говорит: *видех Господа на престоле высоце и превознесенне, и серафими окрест Его предстоящия* (см.: Ис. 6, 1, 2). Стефан же первомученик видел небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога (Деян. 7, 56). Таким же образом и ныне рабы Христовы сподобляются зреть различные видения, которым иные не веруют и никак не признают за истинные, но считают за прелесть и видящих оные называют прельстившимися. Много удивляюсь, как ослепленные в душе не веруют благодати

Духа, древле предвозвещенной Иоилем, который от лица Божия сказал: *излию от Духа Моего на всяку плоть, и прорекут* (Иоил. 2, 28). Христос и ныне всегда подает ее и будет подавать даже до скончания века, по обетованию Своему, всем верным рабам Своим. Благодать сия показывает уму не что-либо обыкновенное, или чувственное, принадлежащее к миру сему, но тайноводствует его к тому, чего прежде никогда не видал он и не воображал. Тогда таинственно научается он таинствам высоким и сокровенным, которых, по учению божественного Павла, ни око человеческое видеть, ни ум постигнуть сам собою не может. А чтобы знать тебе, как видит их ум наш, внимай, что я скажу тебе: воск, когда лежит далеко от огня, жесток, и его можно брать руками; но если положить его в огонь, растопляется, возжигается и горит, делается весь светом и таким образом распускается в сем пламени,— и ему невозможно не растопиться в пламени и не сделаться, как вода:

так и ум человека, оставаясь один, вне соединения с Господом, рассуждает по силам своим; когда же присоединится к огню Божества и к Духу Святому, тогда весь овладевается оным Божественным светом и весь соделывается светом, возгорается пламенем Всесвятаго Духа, и в сем пламени Божества невозможно ему мыслить о своем и о том, о чем хотел бы.— Тогда божественный Григорий говорит ему: бывают подобные действия и от прелести.— Великий Максим отвечал: особенные признаки прелести и особенные — благодати. Лукавый дух прелести, приблизившись, смешивает ум и делает его свиреповидным, ожесточает и помрачает сердце, производит боязнь и страх и возношение, рассвирепляет очи, возмущает мозг, во всем теле возбуждает трепет, представляет глазам мечтательный свет — несветлый и нечистый, но красноватый, делает ум исступленным и беснующимся, побуждает и язык произносить речи нелепые и хульные. И кто видит сего духа прелести,

тот сильно неистовится и гневается; в том нимало нет благовония смирения или молитвы и слезы истинной; но непрестанно хвалится он своими добродетелями и тщеславится, и всегда бесстрашно приобщается страстям своим, наконец совсем исступает из ума и приходит к совершенной погибели. Да избавимся сей прелести твоими молитвами ко Господу! Признаки же благодати таковы: Дух Святой, пришедши, собирает ум, соделывая его внимательным и смиренным, научает его постоянно иметь память о смерти, о своих грехах и о вечном мучении, душу делает благоумиленною и плачущею, а очи исполняет кротостию и слезами. И как скоро приближается Он к человеку, смиряет душу и утешает святыми страданиями Господа нашего Иисуса Христа и безмерным Его человеколюбием, и подает уму высокие и непрелестные видения. И тогда ум от Божественного оного света приходит в восторг, и просвещается просвещением Божественного ведения, сердце становится тихооб-

разно, источая плоды Божественного Духа — радость, мир, долготерпение, благость, милосердие и всесодержащее христоподражательное смирение,— и душа его приходит в неизреченное веселие.— Слыша сие, святой Григорий пришел в исступление, и дивился тому, что говорит божественный Максим, и называл его уже не человеком, но земным ангелом (Из жития преподобного Максима. См.: Добротолюбие, ч. 1).

Внимай, я хочу показать тебе, как предохраняться от прелести, чтобы, действуя в неведении, не получить большого вреда и не погубить души; потому что свободная воля человека весьма удобопреклонна к сообщению с сопротивными силами, особенно же у неискусных, на которых они наипаче действуют, ибо бесы находятся близ и вокруг новоначальных и самочинных, распростирая сети помыслов и уготовляя рвы падений и пагубу мечтаний, потому что град их (неискусных) находится под властию варваров. И нечего дивиться, если

прельстился кто или исступил из ума, если принял или принимает прелесть, или видит противное истине, или говорит недолжное по неискусству и неразумению. Ибо часто иной, говоря о истине и по невежеству, без сознания, высказывая одно вместо другого, не умеет объяснить дела, как оно есть, и многих приводит в ужас и своими неразумными речами подвергает поношению и смеху безмолвствующих. Новоначальному немудрено прельститься и после многих трудов. Случалось это со многими, ищущими Бога, и в нынешние и в древние времена. Ибо память о Боге, то есть умная молитва, выше всех делании; она есть и глава добродетелей, также как и любовь Божия. И кто хочет внити к Богу с бесстудною дерзостию и исповедать Его чисто и силится содержать Его в себе, таковой легко умерщвляется самими бесами, если то есть покусится на это. Ибо, кто ищет сего смело и дерзко, свыше устроения своего, тот понуждается гордостию достигнуть этого прежде

времени. Но благоутробный Господь часто, видя нас дерзающими на высокое, не попускает нам впасть в искушение, чтобы всякий, поняв свое о себе самомнение, вразумился прежде, нежели соделается посмешищем и поруганием для бесов или предметом плача для людей. Напротив, сие чудное дело успешно бывает для ищущего с терпением и со смирением, наипаче же с повиновением и вопрошением искусных, чтобы вместо пшеницы не пожать терния, и вместо сладости не обресть горести, и вместо спасения — погибели. Ибо непрестанно противоборствовать бесам и всегда простирать на них меч духовный, иже есть глагол Божий, свойственно сильным и совершенным. Немощные же и новоначальные, с благоговением и страхом употребляя бегство, как твердыню, и отказываясь от брани, как несмеющие ратовать прежде времени, убегают от смерти. А ты, если хорошо безмолвствуешь и думаешь быть с Богом, никогда не верь, если что увидишь чувственно или мыс-

ленно, вне или внутрь себя, мечтается ли тебе или воображается образ Христов или зрак ангела или святого, потому что ум и сам собою, по природе, имеет способность мечтательную и легко может представлять без осторожности внимающим сему зраки, каких желает, и сам себе наносит вред; кроме того, и самое воспоминание о предметах благих или злых обыкновенно побуждает чувство ума составлять образы и возводит к мечтанию. И тогда таковой бывает мечтатель, а не безмолвник. Посему внимай, что не должно верить скоро чему-либо, хотя бы это что-либо было и хорошее, без предварительного вопрошения искусных и без долгого испытания, дабы не потерпеть вреда, соблюдая ум свой без образов, без видений и мечтаний. Ибо многие обратили себе во вред и то, что посылал им Бог для искуса, ради венца, поелику Господь хощет испытывать ум наш, куда преклоняется он. И увидевший что-либо в мысли или в чувстве, хотя бы это было от Бога, если поверит

сему, не вопросив ведущих, легко прельщается или может прельститься по своей удобопреклонности. Новоначальный должен внимать только сердечному деланию, потому что оно не подлежит прелести, а ничего более не принимать, доколе не утихнут страсти. Ибо Бог не прогневляется на того, кто с осторожностию внимает себе, опасаясь прелести, без вопрошения не примет и того, что от Него бывает, но похваляет как мудрого, хотя, впрочем, на некоторых и гневался. Но не всех вопрошать должно, а одного, кому вверено управление другими и житием сияющего, следовательно *нищаго, но многих богатящаго*, по Писанию (см.: 2 Кор. 6, 10), ибо неискусные причинили вред многим нерассудительным, за которых и дадут они ответ по смерти. Учить других не всем принадлежит, а только тем, кому, по слову Апостола, дано Божественное *разсуждение духовом* (1 Кор. 12, 10), отделяющее худшее от лучшего мечом слова. Каждый имеет свое разумение и рассуждение естествен-

ное — деятельное, или художественное, но не все — духовное. Посему сказал Премудрый сын Сирахов: *советницы же твои един от тысящ* (Сир. 6, 6). Не легко приобресть и наставника, не могущего прельститься и в делах, и в словах, и в разумении. Не могущий прельстить-ся виден бывает потому, когда кто имеет, Божественным Писанием свидетель-ствованное, и деяние и рассуждение, смиренномудрствуя в том, о чем подобает мудрствовати. Немалого труда требуется постигать истину ясно и быть чисту от противного благодати, потому что диавол (особенно в рассуждении новоначальных) обыкновенно показывает свою прелесть в образе истины, преобразуя свое злое в духовное. Посему желающий в безмолвии достигнуть чистой молитвы должен с великим трепетом и плачем чрез вопрошение искусных руководиться их наставлением, непрестанно плакать о грехах своих, болезнуя и боясь, чтобы каким-нибудь образом не обмануться или не отпасть от Бога и

не отлучиться от Него и в сем и в будущем веке. Итак, когда диавол увидит кого живущего в плаче, не остается там, боясь происходящего от плача смирения. Если же кто, по самомнению, мечтает достигнуть высокого, имея желание сатанинское, а не истинное, то его легко связывает диавол сетями своими, как раба своего. И потому велико оружие — иметь в молитве и плач, чтобы не впасть в самомнение от радости молитвы; но, предпочитая радостопечалие, соблюсти себя от вреда. Ибо непрелестная молитва, теплота с молитвою Иисусовою, которая влагает огнь в землю сердца нашего, попаляет страсти, как терние, и производит в душе тихость и веселие, не приходит ни от десной, ни от шуией страны или сверху, но в сердце открывается, как источник воды, от животворящего Духа. И одну сию молитву возлюби в сердце своем и возжелай обрести и стяжать, соблюдая ум непрестанно немечтательным, без умствований и помышлений,— и не бойся. Ибо, Кто

сказал: *дерзайте: Аз есмь, не бойтеся* (Мк. 6, 50),— и Кого мы ищем, с нами находится, всегда защищая нас; и мы не должны бояться и, призывая Бога, воздыхать. Если же некоторые и пострадали, повредившись в уме, то знай, что они потерпели это от самочиния и высокомудрия. Ибо ищущий Бога в повиновении, с вопрошением и смиренномудрием не потерпит вреда никогда, по благодати Христа, хотящего всем человекам спастися. А если и случится искушение, то для испытания и венца, потому что скоро за ним последует помощь от попущающего Бога, имиже весть судьбами. Ибо живущий праведно и непорочно и удаляющийся от человекоугодия и высокомудрия, хотя бы весь бесовский полк воздвиг на него бесчисленные искушения, не потерпит вреда, как говорят Отцы. А ходящие дерзостно и самочинно легко терпят и вред. Посему безмолвствующий должен держаться Царского пути, ибо за отступлением от него легко следует самомнение, за

которым идет прелесть. Удерживай же и дыхание ума, смежив немного в молитве уста, а не дыхание ноздренное, как делают не научившиеся, дабы от надмения не потерпеть вреда. Три добродетели безмолвия должно соблюдать с опасством, и ежечасно испытывать, пребываем ли мы в них постоянно, чтобы нам, окрадываемым от забвения, не остаться без них. Это суть воздержание, молчание и самоукорение, то есть смирение. Они объемлют собою все прочие добродетели и одна другой помогают; от них и молитва рождается и возрастает постоянно.

Что делать, когда бес преобразуется в ангела светлого и прельщает человека?

От человека требуется много рассуждения, чтобы уметь различить между добром и злом. Не скоро вдавайся являемому, по легкомыслию, но будь постоянен и со многим испытанием удерживай доброе, лукавое же отметай (см.: 1 Сол. 5, 21), ибо должен ты испытывать и рассуждать, и тогда уже верить. Итак,

знай, что действия благодати, которых бес, если и преобразуется, подать не может, суть: кротость, тихость, смирение, презрение мира, утоление похотей и страстей; а действие врага есть надмение, высокомудрие, страхование и всякое зло. Из действий можешь узнать воссиявший в душе твоей свет, Божий ли есть или сатанин. Фридакс (салат латук) по виду похож на горчицу, и уксус, по наружности, подобен вину, но посредством вкушения гортань распознает и различает их. Так и душа, имеющая рассуждение, умным чувством узнает дарования Духа Святаго и мечтания от сатаны (Преподобный Григорий Синаит. О безмолвии и молитве, гл. 7).

Когда ум наш начнет ощущать утешение от Всесвятаго Духа, тогда и сатана утешает душу мнимоприятным некоторым ощущением во время ночной тишины, в минуту, когда человек погружается как бы в самый легкий сон. Итак, если ум в сие время будет иметь живое памятование о Святом имени Господа Иисуса

и противу прелести употребит вместо оружия сие всесвятое и славное имя, то коварный обольститель удаляется тогда, но после вступает в непримиримую брань с душою. Ум, верно познавая из сего прелесть лукавого, приобретает большую опытность в различении.

Благое утешение бывает или при бодрственном состоянии тела, или в то время, когда оно почти готово погрузиться в сон, — когда кто теплым памятованием о Боге как бы связал себя с любовию к Нему. Напротив, ложное утешение всегда бывает тогда, когда подвижник, при непосредственном памятовании о Боге, находится, как я сказал, в каком-то легком сне. Ибо первое, как происходящее от Бога, хочет воззывать к любви души подвижников благочестия явно — при обильном излиянии души. Второе, напротив, поелику всегда обвевает душу ветром какого-то прельщения, старается похитить чрез сон телесный опытность чувства у ума, имеющего здравое памятование о Боге. Итак, если ум, как я

сказал, будет в то время внимательно памятовать о Господе Иисусе, то рассеивает оное мнимоприятное веяние врага, с радостию вступает с ним в брань, и впоследствии славная опытность служит ему твердым после благодати оружием.

Если душа без сомнений и мечтаний воспламеняется любовию к Богу, как бы увлекая за собою и самое тело во глубину сей неизреченной любви,— в бодрственном ли то состоянии или, как я сказал, когда управляемый святою благодатию склоняется ко сну,— и если она тогда совершенно ни о чем другом не размышляет, как только о том, к чему стремится, то надобно знать, что действует в ней Святой Дух. Ибо она, вся услаждаясь оною неизреченною сладостию, ни о чем другом тогда не может мыслить, поелику радуется какою-то неослабною радостию. Если же ум во время сего действа предается сомнению или займется нечистою какою-либо мыслию, хотя и будет употреблять Святое имя к отгнанию зла, а не к возбуждению

в себе только любви к Богу, то надобно разуметь, что оное утешение происходит от обольстителя и имеет только вид радости. Ибо вся сия радость бездейственна и не тверда и происходит от врага, который старается растлить душу, когда усматривает, что ум отличается верностию и опытностию своего чувства. Тогда он утешает душу какими-то, как я сказал, благовидными утешениями, дабы она, наполнив себя сею слабою и влажною сладостию, не могла заметить смешения с нею коварного. Итак, вот признаки, по которым мы можем узнавать духа истины и духа лестча*. Подлинно никому не можно вкушать чувством Божественной благости или чувственно испытать горечь от демонов, если кто не убедит себя в том, что благодать вселяется во глубине ума, а лукавые духи живут в членах сердца. Демоны никогда не хотят, чтобы люди сему верили, дабы ум, точно зная сие, не вооружался против них памятованием о Боге (Блажен-

* Обманчивого, обольстительного.— *Ред.*

ный Диадох. Слова постнические, гл. 31, 32, 33). В теле подвизающегося и внимающего молитве прежде всего начинаются какие-то движения, как бы взыграния, под кожею, почитаемые некоторыми за прелесть. Возбуждается иногда теплота от чресл, как бы опоясующая их; и сие считают прелестью. Но это не прелесть, а дело естественное, происходящее от подвига. Если кто считает это за действие благодати, а не за действие естественное, то это поистине прелесть. Подвизающемуся не должно любить ни той, ни другой, но должно отражать их. Есть еще теплота, исходящая из сердца; и если при ней ум склоняется в блудные помыслы, то она подлинно есть прелесть. Если же от сердца все тело растеплевается и ум остается чист и бесстрастен и как бы прилеплен во внутреннейшей глубине сердца, то это есть подлинно действие благодати, а не прелести. Иногда бывает, что у испытывающего это от большой теплоты в теле бывает и пот; и тогда движется от сердца святое дей-

ство, которое подъемлет ум, как некий лист, от сердца и движет из внутренностей, так что он, как бы прильпнув к сему Божественному действу, часто вопиет: Иисусе мой, Иисусе мой! — и не может выговаривать всего: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя*, по причине частых отверзений сердца, но говорит только: Иисусе мой! А те, которые говорят, что в таковом устроении совершают они всю молитву, прельщаются, ибо когда ум, как сказали мы, прилепится Божественному действу, погрузившись внутрь сердца, не может говорить более, как только: Иисусе мой! Тогда от сей святой молитвы возбуждается и восторг с великим утешением, рождающимся от святого действа. Тогда льется и истекает от сердца и слеза, усладительнейше текущая из очей. И это есть радостопечалие. Тогда и сердце кипит от оного сильного священного действа, и все тело разгорячается. Ум же в восторге (в ужасе) вопиет: Господи, помилуй! И как елей, сильным огнем ра-

зогреваемый в полном сосуде, от сильного кипения изливается вон, так бывает и с сердцем — когда воскипит оно от Божественного действа, разливает и в теле теплоту и распаляет его. Испытывающий сие чувствует тогда, что внутренности его как бы исскачут вон. Бывает, что в находящемся в таковом состоянии совершаются некоторые и другие дивные вещи: внутрь себя видит он озарение, освещающее его паче солнца и от сердца разливающее свет. Внутрь сердца совершаются тогда и другие таинства, которых нельзя и писанию предать. Ибо ум видит всю тварь и, от движения святого действа и от созерцания Божественных таинств пришедши в ужас, из глубины сердца воссылает славословия, которых на письме изъяснить не могу. Ибо тогда весь человек обожается Божественным оным движением и бывает вне всего вещественного и чувственного. Приходит в неудержимую радость, как упоенный многим вином. Потом восхищается в Божественные видения и видит

страшные таинства, которых описать не могу, ибо ум видит видения Божественные и вместе наслаждения праведных и райские красоты. И, поколику человек очищается от прилогов вражеских, потолику видит все более и более, как подает ему Всесвятой Дух (Каллист, патриарх Константинопольский. Образ внимания молитвы).

Кто объяснит сладость меда не вкусившим его? Но несравненно более невозможно объяснить сладость Божественную и веселие преестественное и жизноточное, от сердечной, чистой и истинной молитвы источающееся и непрестанным потоком льющееся, как учит Богочеловек Иисус: *иже пиет от воды, юже Аз дам ему... будет в нем источник воды текущия в живот вечный* (Ин. 4, 14); и еще: *аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пиет: веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы. Сие же рече о Дусе*, говорит Наперсник, *Егоже хотяху приимати верующии во имя Его* (Ин. 7, 37

и далее); и великий Павел: *посла Бог Духа Сына Своего в сердца ваша, вопиюща: Авва Отче* (Гал. 4, 6). Сия сладость преестественная и жизноточная есть и существенное сияние и паче света мрак и красота недомыслимая и желание крайнейшее, зрение и Боговидение и обожение. Так она таинственно названа древними: потому что остается необъяснимою — и после того, как сказано будет что-нибудь в ее объяснение, и неведомою — и после того, как несколько уведается, и непостижимою — и после того, как будет несколько постигнута. Дионисий Великий говорит: мы желаем прийти в сей превысший света мрак, и невидением и неразумением увидеть и уразуметь Того, Кто выше видения и разумения, увидеть тем самым, чтобы не видеть и не разуметь: ибо это и есть истинно видеть и разуметь и пресущественно воспевать Пресущественного, чрез устранение из мыслей всего сущего. Также Божественный мрак есть неприступный свет, в котором, по словам Писания (см.:

1 Тим. 6, 16), живет Бог; и поелику Он от чрезмерного сияния невидим и от преизбытка пресущественной светлости неприступен, то и приходит к Нему только тот, кто удостоивается знать и видеть Бога тем самым, чтоб не видеть Его и не обнимать разумением, и кто, истинно обретаясь в Нем, сущем выше видения и разумения, познает, что Он выше всего чувственного и мыслимого. И Василий Великий: подлинно неизреченны и неисповедимы сияния Божественной красоты; не может их ни слово изобразить, ни слух принять. Если представишь и сияние денницы, и светлость луны, и даже свет солнца,— все это ниже подобия славы Божественной и в сравнении с истинным светом еще недостаточнее, нежели глубокая ночь и густая тьма в сравнении с яснейшим полуднем. Сия красота для плотских очей невидима и постигается только душою и мыслию, и если кого из святых осияла она, то оставила в них нестерпимое жало любви, так что они, сетуя на здешнюю

жизнь, говорили: *увы мне, яко пришелствие мое продолжися* (Пс. 119, 5)! Также: *возжада душа моя к Богу крепкому, живому: когда прииду и явлюся лицу Божию?* (Пс. 41, 3). И: *еже разрешитися и со Христом быти, много паче лучше* (Флп. 1, 23); и: *ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, с миром* (Лк. 2, 29),— здешнюю жизнь почитая темницею. Они, не могши насытиться видением красоты Божественной, молились, чтобы это видение светлости Господней продолжилось во всю вечную жизнь. И Богослов: где страх, там соблюдение заповедей; а где соблюдение заповедей, там очищение плоти от застеняющего душу облака, не дающего ей ясно видеть божественный луч; а где очищение, там осияние; а где осияние, там исполнение величайших желаний для тех, кто желает величайшего, что превыше всего великого. И божественный Григорий Нисский: если добрым житием очистишь наросшую на сердце твоем скверну, то воссияет тебе опять Боговидная красота,

как бывает на железе: ибо, когда оселком снята будет с него ржавчина, тогда оно, быв до сего черно, издает блеск, испущая из себя пред солнцем некоторое сияние. Так и внутренний человек, которого Господь называет сердцем, когда соскоблит ржавую нечистоту, образовавшуюся на нем от зловредной и гнилой влаги, опять примет началообразное подобие и становится благим, потому что за благом всегда следует подобное благо. И святой Нил: блажен, кто достиг неразумия, неразлучного с молитвою. И Лествичник: «Бездна плача узрит утешение, чистота сердца приимет просвещение; просвещение же есть неизреченное действо, видимое невидимо и разумеваемое недоведомо». Посему преблаженны, подобно древней Марии, избравшие благую часть и жительство духовное и неотъемлемое и сподобившиеся того благого богоподобного жребия, что в великой и восторженной радости могут с божественным Павлом явно и ужасаться и вместе взывать: *егда же благодать и*

человеколюбие явися Спаса нашего Бога, не от дел праведных, ихже сотворихом мы, но по Своей Его милости, спасе нас банею пакибытия и обновлением Духа Святаго, Егоже излия на нас обилно Иисус Христом, Спасителем нашим, да оправдившеся благодатию Его, наследницы будем по упованию жизни вечныя (Тит. 3, 4—7); и еще: *помазав нас и запечатлев, и дав обручение Духа в сердца наша* (см.: 2 Кор. 1, 21); и: *имамы же сокровище сие в скудельных сосудех, да премножество силы будет Божия, а не от нас* (2 Кор. 4, 7). Они так чувствовали: да сподобимся же и мы их богоугодными к Господу молитвами соделаться отчасти подобными им, милостию и благодатию Божиею (Праведные Каллист и Игнатий. Гл. 75, 76).

Душеполезная повесть

В наше время жил в Константинополе один молодой человек, лет двадцати, по имени Георгий. Лицом был он весьма

пригож и имел вообще такую наружность, что многие были дурного мнения о нем, особенно те, которые, смотря только на внешность человека, осуждают всякого, не зная внутреннего состояния, и становятся судиями других безрассудными. Этот юноша познакомился с некоторым иноком, мужем благочестивым, который жил в одном из константинопольских монастырей. Открывая ему все тайны сердца своего, сказал он между прочим, что желает спастись и имеет крепкое намерение выйти из мира и быть иноком. Честный Старец похвалил его таковое намерение и, сделав ему нужное наставление, дал прочесть книгу святого Марка Подвижника *о Законе духовном*. Юноша взял книгу с такою любовию и с таким благоговением, как бы она была послана ему от Бога,— и с такою верою, что надеялся непременно получить от нее величайшую пользу.

Пришедши домой, он тотчас начал читать ее с великим вниманием, и прочитал ее всю с глубоким благоговением три

и четыре раза, и не выпускал из рук дотоле, пока не получил от нее великой пользы, как надеялся. Впрочем, преимущественно избрал в ней три правила, напечатлел оные на сердце своем и поставил себе за непременную обязанность выполнить их самым делом и соблюсти со всею точностию. В первом правиле сказано: если хочешь найти исцеление души твоей, то нужно тебе иметь великое старание и попечение хорошо хранить совесть свою, чтобы она ни в чем не обличала тебя; и, что́ совесть твоя называет тебе добром, все то делай, не отягчайся, но делай, — и тогда найдешь великую пользу. В другом правиле сказано: кто желает получить дары Святаго Духа прежде исполнения заповедей Божиих, тот подобен купленному рабу, который просит у господина своего свободы в тот самый час, как господин отдает цену в уплату за него. В третьем правиле сказано: кто молится устами, но не стяжал еще разума духовного и не умеет молиться умом, подобен тому слепому,

который взывал: *сыне Давидов, помилуй мя!* Но кто стяжал разум духовный и молится умом и отверз очи души своей, тот подобен тому же слепому, когда исцелил его Господь от слепоты, когда получил он свет очей своих и увидел Господа и уже не называл Его сыном Давидовым, но исповедал Сыном Божиим и поклонился Ему, как надлежало. Сии три правила очень полюбил тот юноша, имел великое к ним благоговение, твердо убежден был в душе своей и несомненно верил, что, если будет хорошо внимать совести своей, как говорит святой Марк, приобретет великую пользу; что, если будет хранить заповеди Божии, насладится дарами и силою Святаго Духа; и наконец благодатию Святаго Духа сподобится отверсть очи души своей и видеть мысленно Господа.

Когда таким образом он надеялся, что может увидеть неизреченную красоту Господню, сердце его уязвилось любовию к сей красоте и возбудилось в нем сильное стремление к ней. И он ничего

более не делал, как после уверял меня с клятвою, кроме того только, что каждый вечер, отходя ко сну, творил прежде молитву и полагал поклоны, заповеданные ему Святым Старцем; потом ложился на одр. По прошествии некоторого времени, в один вечер, когда тщательно внимал он совести своей, по правилу оного Старца, совесть говорит ему, чтобы сотворил он и другую молитву, и другие поклоны и говорил: *Господи Иисусе Христе, помилуй мя* многократно, сколько может. С великим усердием повинуясь сему гласу совести, без всякого сомнения начал Георгий исполнять это, веруя, что Сам Бог повелевал ему сие делать. И после того он уже не ложился спать, пока не сотворит того, что по внушению совести мог сделать.

Когда он таким образом повиновался совести своей и постоянно просвещался ею, при внушении ее, чтобы он упражнялся в этом более и более, в короткое время так усилилось в нем расположение к молитве, что он совершал ее, как ска-

зали мы, каждый вечер. Поелику днем не имел он свободного времени молиться, так как управлял всем домом великого некоего князя, где имел много занятий и дел и, кроме того, каждый день ходил в царские палаты, и не оставалось ему времени молиться днем, — то молился, как сказали мы, по вечерам, когда отходил ко сну.

Сердце его начало согреваться и приходить в умиление; стал он проливать обильные слезы, творить частые коленопреклонения и говорить многие молитвы к Богоматери с воздыханием и болезнию сердечною. И, помышляя, что телесно стоит пред Господом, припадал к пречистым ногам Его и молил Его со слезами, да умилосердится над ним, как над тем слепым, о котором говорит Святое Евангелие, и да дарует свет очам души его. Со дня на день его расположение к молитве, которую совершал он каждый вечер, так усиливалось, что продолжал он ее до полуночи, и, когда молился, стоял неподвижно, как некий

столп, совершенно не двигая ни ногами своими, ни другой какой-либо частию тела своего, и не обращал очей своих туда или сюда, чтобы посмотреть на что; но стоял с великим страхом и трепетом, без всякой дремоты, без скуки и без лености.

В один вечер, когда молился он и мысленно говорил умом своим: Боже, милостив буди мне, грешному,— внезапно озарило его некое божественное осияние,— и юноша оный, то есть Георгий, исполнился света и пришел в исступление, забыл самого себя, и не знал, в храмине ли находится, потому что всюду видит свет, и, будучи вне себя, не понимал, на земле ли он стоит или на воздухе. Совершенно не имел никакой мысли о телесном и мирском, но вовсе забыл весь мир, весь изменился, соединился с Божественным оным светом; и ему казалось, что и сам он соделался светом; весь исполнился слез и радости неизреченной. Потом ум его восхищен был на небо, и там видел он свет гораздо

светлейший, и в оном свете узрел стоящего Старца, который, как сказали мы, дал ему книгу аввы Марка и правило, которое содержал он.

Услышав сие от юноши, я уразумел, что в сем случае весьма много действовала молитва Святого Старца, и Бог устроил так для того, чтобы показать юноше, какой высокой добродетели достиг сей Святой Старец, которого видел он стоящим в оном свете.

Когда видение кончилось и юноша опять пришел в себя, тогда исполнился он, как сам говорил, радости и ужаса, проливал сердечные слезы и с сими слезами вместе ощущал в сердце своем великую сладость. Потом лег он на одр, чтобы немного уснуть, но тотчас возгласил петел*, и тут же начали благовестить при церквах к утрене. Юноша встал, чтобы по своему обыкновению прочитать утреню: и в ночь эту вовсе не спал, и сон совершенно не приходил ему и на мысль.

---

* Петух.— *Ред.*

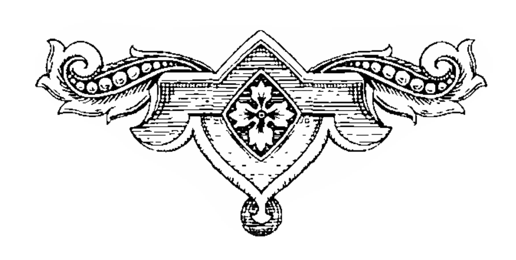
Об этом рассказал мне сам юноша и уверял, что ничего более не сделал, кроме того, что слышали вы, то есть имел он только веру и несомненное упование, и чрез это сподобился узреть таковое видение. И никто не говори, что он рассказывал это по тщеславию, потому что, как он признавался, никогда и не думал искать славы, а имел несомненную веру, по которой, отвергши всякий плотский и мирской помысл, имел столь великое тщание хранить совесть свою и исполнять внушаемое совестию, что ко всему мирскому был как бы бесчувственным и даже не имел желания ни пить, ни есть, так что часто пребывал в посте.

Слышите ли, возлюбленные братия, какие дела совершает вера и какую имеет она силу, когда утверждается благими делами? Познали ль, что и юность нимало не вредит нам, и старость не пользует, если нет в нас страха Божия? Теперь уразумели ль, что жизнь в мире и в городе не препятствует нам исполнять заповеди Божии, если имеем усердие?

Равно и удаление от мира и уединение бесполезны для нас, если пребываем в лености и нерадении? Все мы знаем, что у Давида, при толиких попечениях и при управлении царством, ум весь погружен был в Боге, и, удивляясь сему, говорим, что не было подобного Давиду. Но вот с сим юношею было нечто большее, нежели с Давидом, потому что Давид призван был Самим Богом, помазан в Пророка и царя и получил благодать Святаго Духа. И если он, согрешив пред Богом, лишась благодати Святаго Духа и достоинства пророческого и удаляясь от соединения с Богом, после опять пришел в чувство и, помыслив о тех благах, которые имел и утратил, старался опять обрести оные,— что в этом удивительного? Удивительно и достохвально то, что сей двадцатилетний юноша, совершенно преданный мирским вещам, которого ум пригвожден был к этому привременному и ни о чем высшем никогда не помышлял, лишь только несколько слов услышал от оного Святого Старца и прочитал

три главы аввы Марка, тотчас уверовал, нимало не сумневаясь в написанном, и исполнил то делом с твердым упованием; и этим малым делом сподобился восхищения ума на небо, преклонил Богоматерь к милосердию, и Ее ходатайством пред Богом соделался столь любезен Ему, что Бог свыше ниспослал ему Свой Божественный свет и благодать Всесвятаго Духа, могущую укрепить его в достижении блаженства и наслаждения тем светом, которого многие желают, но немногие сподобляются. Кроме того, сей блаженный юноша Георгий ни постился многие годы, ни проводил ночей во бдении, ни других пустыннических подвигов не проходил, на земле никогда не спал, и власяницы не носил, и монахом не был, и из мира не выходил телесно, но только кратковременным бдением и молитвою соделался земным ангелом и человеком небесным. Был он человек по виду, и бесплотный по уму, вещественный и невещественный, для всех видимый и пребывающий един с единым

Богом Всеведущим. Почему и сподобился видеть оный сладчайший свет мысленного Солнца правды. И достойно, потому что его любовь и стремление к Богу соделали то, что духовно был он вне мира, забыл мир и плоть и все суетные вещи мира, всецело прилепился к Богу и таким образом весь соделался духовным, весь светом, узрел таковое видение и насладился такою сладостию. Наипаче же достойно внимания то, что жил он в городе, и в таком городе, где пребывал в царских палатах и имел притом в доме вельможи начальство над многими невольниками и другими служителями, и исправлял важную и многоразличную службу (Симеон Новый Богослов. Слово о вере).

Молитва о молитве

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Даждь ми Дух молитвы! Молиться хочу, но не могу собрать мыслей, не могу сосредоточить внимание в одном предмете молитвы, не могу успокоить волнующуюся душу, не могу ослабить напряженных и непрестанно в большее напряжение приходящих греховных, суетных представлений. Чувствую темноту в душе, тягость на сердце; нет утешения, нет радости, нет слез. Суетные предметы житейских обязанностей и грехи, как

стена, стоят пред очами моими и препятствуют свободно беседовать с Господом.

Вседержителю Боже, пославый некогда Ангела отвалить камень, лежавший у гроба Спасителя Бога нашего, посли того же Ангела, да отвалит тягость, лежащую на сердце моем, вмещающем образ и подобие Твое.

Воскрес Спаситель от гроба, да воскреснут и силы сокровенные в душе моей, составляющие образ Твой! Сам Воскресший Христос да сотворит во мне обитель Свою. Он Источник всякого блага, Он Источник и молитвы; тогда я буду молиться внимательно, благоговейно, свободно, умиленно, радостно, охотно, с жаждою, с благою ненасытимостью, когда Сам Христос будет во мне жить и учить, как должно молиться. Он Сам благоволил сказать: *без Мене не можете ничесоже творити.*

О, Господи! паки повторяю, даждь мне и побуждения, и средства, и силы к молитве и саму молитву. Аминь.

БЕСЕДА О ЦЕЛИ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

Н. А. Мотовилов, исцеленный преподобным Серафимом от тяжкой болезни, до последних дней жизни Старца усердно посещал его и заботился о сохранении его заветов. В 1902 году духовный писатель Сергей Нилус получил от вдовы Мотовилова короб бумаг, оставшихся ей от покойного мужа. Среди них оказались записи о беседах старца Серафима о благодати Духа Святаго.

Записки были напечатаны в «Московских ведомостях» в 1903 году, почти одновременно с открытием мощей преподобного Серафима.

Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит...

Ин. 14, 12

I. Приглашение

— Однажды, — пишет в своих записках Мотовилов, — это было в Саровской пустыни, вскоре после исцеления моего, в начале зимы 1831 года, во вторник конца ноября, я стоял во время вечерни в теплом соборе Живоносного Источни-

---

Печатается по изданию: С. А. Нилус «Великое в малом». Троице-Сергиева Лавра, 1911.

ка на обыкновенном, как и потом всегда бывало, месте моем, прямо против чудотворной иконы Божией Матери. Тут подошла ко мне одна из сестер мельничной* общины Дивеевской. О названии и существовании этой общины, отдельной от другой церковной, тоже Дивеевской, общины, я не имел тогда еще никакого понятия. Эта сестра сказала мне:

— Ты, что ли, хроменький барин, которого исцелил вот недавно наш батюшка, отец Серафим?

Я отвечал, что это именно я и есть.

— Ну, так,— сказала она,— иди к батюшке, он велел позвать тебя к себе. Он теперь в келье своей в монастыре и сказал, что будет ждать тебя.

Люди, хоть раз при жизни великого старца Серафима бывшие в Саровской пустыни и хоть только слышавшие о

---

* При Дивеевской общине в начале ее существования о. Серафим велел устроить ветряную мельницу, чтобы сестры при бедности своей могли бы кормиться от своих трудов. От этой мельницы получила название «мельничной» та часть обители, в которую, по завету Старца, должны были приниматься одни лишь девицы.

нем, могут постигнуть вполне, какою неизъяснимою радостью наполнилась душа моя при этом нечаянном зове его. Оставив слушание Божественной службы, я немедленно побежал к нему, в келлию его. Батюшка отец Серафим встретил меня в самих дверях сеней своих и сказал мне:

— Я ждал ваше боголюбие! И вот только немного повремените, пока я поговорю с сиротами моими. Я имею много и с вами побеседовать. Садитесь вот здесь!

При этих словах он указал мне на лесенку с приступками, сделанную, вероятно, для закрывания труб печных и поставленную против печки его, устьем в сени, как и во всех двойных келлиях саровских устроенной. Я сел было на нижнюю ступеньку, но он сказал мне:

— Нет, повыше сядьте!

Я пересел на вторую, но он сказал мне:

— Нет, ваше боголюбие! На самую верхнюю ступеньку садиться извольте.

И, усадив меня, прибавил:

— Ну, вот, сидите же тут и подождите, когда я, побеседовав с сиротами моими, выйду к вам.

Батюшка ввел к себе в келлию двух сестер, из коих одна была девица из дворян, сестра нижегородского помещика Манторова, Елена Васильевна, как о том мне на мой спрос сказали оставшиеся со мной в сенцах сестры.

Долго я сидел в ожидании, когда и для меня отворит двери великий Старец. Думаю, сидел я так часа два. Вышел ко мне из другой, ближайшей ко входу в сени сей келлии келейник отца Серафима, Павел, и, несмотря на отговоры мои, убедил меня посетить его келлию и стал мне делать разные наставления к жизни духовной, в самом же деле имевшие целью, по наущению вражьему, ослабить мою любовь и веру в заслуги перед Богом великого старца Серафима.

Мне стало грустно, и я со скорбью сказал ему:

— Глуп я был, отец Павел, что, послушавшись убеждений ваших, вошел к вам в келлию. Отец игумен Нифонт — великий раб Божий, но и тут в Саровскую пустынь я не для него приезжал и приезжаю, хотя и весьма много его уважаю за его святыню, но лишь для одного только батюшки отца Серафима, о коем думаю, что и в древности мало было таких святых угодников Божиих, одаренных силою Илииною и Моисеевою. Вы же кто такие, что навязываетесь ко мне с вашими наставлениями, тогда как, догадываюсь я, вы и пути-то Божьего порядочно сами не знаете. Простите меня — я сожалею, что послушал вас и зашел к вам в келлию.

С тем и вышел я от него и сел опять на верхнюю ступеньку лесенки в сенцах батюшкиной келлии. Потом я слышал от того же отца Павла, что батюшка грозно за это ему выговаривал, говоря ему: «Не твое дело беседовать с теми, которые убогого Серафима слова жаждут и к нему приезжают в Саров. И я сам, убогий,

не свое им говорю, но что Господь изволил мне открыть для назидания. Не мешайся не в свои дела. Себя самого знай, а учить никогда никого не смей: не дал Бог тебе этого дара — ведь он подается не даром людям, а за заслуги их перед Господом Богом нашим и по особенной Его милости и Божественному о людях смотрению и Святому Промыслу Его». Вписываю я это сюда для памяти и назидания дорожащих и малою речью, и едва заметною чертою характера великого старца Серафима.

Когда же около двух часов побеседовал Старец со своими сиротами, тогда дверь отворилась, и батюшка отец Серафим, проводив сестер, сказал мне:

— Долго задержал я вас, ваше боголюбие, не взыщите! Вот, сиротки мои нуждались во многом: так я, убогий, и утешил их. Пожалуйте в келлию!

В келлии этой своей монастырской он пробеседовал со мною о разных предметах, относившихся до спасения души и до жизни мирской, и велел мне с отцом

Гурием, саровским гостиником, на другой день после ранней обедни ехать к нему в ближнюю пустыньку.

II. Изволение Господне

Целую ночь проговорили мы с отцом Гурием про отца Серафима, целую ночь почти не спавши от радости, и на другой день отправились мы к батюшке отцу Серафиму в его ближнюю пустыньку, даже ничего не пивши и ничего не закусивши; и целый день до поздней ночи не пивши, не евши, пробыли у дверей этой ближней его пустыньки. Тысячи народа приходили к великому Старцу, и все отходили, не получив его благословения, а, постояв немного в его сенцах, возвращались вспять; человек семь или восемь остались с нами ждать конца этого дня и выхода из пустыньки батюшки отца Серафима: в том числе, как сейчас помню, была жена балахнинского казначея, из уездного города Нижегородской губернии Балахны, и какая-то странница, все хлопотавшая об открытии святых

мощей Пафнутия, кажется, в Балахне нетленно почивающего. Они решились с нами дождаться отворения дверей великого Старца. Наконец и они смутились духом, и даже сам отец Гурий, вечеру уже позднему наставшу, очень смутился и сказал мне:

— Уж темно, батюшка, и лошадь проголодалась, и мальчик-кучер есть, вероятно, хочет. Да как бы, если позже поедем, и звери на нас не напали бы*.

Но я сказал:

— Нет, батюшка отец Гурий, поезжайте вы одни назад, если боитесь чего, а меня пусть хотя и звери растерзают здесь, а я не отойду от двери батюшки отца Серафима, хоть бы мне и голодною смертью при них пришлось умереть; я все-таки стану ждать его, покуда отворит он мне двери святой своей келлии!

И батюшка отец Серафим весьма немного погодя действительно отворил две-

* Надобно знать девственный Саровский лес, окружающий Саровскую пустынь на десятки тысяч десятин, чтобы оценить естественный страх отца Гурия.

ри своей келлии и, обращаясь ко мне, сказал:

— Ваше боголюбие, я вас звал, но не взыщите, что я не отворял целый день: ныне среда, и я безмолвствую; а вот завтра — милости просим, я рад буду душевно с вами побеседовать. Но уже не так рано извольте жаловать ко мне, а то, не кушавши целый день, вы изнемогли вельми. А так, после поздней обедни да подкрепивши себя довольно пищею, пожалуйте с отцом Гурием ко мне. Теперь грядите и подкрепитесь пищею — вы изнемогли...

И стал нас, начиная с меня, благословлять и сказал отцу Гурию:

— Так, друг, так-то, радость моя, завтра с господином-то пожалуйте ко мне на ближайшую мою пажинку,— там меня обрящете; а теперь грядите с миром. До свидания, ваше боголюбие!

С этими словами батюшка опять затворился.

Никакое слово не может выразить той радости, которую я ощутил в сердце

моем. Я плавал в блаженстве. Мысль, что, несмотря на долготерпение целого дня, я хоть под конец, да сподобился, однако же, не только узреть лицо отца Серафима, но и слышать привет его богодухновенных словес, так утешила меня! Да, я был на высоте блаженства, никаким земным подобием невообразимой! И, несмотря на то что я целый день не пил, не ел, я сделался так сыт, что как будто наелся до пресыщения и напился до разумного упоения. Говорю истину, хоть, может быть, для некоторых, не испытавших на деле, что значит сладость, сытость и упоение, которыми преисполняется человек во время наития Духа Божия, слова мои и покажутся преувеличенными и рассказ чересчур восторженным. Но уверяю совестью православно-христианскою, что нет здесь преувеличения, а все сказанное сейчас мною есть не только сущая истина, но даже и весьма слабое представление того, что я действительно ощущал в сердце моем.

Но кто даст мне глагол, могущий хоть мало, хоть отчасти выразить, что восчувствовала душа моя на следующий день?!

III. Цель жизни христианской

Это было в четверток. День был пасмурный. Снегу было на четверть на земле, а сверху порошила довольно густая снежная крупа, когда батюшка отец Серафим начал беседу со мной на ближней пажинке своей, возле той же его ближней пустыньки против речки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам ее.

Поместил он меня на пне только что им срубленного дерева, а сам стал против меня на корточках.

— Господь открыл мне,— сказал великий Старец,— что в ребячестве вашем вы усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали...

Я должен сказать тут, что с двенадцатилетнего возраста меня эта мысль

неотступно тревожила, и я действительно ко многим из духовных лиц обращался с этим вопросом, но ответы их меня не удовлетворяли. Старцу это было неизвестно.

— Но никто,— продолжал отец Серафим,— не сказал вам о том определительно. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, твори добро — вот тебе и цель жизни христианской. А некоторые даже негодовали на вас за то, что вы заняты не богоугодным любопытством, и говорили вам: высших себя не ищи. Но они не так говорили, как бы следовало. Вот я, убогий Серафим*, растолкую вам теперь, в чем, действительно, эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее.

---

*Батюшка произносил свое имя, как все куряне, не «Серафим», а — «Серахвим».

Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божьего. Пост же, и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святаго Духа Божьего. Заметьте, батюшка, что лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святаго Духа. Все же, не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: «всяк иже не собирает со Мною, той расточает». Доброе дело иначе нельзя назвать, как собиранием, ибо хотя оно и не ради Христа делается, однако же добро. Писание говорит: «во всяком языце бойся Бога и делаяй правду, приятен Ему есть». И, как видим из последовательности священного повествования, этот «делаяй правду» до того приятен Богу, что Корнилию сотнику, боявшемуся Бога и делавшему правду,

явился ангел Господень во время молитвы его и сказал: «пошли во Иоппию к Симону Усмарю, тамо обрящеши Петра и той ти речет глаголы живота вечного, в них спасешися ты и весь дом твой». Итак, Господь все Свои Божественные средства употребляет, чтобы доставить такому человеку возможность за свои добрые дела не лишиться награды в жизни пакибытия. Но для этого надо начать здесь правой верой в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, пришедшего в мир грешныя спасти, и приобретением себе благодати Духа Святаго, вводящего в сердца наши Царствие Божие и прокладывающего нам дорогу к приобретению блаженства жизни будущего века. Но тем и ограничивается эта приятность Богу дел добрых, не ради Христа делаемых: Создатель наш дает средства на их осуществление. За человеком остается или осуществить их или нет. Вот почему Господь сказал Евреям: «аще не бысте видели, греха не бысте имели. Ныне же глаголете — видим, и

грех ваш пребывает на вас». Воспользуется человек, подобно Корнилию, приятностью Богу дела своего, не ради Христа сделанного, и уверует в Сына Его, то такого рода дело вменится ему, как бы ради Христа сделанное и только за веру в Него. В противном же случае человек не вправе жаловаться, что добро его не пошло в дело. Этого не бывает никогда только при делании какого-либо добра Христа ради, ибо добро, ради Него сделанное, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодатию Духа Святаго и притом, как сказано: «не в меру бо дает Бог Духа Святаго. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его».

Так-то, ваше боголюбие! Так в стяжании этого-то Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие ради Христа делаемые добродетели суть только средства к стяжанию Духа Божия.

— Как же стяжание? — спросил я батюшку Серафима. — Я что-то этого не понимаю.

— Стяжание все равно что приобретение, — отвечал мне он, — ведь вы разумеете, что значит стяжание денег? Так все равно и стяжание Духа Божия. Ведь вы, ваше боголюбие, понимаете, что такое в мирском смысле стяжание? Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание или наживание денег, а у дворян сверх того — получение почестей, отличий и других наград за государственные заслуги. Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он, как и денежный, чиновный и временный, приобретается одними и теми же путями, очень сходственными друг с другом. Бог Слово, Господь наш Богочеловек Иисус Христос, уподобляет жизнь нашу торжищу и дело жизни нашей на земле именует куплею, и говорит всем нам: «купуйте, дондеже прииду, искупующе время, яко дние лукави суть», то есть выгадывайте

время для получения небесных благ через земные товары. Земные товары — это добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие нам благодать Всесвятаго Духа. В притче о мудрых и юродивых девах, когда у юродивых недоставало елея, сказано: «шедши купите на торжищи». Но, когда они купили, двери в чертог брачный уже были затворены, и они не могли войти в него. Некоторые говорят, что недостаток елея у юродивых дев знаменует недостаток у них прижизненных добрых дел. Такое разумение не вполне правильно. Какой же это у них был недостаток в добрых делах, когда они хоть юродивыми, да все же девами называются? Ведь девство есть наивысочайшая добродетель, как состояние равноангельское, и могло бы служить заменой само по себе всех прочих добродетелей. Я, убогий, думаю, что у них именно благодати Всесвятаго Духа Божия недоставало. Творя добродетели, девы эти, по духовному своему неразумию, полагали, что в том-то и дело лишь

христианское, чтобы одни добродетели делать. Сделали мы, де, добродетель и тем, де, и дело Божие сотворили, а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было. Про такие-то образы жизни, опирающиеся лишь на одно творение добродетелей без тщательного испытания, приносят ли они и сколько именно приносят благодати Духа Божиего, и говорится в Отеческих книгах: «Ин есть путь, мняйся быти благим в начале, но концы его — во дно адово». Антоний Великий в письмах своих к монахам говорит про таких дев: «Многие монахи и девы не имеют никакого понятия о различиях в волях, действующих в человеке, и не ведают, что в нас действуют три воли: 1-я — Божия, всесовершенная и всеспасительная; 2-я — собственная своя, человеческая, то есть если не пагубная, то и не спасительная, и 3-я — бесовская — вполне пагубная». И вот эта-то третья, вражеская, воля и научает человека или не делать никаких добродете-

лей, или делать их из тщеславия, или для одного добра, а не ради Христа. Вторая — собственная — воля наша научает нас делать все в услаждение нашим похотям, а то и, как враг научает, творить добро ради добра, не обращая внимания на благодать, им приобретаемую. Первая же — воля Божия и всеспасительная — в том только и состоит, чтобы делать добро единственно лишь для стяжания Духа Святаго, как сокровища вечного, неоскудеваемого и ничем вполне и достойно оцениться не могущего. Оно-то, это стяжание Духа Святаго, собственно и называется тем елеем, которого недоставало у юродивых дев. За то-то они и названы юродивыми, что забыли о необходимом плоде добродетели — о благодати Духа Святаго, без которого и спасения никому нет и быть не может, ибо: «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеет же Тройческим единством священнотайне». Сам Дух Святой вселяется в души наши, и это-то самое вселение в

души наши Его, Вседержителя, и сопребывание с духом нашим Его Троического Единства и даруются нам лишь через всемерное с нашей стороны стяжание Духа Святаго, которое и предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божиему и всетворческому с духом нашим сопребыванию, по непреложному слову Божиему: «вселюся в них и похожду, и буду им в Бога, и тии будут в людие Мои». Вот это-то и есть тот елей в светильниках у мудрых дев, который мог светло и продолжительно гореть, и девы те с этими горящими светильниками могли дождаться и Жениха, пришедшего вополунощи и войти с Ним в чертог радости. Юродивые же, видевши, что угасают их светильники, хотя и пошли на торжище, да купят елея, но не успели возвратиться вовремя, ибо двери уже были затворены. Торжище — жизнь наша; двери чертога брачного, затворенные и не допустившие к Жениху,— смерть человеческая; девы мудрые и юродивые — души христианские; елей —

не дела, но получаемая через них вовнутрь естества нашего благодать Всесвятаго Духа Божия, претворяющая оное от сего в сие, то есть от тления в нетление, от смерти душевной в жизнь духовную, от тьмы в свет, от вертепа существа нашего, где страсти привязаны, как скоты и звери, — в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования о Христе Иисусе Господе нашем, Творце и Избавителе и Вечном Женихе душ наших. Сколь велико сострадание Божие к нашему бедствию, то есть невниманию к Его о нас попечению, когда Бог говорит: «се стою при дверях и толку!», разумея под дверями течение нашей жизни, еще не затворенной смертью. О, как желал бы я, ваше боголюбие, чтобы в здешней жизни вы всегда были в Духе Божием! «В чем застану, в том и сужду», — говорит Господь. Горе, великое горе, если застанет Он нас отягощенными попечением и печалями житейскими, ибо кто стерпит гнева Его и против лица гнева Его кто станет! Вот почему сказа-

но: «бдите и молитеся да не внидите в напасть», то есть да не лишитеся Духа Божия, ибо бдение и молитва приносят нам благодать Его. Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святаго, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших, как орудие для стяжания благодати Духа. Захотели бы вы, например, в церковь сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла; захотели бы нищему подать, да нищего нет, либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить по сложению вашему или по усилиям вражеских козней, которым вы по немощи человеческой противостоять не можете; захотели бы и другую какую-либо добродетель ради Христа сделать, да тоже сил нет или случая сыскать не можно. А до молитвы уже это никак не относится: на нее всякому и всегда есть возможность — и богатому, и бедному, и знатному, и простому, и сильному, и слабому, и здоровому, и больному,

и праведнику, и грешнику. Как велика сила молитвы даже и грешного человека, когда она от всей души возносится, судите по следующему примеру Священного Предания: когда по просьбе отчаянной матери, лишившейся единородного сына, похищенного смертью, жена-блудница, попавшаяся ей на пути и даже еще от только что бывшего греха не очистившаяся, тронутая отчаянной скорбью матери, возопила ко Господу: «не мене ради, грешницы окаянной, но слез ради матери, скорбящей о сыне своем и твердо уверенной в милосердии и всемогуществе Твоем, Христе Боже, воскреси, Господи, сына ее!» — и воскресил его Господь. Так-то, ваше боголюбие, велика сила молитвы, и она более всего приносит Духа Божиего, и ее удобнее всего всякому исправлять. Блаженны мы будем, когда обрящет нас Господь Бог бдящими, в полноте даров Духа Его Святаго! Тогда мы можем благодерзновенно надеяться быть восхищенными на облацех во сретение Господа на воздусе,

Грядущего со славою и силою многою судити живым и мертвым и воздати коемуждо по делом его.

Вот, ваше боголюбие, за великое счастье считать изволите с убогим Серафимом беседовать, уверены будучи, что и он не лишен благодати Господней. То что речем о Самом Господе, Источнике приснонеоскудевающем всякие благостыни, и небесные и земные?! А ведь молитвою мы с Ним Самим, всеблагим и животворящим Богом и Спасом нашим, беседовать удостаиваемся. Но и тут надобно молиться лишь до тех пор, пока Бог Дух Святой не сойдет на нас в известных Ему мерах небесной Своей благодати. И когда благоволит Он посетить нас, то надлежит уже перестать молиться. Чего же и молиться тогда Ему: «прииди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны и спаси, Блаже, души наша», когда уже пришел Он к нам, воеже спасти нас, уповающих на Него и призывающих имя Его Святое во истине, то есть с тем, чтобы смиренно и с любо-

вью сретить Его, Утешителя, внутрь храмин душ наших, алчущих и жаждущих Его пришествия. Я вашему боголюбию поясню это примером: вот хоть бы вы меня в гости к себе позвали, и я бы по зову вашему пришел к вам и хотел бы побеседовать с вами. А вы бы все-таки стали меня приглашать: милости-де просим, пожалуйте, дескать, ко мне! То я поневоле должен был бы сказать: что это он? из ума, что ли, выступил? я пришел к нему, а он все-таки меня зовет! — Так то и до Господа Бога, Духа Святаго относится. Потому-то и сказано: «упразднитеся и разумейте, яко Аз есмь Бог, вознесуся во языцех, вознесусь на земли», то есть явлюся и буду являться всякому верующему в Меня и призывающему Меня и буду беседовать с ним, как некогда беседовал с Адамом в раю, с Авраамом и Иаковом и с другими рабами Моими, с Моисеем, Иовом и им подобным. Многие толкуют, что это упразднение относится только до дел мирских, то есть что при молитвенной беседе

с Богом надобно упраздниться от мирских дел. Но я вам по Бозе скажу, что хотя и от них при молитве необходимо упраздниться, но когда, при всемогущей силе веры и молитвы, соизволит Господь Бог Дух Святой посетить нас и приидет к нам в полноте неизреченной Своей благости, то надобно и от молитвы упраздниться. Молвит душа и в молве находится, когда молитву творит; а при нашествии Духа Святаго надлежит быть в полном безмолвии, слышать явственно и вразумительно все глаголы живота вечного, которые Он тогда возвестить соизволит. Надлежит притом быть в полном трезвении и души, и духа и в целомудренной чистоте плоти. Так было при горе Хориве, когда израильтянам было сказано, чтобы они до явления Божиего на Синае за три дня не прикасались бы и к женам, ибо Бог наш есть «огнь поядаяй все нечистое», и в общение с Ним не может войти никтоже от скверны плоти и духа.

IV. Стяжание благодати

— Ну, а как же, батюшка, быть с другими добродетелями, творимыми ради Христа, для стяжания благодати Духа Святаго? Ведь вы мне о молитве только говорить изволите?

— Стяжевайте благодать Духа Святаго и всеми другими Христа ради добродетелями, торгуйте ими духовно, торгуйте теми из них, которые вам больший прибыток дают. Собирайте капитал благодатных избытков благости Божией, кладите их в ломбард вечный Божий из процентов невещественных и не по четыре или по шести на сто, но по сту на один рубль духовный, но даже еще того в бесчисленное число раз больше. Примерно: дает вам более благодати Божией молитва и бдение — бдите и молитесь; много дает Духа Божиего пост — поститесь; более дает милостыня — милостыню творите, и таким образом о всякой добродетели, делаемой Христа ради, рассуждайте.

Вот я вам расскажу про себя, убогого Серафима. Родом я из курских купцов. Так, когда не был я еще в монастыре, мы, бывало, торговали товаром, который нам больше барыша дает. Так и вы, батюшка, поступайте, и, как в торговом деле, не в том сила, чтобы лишь только торговать, а в том, чтобы больше барыша получить, так и в деле жизни христианской не в том сила, чтобы только молиться или другое какое-либо доброе дело делать. Хотя Апостол и говорит: «непрестанно молитеся», но да ведь, как помните, и прибавляет: «хочу лучше пять словес рещи умом, нежели тысящи языком». И Господь говорит: «не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи! спасется, но творяй волю Отца Моего», то есть делающий дело Божие и притом с благоговением, ибо проклят всяк, иже творит дело Божие с нерадением. А дело Божие есть: «да веруете в Бога и Его же послал есть Иисуса Христа». Если рассудить правильно о заповедях Христовых и апостольских, так дело наше хрис-

тианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, то есть вящем приобретении обильнейших даров Духа Святаго.

Так желал бы я, ваше боголюбие, чтобы и вы сами стяжали этот приснонеоскудевающий источник благодати Божией и всегда рассуждали себя, в Духе ли Божием вы обретаетесь или нет; и если — в Духе Божием, то, благословен Бог! — не о чем горевать: хоть сейчас — на Страшный суд Христов! Ибо «в чем застану, в том и сужду». Если же — нет, то надобно разобрать, отчего и по какой причине Господь Бог Дух Святой изволил оставить нас, и снова искать и доискиваться Его и не отставать до тех пор, пока искомый Господь Бог Дух Святой не сыщется и не будет снова с нами Своею благодатию. На отгоняющих же нас от Него врагов наших надобно так нападать, покуда и прах их возметется, как сказал пророк Давид:

«пожену враги моя и постигну я, и не возвращусь, дондеже скончаются, оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногама моима».

Так-то, батюшка! Так и извольте торговать духовно добродетелью. Раздавайте дары благодати Духа Святаго требующим по примеру свещи возжженной, которая и сама светит, горя земным огнем, и другие свещи, не умаляя своего собственного огня, зажигает во светение всем в других местах. И если это так в отношении огня земного, то что скажем об огне благодати Всесвятаго Духа Божия?! Ибо, например, богатство земное, при раздавании его, оскудевает, богатство же небесное Божией благодати, чем более раздается, тем более приумножается у того, кто его раздает. Так и Сам Господь изволил сказать самаряныне: «пияй от воды сей возжаждет вновь, а пияй от воды, юже Аз ему дам, не возжаждет во веки, но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник, приснотекущий в живот вечный».

V. Богоматерь – язва бесов

— Батюшка,— сказал я,— вот вы все изволите говорить о стяжании благодати Духа Святаго, как о цели христианской жизни; но как же и где я могу ее видеть? Добрые дела видны, а разве Дух Святой может быть виден? Как же я буду знать, со мной Он или нет?

— Мы в настоящее время,— так отвечал Старец,— по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла и общения человека с Богом, до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинно христианской жизни. Нам теперь кажутся странными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: «и виде Адам Господа, ходящего в раи» — или когда читаем у апостола Павла: «идохом во Ахаию, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий иде с нами». Неоднократно и в

других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человекам.

Вот некоторые и говорят: «Эти места непонятны, неужели люди так очевидно могли видеть Бога?» А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание оттого, что мы удалились от простоты первоначального христианского ведения и, под предлогом просвещения, зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние до того ясно разумели, что им и в обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми не казалось странным. Так Иов, когда друзья его укоряли в том, что он хулит Бога, отвечал им: «как это может быть, когда я чувствую дыхание Вседержителево в ноздрех моих?», то есть как, де, я могу хулить Бога, когда Дух Святой со мной пребывает. Если бы я хулил Бога, то Дух Святой отступил бы от меня, а вот я и дыхание Его ощущаю в ноздрех моих. Таким точно образом говорится и про Авраама и про Иакова, что они

видели Господа и беседовали с Ним, а Иаков даже и боролся с Ним. Моисей видел Бога, и весь народ с ним, когда он сподобился приять от Бога скрижали закона на горе Синай. Столб облачный и огненный или, что то же, явная благодать Духа Святаго служили путеводителями народу Божию в пустыне. Бога и благодать Духа Его Святаго люди не во сне видели, и не в мечтании, и не в исступлении воображения расстроенного, а истинно въяве. Очень уж мы стали невнимательны к делу нашего спасения, отчего и выходит, что мы и многие другие слова Священного Писания приемлем не в том смысле, как бы следовало. А все потому, что не ищем благодати Божией, не допускаем ей по гордости ума нашего вселиться в души наши, и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем алчущих и жаждущих правды Божией. Вот, например: многие толкуют, что, когда в Библии говорится — «вдуну Бог дыхание жизни в лице

Адама первозданного и созданного Им от персти земной», — что будто бы это значило, что в Адаме до этого не было души и духа человеческого, а была будто бы лишь плоть одна, созданная из персти земной. Неверно это толкование, ибо Господь Бог создал Адама от персти земной в том составе, как батюшка святой апостол Павел утверждает: «да будет всесовершен ваш дух, душа и плоть в пришествие Господа нашего Иисуса Христа». И все три сии части нашего естества созданы были от персти земной, и Адам не мертвым был создан, но действующим животным существом, подобно другим живущим на земле одушевленным Божиим созданиям. Но вот в чем сила, что если бы Господь Бог не вдунул потом в лицо его сего дыхания жизни, то есть благодати Господа Бога Духа Святаго, от Отца исходящего и в Сыне почивающего и ради Сына в мир посылаемого, то Адам, как ни был он совершенно превосходно создан над прочими Божьими созданиями, как венец

творения на земле, все-таки пребыл бы не имущим внутрь себя Духа Святаго, возводящего его в богоподобное достоинство, и был бы подобен всем прочим созданиям, хотя и имеющим плоть, и душу, и дух, принадлежащие каждому по роду их, но Духа Святаго внутрь себя не имущим. Когда же вдунул Господь Бог в лицо Адамово дыхание жизни, тогда-то, по выражению Моисееву, и «Адам бысть в душу живу», то есть совершенно во всем Богу подобную и такую, как и Он, на веки веков бессмертную. Адам сотворен был до того неподлежащим действию ни одной из сотворенных Богом стихий, что его ни вода не топила, ни огонь не жег, ни земля не могла пожрать в пропастях своих, ни воздух не мог повредить каким бы то ни было своим действием. Все покорено было ему, как любимцу Божию, как царю и обладателю твари. И всё любовалось на него, как на всесовершенный венец творений Божиих. От этого-то дыхания жизни, вдохнутого в лицо Ада-

мово из Всетворческих Уст Всетворца и Вседержителя Бога, Адам до того преумудрился, что не было никогда от века, нет, да и едва ли будет когда-нибудь на земле человек, премудрее и многознательнее его. Когда Господь повелел ему нарещи имена всякой твари, то каждой твари он дал на языке такие названия, которые знаменуют вполне все качества, всю силу и все свойства твари, которые она имеет по дару Божию, дарованному ей при ее сотворении. Вот по этому-то дару вышеестественной Божией благодати, ниспосланному ему от дыхания жизни, Адам мог видеть и разуметь и Господа, ходящего в раи, и постигать глаголы Его и беседу святых ангелов и язык всех зверей и птиц и гадов, живущих на земле, и все то, что ныне от нас, как от падших и грешных, сокрыто и что для Адама до его падения было так ясно. Такую же премудрость, и силу, и всемогущество, и все прочие благие и святые качества Господь Бог даровал и Еве, сотворив ее не от персти земной,

а от ребра Адамова в Едеме сладости, в раи, насажденном Им посреди земли. Для того чтобы они могли удобно и всегда поддерживать в себе бессмертные, богоблагодатные и всесовершенные свойства сего дыхания жизни, Бог посадил посреди рая древо жизни, в плодах которого заключил всю сущность и полноту даров этого Божественного Своего дыхания. Если бы не согрешили, то Адам и Ева сами и все их потомство могли бы всегда, пользуясь вкушением от плода древа жизни, поддерживать в себе вечно животворящую силу благодати Божией и бессмертную, вечно юную полноту сил плоти, души и духа и непрестанную нестареемость бесконечно бессмертного всеблаженного своего состояния, даже и воображению нашему в настоящее время неудобопонятного. Когда же вкушением от древа познания добра и зла — преждевременно и противно заповеди Божией — узнали различие между добром и злом и подверглись всем бедствиям, последовавшим за преступ-

ление заповеди Божией, то лишились этого бесценного дара благодати Духа Божия, так что, до самого пришествия в мир Богочеловека Иисуса Христа, Дух Божий «не убо бе в мире, яко Иисус не убо бе прославлен». Однако это не значит, чтобы Духа Божиего вовсе не было в мире, но Его пребывание не было таким полномерным, как в Адаме или в нас, православных христианах, а проявлялось только отвне, и признаки Его пребывания в мире были известны роду человеческому. Так, например, Адаму после падения, а равно и Еве вместе с ним были открыты многие тайны, относившиеся до будущего спасения рода человеческого. И Каину, несмотря на нечестие его и его преступление, удобопонятен был глас благодатного Божественного, хотя и обличительного, собеседования с ним. Ной беседовал с Богом. Авраам виде Бога и день Его и возрадовался. Благодать Святаго Духа, действовавшая отвне, отражалась и во всех ветхозаветных пророках и святых Израиля.

У евреев потом заведены были особые пророческие училища, где учили распознавать признаки явления Божиего или ангелов и отличать действия Духа Святаго от обыкновенных явлений, случающихся в природе неблагодатной земной жизни. Симеону Богоприимцу, Богоотцам Иоакиму и Анне и многим бесчисленным рабам Божиим бывали постоянные, разнообразные въяве Божественные явления, гласы, откровения, оправдывавшиеся очевидными чудесными событиями. Не с такою силой, как в народе Божием, но проявление Духа Божиего действовало и в язычниках, не ведавших Бога Истинного, потому что и из их среды Бог находил избранных Себе людей. Таковы, например, были девственницы пророчицы, сивиллы, которые обрекали свое девство хотя для Бога Неведомого, но все же для Бога, Творца вселенной, и Вседержителя, и Мироправителя, каковым Его и язычники сознавали. Также и философы языческие, которые, хотя и во тьме неведения Божественного

блуждали, но, ища истины, возлюбленной Богу, могли быть по самому этому боголюбезному ее исканию не непричастными Духу Божиему, ибо сказано: «языки неведущие Бога естеством законная творят и угодная Богу соделывают». А истину так ублажает Господь, что Сам про нее Духом Святым возвещает: «истина от земли воссия, и правда с небесе приниче».

Так вот, ваше боголюбие, и в еврейском священном, Богу любезном народе, и в язычниках, неведущих Бога, а все-таки сохранялось ведение Божие, то есть, батюшка, ясное и разумное понимание того, как Господь Бог Дух Святой действует в человеке и как именно и по каким наружным и внутренним ощущениям можно удостовериться, что это действует Господь Бог Дух Святой, а не прелесть вражеская. Таким-то образом все это было от падения Адама до пришествия Господа нашего Иисуса Христа во плоти в мир.

Без этого, ваше боголюбие, всегда сохранявшегося в роде человеческом ощутительно о действиях Духа Святаго понимания не было бы людям ничем возможности узнать в точности — пришел ли в мир обетованный Адаму и Еве плод семени жены, имеющий стереть главу змиеву.

Но вот Симеон Богоприимец, сохраненный Духом Святым после предвозвещения ему на 65 году его жизни тайны приснодевственного от Пречистой Приснодевы Марии Его зачатия и рождения, проживши по благодати Всесвятаго Духа Божиего 300 лет, потом на 365 году жизни своей сказал ясно в храме Господнем, что ощутительно узнал по дару Духа Святаго, что это и есть Он Самый, Тот Христос, Спаситель мира, о вышеестественном зачатии и рождении Коего от Духа Святаго ему было предвозвещено 300 лет тому назад от ангела.

Вот и святая Анна пророчица, дочь Фануилова, служившая 80 лет от вдовства своего Господу Богу в храме Божием

и известная по особенным дарам благодати Божией за вдовицу праведную, чистую рабу Божию, возвестила, что это действительно Он и есть обетованный миру Мессия, истинный Христос, Бог и человек, Царь Израилев, пришедший спасти Адама и род человеческий.

Когда же Он, Господь наш Иисус Христос, изволил совершить все дело спасения, то по воскресении Своем дунул на Апостолов, возобновив дыхание жизни, утраченное Адамом, и даровал им эту же самую Адамовскую благодать Всесвятаго Духа Божиего. Но мало сего — ведь говорил же Он им: «уне есть им, да Он идет ко Отцу; аще же бо не идет Он, то Дух Божий не приидет в мир; аще же идет Он, Христос, ко Отцу, то послет Его в мир, и Он, Утешитель, наставит их и всех последующих их учению на всякую истину и воспомянет им вся, яже Он глаголал им еще сущи в мире с ними». Это уже обещана была Им благодать-возблагодать. И вот в день Пятидесятницы торжественно нис-

послал Он им Духа Святаго в дыхании бурне, в виде огненных языков, на коемждо из них седших и вошедших в них, и наполнивших их силою огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостотворно действующей в душах причащающихся Ее силе и действиям. И вот эту-то самую огнедохновенную благодать Духа Святаго, когда она подается нам всем верным Христовым в таинстве святого крещения, священно запечатлевают миропомазанием в главнейших, указанных Святою Церковию местах нашей плоти, как вековечной хранительницы этой благодати. Говорится: «печать Дара Духа Святаго». А на что, батюшка, ваше боголюбие, кладем мы, убогие, печати свои, как не на сосуды, хранящие какую-нибудь высокоценимую нами драгоценность? Что же может быть выше всего на свете и что драгоценнее даров Духа Святаго, ниспосылаемых нам свыше в таинстве крещения, ибо крещенская эта благодать столь велика и столь необходима, столь живо-

носна для человека, что даже и от человека-еретика не отъемлется до самой его смерти, то есть до срока, обозначенного свыше по Промыслу Божию, для пожизненной пробы человека на земле — на что, де, он будет годен и что, де, он в этот Богом дарованный ему срок при посредстве свыше дарованной ему силы благодати сможет совершить. И если бы мы не грешили никогда после крещения нашего, то вовеки пребыли бы святыми, непорочными и изъятыми от всякой скверны плоти и духа угодниками Божиими. Но вот в том-то и беда, что мы, преуспевая в возрасте, не преуспеваем в благодати и в разуме Божием, как преуспевал в том Господь наш Христос Иисус, а, напротив того, развращаясь мало-помалу, лишаемся благодати Всесвятаго Духа Божиего и делаемся в многоразличных мерах грешными и многогрешными людьми. Но, когда кто, будучи возбужден ищущею нашего спасения премудростию Божиею, обходящею вся-ческая, решится ради нее на утреннева-

ние к Богу и бдение ради обретения вечного своего спасения, тогда тот, послушный гласу ее, должен прибегнуть к истинному во всех грехах своих покаянию и к сотворению противоположных соделянным грехам добродетелей, а через добродетели Христа ради — к приобретению Духа Святаго, внутрь нас действующего и внутрь нас Царствие Божие устраивающего. Слово Божие недаром говорит: «внутрь вас есть Царство Божие и нуждно есть оно, и нуждницы е восхищают». То есть те люди, которые, несмотря на узы греховные, связавшие их и не допускающие своим насилием и возбуждением на новые грехи прийти к Нему, Спасителю нашему, с совершенным покаянием на истязание с Ним, презирая всю крепость этих греховных связок, нудятся расторгнуть узы их,— такие люди являются потом действительно перед лице Божие паче снега убеленными Его благодатию. «Приидите,— говорит Господь,— и аще грехи ваши будут, яко багряное, то яко снег убелю

их». Так некогда святой тайновидец Иоанн Богослов видел таких людей во одеждах белых, то есть одеждах оправдания, и «финицы в руках их», как знамение победы, и пели они Богу дивную песнь «Аллилуиа». «Красоте пения их никтоже подражати можаше». Про них ангел Божий сказал: «сии суть, иже приидоша от скорби великия, иже испраша ризы своя и убелиша ризы своя в Крови Агнчей»,— испраша страданиями и убелиша их в причащении Пречистых и Животворящих Таин Плоти и Крови Агнца Непорочна и Пречиста Христа, прежде всех век закланного Его собственною волею за спасение мира, присно и доныне закалаемого и раздробляемого, но николиже иждиваемого, подающего же нам в вечное и неоскудеваемое спасение наше напутие живота вечного во ответ благоприятен на страшном судище Его и замену дражайшую и всяк ум превосходящую того плода древа жизни, которого хотел было лишить наш род человеческий враг человеков, спад-

ший с небесе денница. Хотя враг диавол и обольстил Еву, и с нею пал и Адам, но Господь не только даровал им Искупителя в плоде Семени Жены, смертию смерть поправшего, но и дал всем нам в Жене, Приснодеве Богородице Марии, стершей в Самой Себе и стирающей во всем роде человеческом главу змиеву, неотступную Ходатаицу к Сыну Своему и Богу нашему, непостыдную и непреоборимую Предстательницу даже за самых отчаянных грешников. По этому самому Божия Матерь и называется «Язвою бесов», ибо нет возможности бесу погубить человека, лишь бы только сам человек не отступил от прибегания к помощи Божией Матери.

VI. Благодать есть свет

— Еще, ваше боголюбие, должен я, убогий Серафим, объяснить, в чем состоит различие между действиями Духа Святаго, священнотайне вселяющегося в сердца верующих в Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, и дей-

ствиями тьмы греховной, по наущению и разжжению бесовскому воровски в нас действующей. Дух Божий воспоминает нам словеса Господа нашего Иисуса Христа и действует едино с Ним, всегда тожественно, радостотворя сердца наши и управляя стопы наши на путь мирен, а дух лестчий, бесовский, противно Христу мудрствует, и действия его в нас мятежны, стропотны и исполнены похоти плотской, похоти очес и гордости житейской. «Аминь, аминь, глаголю вам, всяк живый и веруяй в Мя не умрет во веки»; имеющий благодать Святаго Духа за правую веру во Христа, если бы по немощи человеческой и умер душевно от какого-либо греха, то не умрет вовеки, но будет воскрешен благодатию Господа нашего Иисуса Христа, вземлющего грехи мира и туне дарующего благодать-возблагодать. Про эту-то благодать, явленную всему миру и роду нашему человеческому в Богочеловеке, и сказано в Евангелии: «в Том живот бе и живот бе свет человеком», и прибавлено: «и свет

во тме светится и тма Его не объят». Это значит, что благодать Духа Святаго, даруемая при крещении во имя Отца и Сына, и Святаго Духа, несмотря на грехопадения человеческие, несмотря на тьму вокруг души нашей, все-таки светится в сердце искони бывшим Божественным светом бесценных заслуг Христовых. Этот свет Христов при нераскаянии грешника глаголет ко Отцу: Авва Отче! не до конца прогневайся на нераскаянность эту! — а потом, при обращении грешника на путь покаяния, совершенно изглаживает и следы содеянных преступлений, одевая бывшего преступника снова одеждой нетления, сотканной из благодати Духа Святаго, о стяжании которой, как о цели жизни христианской, я и говорю столько времени вашему боголюбию.

Еще скажу вам, чтобы вы еще яснее поняли, что разуметь под благодатию Божиею, и как распознать ее, и в чем особливо проявляется ее действие в людях, ею просвещенных. Благодать Духа

Святаго есть свет, просвещающий человека. Об этом говорит все Священное Писание. Так богоотец Давид сказал: «светильник ногама моима закон Твой и свет стезям моим, и аще не закон Твой научение мне был, тогда убо погибл бых во смирении моем». То есть благодать Духа Святаго, выражающаяся в законе словами заповедей Господних, есть светильник и свет мой, и если бы не эта благодать Духа Святаго, которую я так тщательно и усердно стяжеваю, что седмижды на день поучаюсь о судьбах правды Твоей, просвещала меня во тьме забот, сопряженных с великим званием моего царского сана, то откуда бы я взял себе хоть искру света, чтобы озарить путь свой по дороге жизни, темной от недоброжелательства недругов моих? И на самом деле Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святаго на тех людях, которых Он освящал и просвещал великими наитиями Его. Вспомните про Моисея после беседы его с Богом на

горе Синайской. Люди не могли смотреть на него — так сиял он необыкновенным светом, окружавшим лицо его. Он даже принужден был являться народу не иначе, как под покрывалом. Вспомните Преображение Господне на горе Фавор. Великий свет объял Его и «быша ризы Его, блещущие яко снег, и ученицы Его от страха падоша ниц». Когда же Моисей и Илия явились к нему в том же свете, то, чтобы скрыть сияние света Божественной благодати, ослепляющей глаза учеников, «облак», сказано, «осени их». И таким-то образом благодать Всесвятаго Духа Божиего является в неизреченном свете для всех, которым Бог являет действие ее.

VII. Мир и теплота благодати

— Каким же образом,— спросил я батюшку о. Серафима,— узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святаго?

— Это, ваше боголюбие, очень просто! — отвечал он мне.— Поэтому-то и Господь говорит: «вся проста суть обре-

тающим разум». Да беда-то вся наша в том, что сами-то мы не ищем этого разума Божественного, который не кичит*, ибо не от мира сего есть. Разум этот, исполненный любовью к Богу и ближнему, созидает всякого человека во спасение Ему. Про этот разум Господь сказал: «Бог хощет всем спастися и в разум истины приити». Апостолам же Своим про недостаток этого разума Он сказал: «ни ли неразумливи есте и не чли ли Писания, и притчи сия не разумеете ли?» Опять же про этот разум в Евангелии говорится про Апостолов, что «отверз им тогда Господь разум разумети Писания». Находясь в этом разуме, и Апостолы всегда видели, пребывает ли Дух Божий в них или нет, и, проникнутые им и видя сопребывание с ними Духа Божия, утвердительно говорили, что дело их свято и вполне угодно Господу Богу. Этим и объясняется, почему они в посланиях своих писали: «изволися Духу Святому и нам», и только на

* Не гордится.

этих основаниях и предлагали свои послания, как истину непреложную, на пользу всем верным — так святые Апостолы ощутительно сознавали в себе присутствие Духа Божиего... Так вот, ваше боголюбие, видите ли, как это просто?

Я отвечал:

— Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божием. Как мне самому в себе распознавать истинное Его явление?

Батюшка отец Серафим отвечал:

— Я уже, ваше боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божием и как должно разуметь Его явление в нас... Что же вам, батюшка, надобно?

— Надобно,— сказал я,— чтобы я понял это хорошенько!

Тогда отец Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

— Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобою!.. Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

— Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли!..

Отец Серафим сказал:

— Не устрашайтесь, ваше боголюбие! И вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божиего, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть.

И, приклонив ко мне свою голову, он тихонько на ухо сказал мне:

— Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: «Господи! Удостой его ясно и телесными глазами видеть то сошествие Духа Твоего, которым Ты удостаиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться во свете великолепной славы Твоей!» И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима...

Как же нам не благодарить Его за этот Его неизреченный дар нам обоим! Этак, батюшка, не всегда и великим пустынникам являет Господь Бог милость Свою. Эта благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолюбивая, по предстательству Самой Матери Божией... Что ж, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто и не убойтесь — Господь с нами!

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека, с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный и простирающийся далеко, на несколько сажен кругом, и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену,

покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня, и великого Старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда?

— Что же чувствуете вы теперь? — спросил меня отец Серафим.

— Необыкновенно хорошо! — сказал я.

— Да как же хорошо? Что именно?

Я отвечал:

— Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу!

— Это, ваше боголюбие,— сказал батюшка отец Серафим,— тот мир, про который Господь сказал ученикам Своим: «мир Мой даю вам, не якоже мир дает, Аз даю вам. Аще бо от мира были бысте, мир убо любил свое, но якоже избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир. Обаче дерзайте, яко Аз победих мир». Вот этим-то людям, ненавидимым от мира сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, кото-

рый вы теперь в себе чувствуете; «мир», по слову апостольскому, «всяк ум преимущий». Таким его называет Апостол, потому что нельзя выразить никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внедряет Господь Бог. Христос Спаситель называет его миром от щедрот Его собственных, а не от мира сего, ибо никакое временное земное благополучие не может дать его сердцу человеческому: он свыше дарується от Самого Господа Бога, почему и называется миром Божиим... Что же еще чувствуете вы? — спросил меня отец Серафим.

— Необыкновенную сладость! — отвечал я.

И он продолжал:

— Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: «от тука дому Твоего упиются и потоком сладости Твоея напоиши я». Вот эта-то теперь сладость преисполняет сердца наши и разливается по всем жилам нашим неиз-

реченным услаждением. От этой-то сладости наши сердца как будто тают, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же еще вы чувствуете?

— Необыкновенную радость во всем моем сердце!

И батюшка отец Серафим продолжал:

— Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостию, ибо Дух Божий радостотворит все, к чему бы Он ни прикоснулся. Это та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем: «жена егда рождает, скорбь имать, яко прииде год ея; егда же родит отроча, к тому не помнит скорби за радость, яко человек родися в мир. В мире скорбни будете, но егда узрю вы, возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возмет от вас». Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце

своем, все-таки она ничтожна в сравнении с тою, про которую Сам Господь устами Своего Апостола сказал, что радости той «ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша благая, яже уготова Бог любящим Его». Предзадатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготована там, на небесах, плачущим здесь, на земле?! Вот и вы, батюшка, довольно-таки поплакали в жизни вашей на земле, и смотрите-ка, какою радостью утешает вас Господь еще в здешней жизни. Теперь за нами, батюшка, дело, чтобы, труды к трудам прилагая, восходить нам от силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова, да сбудутся на нас слова Господни: «терпящие же Господа, тии изменят крепость, окрилотеют, яко орли, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут, пойдут от силы в силу, и явится им Бог богов в Сионе разумения и небесных видений»... Вот

тогда-то наша теперешняя радость, являющаяся нам вмале и вкратце, явится во всей полноте своей, и никтоже возьмет ее от нас, преисполняемых неизъяснимых пренебесных наслаждений... Что же еще вы чувствуете, ваше боголюбие?

Я ответил:

— Теплоту необыкновенную!

— Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе, и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... Какая же может быть тут теплота?!

Я отвечал:

— А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку и когда из нее столбом пар валит...

— И запах,— спросил он меня,— такой же, как из бани?

— Нет,— отвечал я,— на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Когда, еще при жизни матушки моей, я любил танцевать и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка моя опрыснет меня, бывало, духами, которые

покупала в лучших модных магазинах Казани, но те духи не издают такого благоухания...

И батюшка отец Серафим, приятно улыбнувшись, сказал:

— И сам я, батюшка, знаю это точно так же, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас — так ли вы это чувствуете? Сущая правда, ваше боголюбие! Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святаго Духа Божия. Что же земное может быть подобно ему!.. Заметьте же, ваше боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть именно та самая теплота, про которую Дух Святой словами молитвы заставляет нас вопиять к Господу: «теплотою Духа Святаго согрей мя!» Ею-то согреваемые пустынники и

пустынницы не боялись зимнего мраза, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Святаго Духа истканную. Так ведь и должно быть на самом деле, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: «Царствие Божие внутрь вас есть». Под Царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святаго. Вот это Царствие Божие теперь внутрь нас и находится, а благодать Духа Святаго и отвне осиявает и согревает нас и, преисполняя многоразличным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, напояя сердца наши радостью неизглаголанною. Наше теперешнее положение есть то самое, про которое Апостол говорит: «Царствие Божие несть пища и питие, но правда и мир о Дусе Святе». Вера наша состоит «не в препретельных* земныя мудрости словах, но в явлении силы и духа». Вот в этом-то состоянии мы с вами

* Убедительных.— *Ред.*

теперь и находимся. Про это состояние именно и сказал Господь: «суть нецыи от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие, пришедшее в силе»... Вот, батюшка, ваше боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог!.. Вот что значит быть в полноте Духа Святаго, про которую святой Макарий Египетский пишет: «я сам был в полноте Духа Святаго». Этою-то полнотою Духа Своего Святаго и нас, убогих, преисполнил теперь Господь... Ну, уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святаго!.. Будете ли вы помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей нас?

— Не знаю, батюшка,— сказал я,— удостоит ли меня Господь навсегда помнить так живо и явственно, как теперь я чувствую, эту милость Божию.

— А я мню,— отвечал мне отец Серафим,— что Господь поможет вам на-

всегда удержать это в памяти вашей, ибо иначе благость Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого мира, чтобы вы сами, утвердившись в деле Божием, и другим могли быть полезными. Что же касается до того, батюшка, что я монах, а вы мирской человек, то об этом думать нечего: у Бога взыскуется правая вера в Него и Сына Его Единородного. За это и подается обильно свыше благодать Духа Святаго. Господь ищет сердца, преисполненного любовью к Богу и ближнему,— вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является в полноте Своей пренебесной славы. «Сыне, даждь Ми сердце твое! — говорит Он,— а все прочее Я Сам приложу тебе», ибо в сердце человеческом может вмещаться Царствие Божие. Господь заповедует ученикам Своим: «ищите прежде Царствия Божия

и правды Его, и сия вся приложатся вам. Весть бо Отец ваш Небесный, яко всех сих требуете». Не укоряет Господь Бог за пользование благами земными, ибо и Сам говорит, что, по положению нашему в жизни земной, мы всех сих требуем, то есть всего, что успокаивает на земле нашу человеческую жизнь и делает удобным и более легким путь наш к отечеству небесному. На это опираясь, святой апостол Петр сказал, что, по его мнению, нет ничего лучше на свете, как благочестие, соединенное с довольством. И Церковь Святая молится о том, чтобы это было нам даровано Господом Богом; и хотя прискорбия, несчастия и разнообразные нужды и неразлучны с нашей жизнью на земле, однако же Господь Бог не хотел и не хощет, чтобы мы были только в одних скорбях и напастях, почему и заповедует нам через Апостолов носить тяготы друг друга и тем исполнить закон Христов. Господь Иисус лично дает нам заповедь, чтобы мы любили друг друга и, соутешаясь этой взаимной

любовью, облегчали себе прискорбный и тесный путь нашего шествования к отечеству небесному. Для чего же Он и с небес сошел к нам, как не для того, чтобы, восприяв на Себя нашу нищету, обогатить нас богатством благости Своей и Своих неизреченных щедрот. Ведь пришел Он не для того, чтобы послужили Ему, но да послужит Сам другим и да даст душу Свою за избавление многих. Так и вы, ваше боголюбие, творите и, видевши явно оказанную вам милость Божию, сообщайте о том всякому желающему себе спасения. «Жатвы бо много,— говорит Господь,— делателей же мало». Вот и нас Господь Бог извел на делание и дал дары благодати Своей, чтобы, пожиная класы* спасения наших ближних через множайшее число приведенных нами в Царствие Божие, принесли Ему плоды — ово тридесять, ово шестьдесят, ово же сто. Будем же блюсти себя, батюшка, чтобы не быть нам осужденным с тем лукавым и ленивым

* Клас — колос.— *Ред.*

рабом, который закопал свой талант в землю, а будем стараться подражать тем благим и верным рабам Господа, которые принесли Господину своему: один вместо двух — четыре, другой вместо пяти — десять. О милосердии же Господа Бога сомневаться нечего: сами, ваше боголюбие, видите, как слова Господни, сказанные через Пророка, сбылись на нас. «Несмь Аз Бог издалече, но Бог изблизи и при устех твоих есть спасение твое». Не успел я, убогий, перекреститься, а только лишь в сердце своем пожелал, чтобы Господь удостоил вас видеть Его благостыню во всей ее полноте, как уже Он немедленно и на деле исполнением моего пожелания поспешить изволил. Не велехваляся* говорю я это и не с тем, чтобы показать вам свое значение и привести вас в зависть, и не для того, чтобы вы подумали, что я монах, а вы мирянин, нет, ваше боголюбие, нет! «Близ Господь всем призывающим Его во истине, и несть у Него зрения на лица,

* Не из тщеславия.— *Ред.*

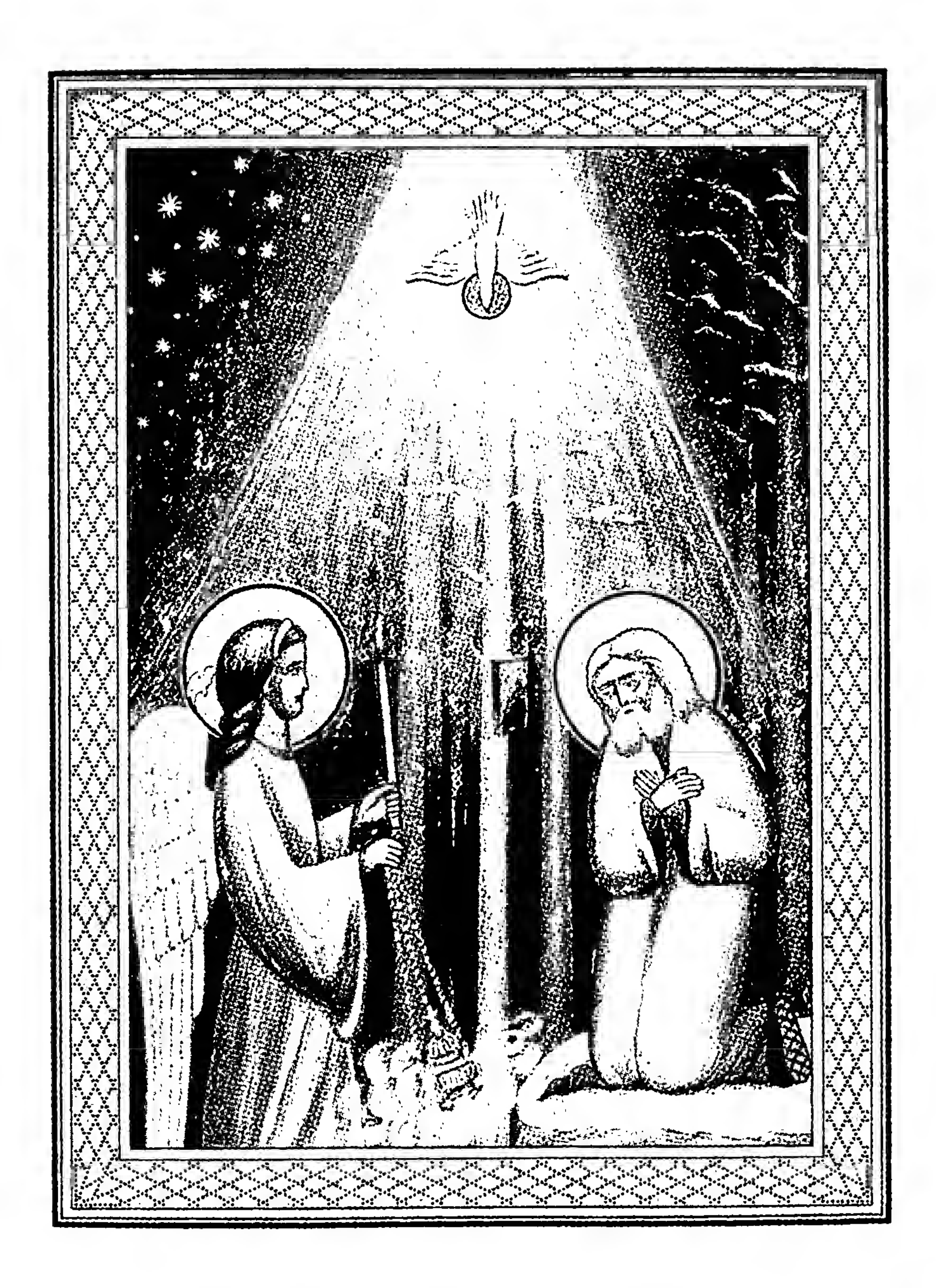
Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его», лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего Небесного, истинно по-сыновнему. Господь равно слушает и монаха, и мирянина, простого христианина, лишь бы оба были православные, и оба любили Бога из глубины душ своих, и оба имели в Него веру, хотя бы «яко зерно горушно», и оба двинут горы. «Един движет тысящи, два же тмы». Сам Господь говорит: «вся возможна верующему», а батюшка святой апостол Павел велегласно восклицает: «вся могу о укрепляющем мя Христе». Не дивнее ли еще этого Господь наш Иисус Христос говорит о верующих в Него: «веруяй в Мя дела не точию яже Аз творю, но и больше сих сотворит, яко Аз иду ко Отцу Моему и умолю Его о вас, да радость ваша исполнена будет. Доселе не просите ничесоже во Имя Мое, ныне же просите и приимите»... Так-то, ваше боголюбие, все, о чем бы вы ни попросили у Господа Бога, все восприимите, лишь бы только то было во славу

Божию или на пользу ближнего, потому что и пользу ближнего Он же к славе Своей относит, почему и говорит: «вся, яже единому от меньших сих сотвористе, Мне сотвористе». Так не имейте никакого сомнения, чтобы Господь Бог не исполнил ваших прошений, лишь бы только они или к славе Божией, или к пользам и назиданию ближних относились. Но если бы даже и для собственной вашей нужды, или пользы, или выгоды вам что-либо было нужно, и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам, только бы в том крайняя нужда и необходимость настояла, ибо любит Господь любящих Его: благ Господь всяческим, щедрит же и дает и не призывающим имени Его, и щедроты Его во всех делах Его, волю же боящихся Его сотворит, и молитву их услышит, и весь совет их исполнит, исполнит Господь все прошения твои. Одного опасайтесь, ваше боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды. Не откажет Господь вам и в том

за вашу православную веру во Христа Спасителя, ибо не предаст Господь жезла праведных на жребий грешных и волю раба Своего Давида сотворит неукоснительно, однако взыщет с него, зачем он тревожил Его без особой нужды, просил у Него того, без чего мог бы весьма удобно обойтись.

Так-то, ваше боголюбие, все я вам сказал теперь и на деле показал, что Господь и Божия Матерь через меня, убогого Серафима, вам сказать и показать соблаговолили. Грядите же с миром. Господь и Божия Матерь с вами да будут всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Грядите же с миром!..

И во все время беседы этой с того самого времени, как лицо отца Серафима просветилось, видение это не переставало, и все с начала рассказа и доселе сказанное говорил он мне, находясь в одном и том же положении. Исходившее же от него неизреченное блистание света видел я сам, своими собственными глазами, что готов подтвердить и присягою.

Содержание

СОКРОВЕННЫЙ СТАРЕЦ
СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

Редакторы *Лина Егорова*
Художник *Димитрий Епифанов*
Компьютерная графика *Натальи Тихомировой*
Компьютерная верстка
технического редактора *Марины Терентьевой*
Корректор *Марина Мельникова*
Набор *Ирины Музыченко*

Подписано в печать 21.02.11. Офсетная печать.
Гарнитура «Академия». Формат 70×100 1/32. Объем 12 печ. л.
Тираж 4000 экз. Заказ 10506.

ИД 00161 от 22.09.99. Издательство «Правило веры».
109309, Москва, ул. Артюхиной, 8/10, стр. 1.

Отпечатано в типографии ОАО «Молодая гвардия».
127994, Москва, ул. Сущевская, д. 21.

Об оптовой продаже и доставке книг обращаться
по телефонам: (499)613-94-63, (495)345-88-44.

E-mail: pravilo-very@yandex.ru. www.pravilovery.ru.

Интернет-магазины: www.ostrovknig.ru, http//pravmagazin.ru.
E-mail: info@blagovest-moskva.ru. Тел.: (495)973-19-11.
Книга-почтой: E-mail: post@lepta-kniga.ru. Тел.: (495)221-19-48.
Книга-почтой: E-mail: shop@bookshop.su. Тел.: (495)600-69-03.

ISBN 8-978-94759-125-5

